Materialien zur finnischen Frage.

Матеріалы

по

финляндскому вопросу.

Высочайшій

Манифестъ отъ 3/15 Февраля 1899 г.

Оффиціальные документы, реляціи, газетныя и журнальныя статьи и пр.

Цѣна 1 м. 25 пф.

БЕРЛИНЪ 1901.

Изданіе книжнаго магазина Штура.

(Владѣлецъ І. Реде.)

Монарху надлежитъ управлять страною, „какъ то постановлено съ законъ“. (§§ 2 и 5 Формы Правленія отъ 1772 года.)

Матеріалы

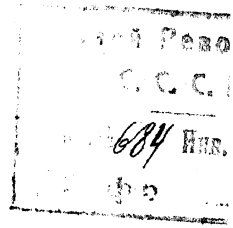
по

финляндскому вопросу.

Высочайшій

Манифестъ отъ 3/15 Февраля 1899 г.

Оффиціальные документы, реляціи, газетныя и журнальныя статьи и пр.



БЕРЛИНЪ 1901.

Изданіе книжнаго магазина Штура.

(Владѣлецъ І. Реде.)

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
564
2 8

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе V
I. О дѣйствительности законовъ 1
II. Историческая справка объ „общегосударственномъ“ законодательствѣ 4
III. Высочайшій манифестъ отъ 3/15 февраля 1899 года . . 5
IV. Первые отклики финляндской печати 12
V. Телеграмма „россійскаго телеграфнаго агентства“ . . 17
VI. Всеподданнѣйшее представленіе Императорскаго финляндскаго сената 18
VII. Протестъ прокурора 23
VIII. Отзывъ коммиссіи законовъ финляндскаго сейма . . . 24
IX. Отчетъ ландмаршала и тальмановъ объ ихъ поѣздкѣ въ Петербургѣ 27
X. Массовый адресъ финскаго народа 29
XI. Какъ жители Педерсэрскаго прихода обратились къ монарху 34
XII. Народная депутація въ Петербургѣ. — Отвѣтъ Монарха 38
XIII. Дальнѣйшія попытки ген. Бобрикова противодѣйствовать массовому адресу 48
XIV. Всеподданнѣйшій отвѣтъ земскихъ чиновъ 62
XV. Международный „культурный“ адресъ 83
XVI. Письмо докт. Норманъ-Хансена къ Государю 102
Нѣсколько заключительныхъ словъ 105

Приложенія.

No. I. Имена нѣкоторыхъ лицъ, подписавшихъ европейскіе адреса 107
No. II. Списокъ иностранныхъ сочиненій по „финляндскому вопросу“ 117

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весь т. н. „финляндскій вопросъ“ возбужденъ *искусственно*, безъ всякой вины или повода со стороны финскаго народа. Кризисъ, переживаемый теперь Финляндіею, продолжается безпрерывно ужъ третій годъ. Лѣтомъ 1898 года послѣдовало повелѣніе о созывѣ къ 23-му январю 1899 года чрезвычайнаго сейма, — перваго такого рода сейма въ нынѣшнемъ столѣтіи; при этомъ земскимъ чинамъ переданы были на разсмотрѣніе правительственныя предложенія, идущія прямо въ разрѣзъ съ конституціею и основными законами края. А въ февралѣ 1899 года появился совершенно неожиданно Высочайшій манифестъ 3/15 числа того же мѣсяца, составляющій въ сущности попытку произвести „*coup d'état*“ въ Финляндіи. А за симъ послѣдовалъ цѣлый рядъ явныхъ закононарушеній въ видѣ различныхъ административныхъ распоряженій — финляндскимъ обществомъ, впрочемъ, не признаваемыхъ за законы. Такимъ образомъ кризисъ изо дня въ день только обострялся, причиняя глубоко лояльному и въ духѣ законности воспитанному финскому народу все бо́льшія огорченія и испытанія. Осложненію дѣлъ способствали немало также различные недостойные пріемы временщиковъ, ихъ невѣжество и политическій цинизмъ. Плохо скрываемыя попытки вызвать раздраженіе потерпѣли однако, полную неудачу, такъ какъ онѣ вовсе не соотвѣтствали ни политической зрѣлости, ни положительному характеру финскаго народа. Съ другой стороны, никто въ Финляндіи не станетъ помышлять объ отступленіи отъ законнаго пути, никто не откажется отъ культурнаго развитія края, отъ своего права и го-

лоса правды ..... Таковы общія черты означеннаго кризиса.

Въ русской періодической печати — какъ странно это ни кажется — нѣтъ положительно никакой возможности добросовѣстно и полно изложить „финляндскій вопросъ“, а, тѣмъ паче, правильно освѣтить послѣднія агрессивныя и разрушительныя мѣропріятія русскаго правительства. На оборотъ же, враги Финляндіи, какъ въ высшей русской бюрократіи, такъ и въ печати, имѣютъ полную свободу вліять въ желательномъ для нихъ духѣ на общественное мнѣніе. Истинно образованное русское общество, конечно, уже давно обратило вниманіе на позорную дѣятельность псевдо-патріотической русской печати по „финляндскому вопросу“. Ведя свою возмутительную травлю, эта печать „шакаловъ“, при посредствѣ безцеремоннаго искаженія фактовъ, умышленнаго утаенія истины, или просто вслѣдствіе полнаго непониманія дѣла, систематически окутывала финляндскія дѣла сплошною сѣтью клеветы, лжи и недоразумѣній. Къ тому же она находила существенную поддержку въ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ органахъ и даже направлялась высшими административными заправилами и ихъ сподручными.

Настоящее изданіе имѣетъ цѣлью возстановленіе истины по *спеціальному* отдѣлу „финляндскаго вопроса“, т. е. касательно характера и значенія манифеста 3/15 февраля 1899 года и сопровождавшихъ его историческихъ обстоятельствъ. Матеріалами для нашего изложенія будутъ служить какъ оффиціальныя документы и реляціи, такъ и статьи финляндскихъ газетъ, а также нѣ которыя выдержки изъ иностранныхъ сочиненій и пр. Многія финляндскія статьи будутъ передаваться въ дословномъ переводѣ, частью же въ сокращенномъ или обработанномъ видѣ.

Февраль 1901 годъ.

I.

О дѣйствительности законовъ.

Законодательная мѣра, какъ и всякій другой актъ, имѣющій цѣлью произвести правовое дѣйствіе или повлечь за собою правовое послѣдствіе, можетъ въ правовомъ отношеніи или пріобрѣсти дѣйствительную силу, или остаться мертвою буквою. Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ законъ, явившійся результатомъ какого-либо законодательнаго мѣропріятія, становится дѣйствительнымъ, намъ нужно обратиться къ разсмотрѣнію общихъ началъ, опредѣляющихъ дѣйствительность правовыхъ актовъ. Если всѣ существенные элементы, требующіеся государственными установленіями для изданія законовъ, на лицо, то данный законъ получаетъ обязательную въ правовомъ смыслѣ силу, становится дѣйствительнымъ, въ противномъ случаѣ — нѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается по основнымъ законамъ страны.

Въ государствахъ съ *неограниченною* монархическою формою правленія, гдѣ законодательная и вообще вся государственная власть сосредоточена въ лицѣ монарха, вопросъ этотъ рѣшается сравнительно легко. Здѣсь въ полной силѣ дѣйствуетъ положеніе: quod principi pla-

cuit, legis habet vigorem. То, что монархъ повелѣваетъ признать закономъ, то и становится таковымъ.

Въ *конституціонно-монархическихъ* государствахъ дѣло не такъ просто. Здѣсь, вообще говоря, для изданія закона требуется наличность трехъ отдѣльныхъ актовъ, или моментовъ. Во первыхъ, законопроектъ долженъ быть принятъ или одобренъ народнымъ представительствомъ; во вторыхъ, нужна санкція или утвержденіе монарха; третій актъ состоитъ въ обнародованіи закона для всеобщаго свѣдѣнія и исполненія. При отсутствіи одного изъ этихъ трехъ моментовъ, законъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ, т. е. имѣющимъ въ правовомъ смыслѣ обязательную силу. Необнародованный законопроектъ, хотя бы онъ былъ принятъ народными представителями и утвержденъ монархомъ, не можетъ считаться закономъ и, слѣдовательно, исполненію не подлежитъ; это очевидно. Не становится закономъ также обнародованный и принятый народными представителями законопроектъ, если онъ не санкціонированъ монархомъ. Можетъ быть наконецъ такой случай: монархъ утверждаетъ законопроектъ, безъ согласія народнаго представительства, хотя по основнымъ законамъ страны для изданія такого рода закона требуется согласіе народныхъ представителей. И въ этомъ случаѣ не состоялось изданіе закона, имѣющаго дѣйствительную силу, — независимо отъ того, былъ-ли онъ обнародованъ, или нѣтъ.

Сказанному нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что по конституціямъ нѣкоторыхъ странъ, законъ считается въ исключительныхъ случаяхъ дѣйствительнымъ и при отсутствіи одного изъ этихъ трехъ моментовъ. Такъ, въ Норвегіи законопроектъ, трижды принятый „стортингомъ“, становится закономъ, хотя бы онъ и не

удостоился санкціи монарха. Съ другой стороны, почти во всѣхъ конституціонныхъ странахъ монархъ пользуется правомъ въ извѣстныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ областяхъ, издавать законы собственною властью, безъ содѣйствія народныхъ представителей. Приведенное нами правило обнимаетъ, конечно, и тотъ случай, когда законъ недѣйствителенъ, вслѣдствіе отсутствія какого-либо момента, который по установленіямъ края необходимъ для изданія закона.

Недѣйствительный законъ остается, какъ уже было сказано, мертвою буквою, т. е. онъ ни для кого не обязателенъ. Законодательные органы могутъ и не объявлять законъ недѣйствительнымъ, онъ дѣлается таковымъ самъ собою. Хотя такого рода объявленіе можетъ, конечно, принести извѣстную пользу, устраняя возможныя въ подобныхъ случаяхъ недозразумѣнія, но и даже безъ этого недѣйствительный законъ исполненію не подлежитъ, такъ какъ онъ по природѣ своей не можетъ имѣть обязательной силы.

Финляндскій общественный строй покоится *на принципѣ законности*. Законъ его руководящая нить; онъ та *высшая норма*, которая связываетъ знатныхъ и незнатныхъ, Монарха и подданныхъ. Одинъ изъ лучшихъ финляндскихъ ученыхъ юристовъ, профессоръ *Нордстремъ*, прекрасно выразилъ это слѣдующими словами:[1]) „Законъ, эта самоопредляющая и всѣми признанная норма; вотъ что жители страны считали высшею властью. Находясь подъ закономъ, Монархъ и народъ соединяются и сливаются въ одно цѣлое. Вотъ въ чемъ заключается правовой строй, ограниченный закономъ ко-

[1]) Nordström: Svenska samhällsförfattningens historia. (Нордстремъ: Исторія шведскаго законодательства), т. I, стр. 53.

роль, связанная законами свобода. Народъ во всѣ времена лелѣялъ и берегъ этотъ великій принципъ, какъ дрогоцѣннѣйшее наслѣдіе отцовъ, какъ лучшее свое достояніе; имъ проникнуто все шведское государственное устройство, а также и законодательство той страны, которая отъ Швеціи унаслѣдовала свой общественный строй."

II.

Историческая справка объ „общегосударственномъ" законодательствѣ.

Прежде чѣмъ излагать современныя событія въ Финляндіи, считаемъ не лишнимъ привести нижеслѣдующую историческую справку.

Руководствуясь, очевидно, доводами, предъявленными финляндскимъ меньшинствомъ въ т. н. Бунгеской конференціи, Императоръ Александръ III постановилъ не затрагивать возбужденный этой конференціею вопросъ о законодательствѣ, общемъ для Имперіи и Великаго Княжества, безъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія. Послѣ восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Монарха временщики однако не замедлили снова вызвать въ жизнь погребенный такимъ образомъ вопросъ.

Уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1895 года государственный секретарь *Плеве*[1]) предложилъ Государю вновь возбудить это дѣло. Государь однако 11-го число того же

---

[1]) Занимающій, какъ извѣстно, нынѣ также и постъ министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, несмотря на то, что, по дѣйствующимъ законамъ, на этотъ постъ можетъ быть назначаемъ лишь финляндецъ.

мѣсяца начерталъ на докладной запискѣ государственнаго секретаря слѣдующее собственноручное свое заключеніе: „Не вижу никакой надобности въ поднятіи законодательнаго вопроса по настоящему дѣлу. Само собою разумѣется, что при возбужденіи вопроса о законѣ, общемъ для Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго, или о финляндскомъ законѣ, касающемся всей Имперіи, подлежащіе министры должны предварительно сноситься съ властями и учрежденіями Великаго Княжества Финляндскаго, а также финляндскія власти съ министрами Имперіи. А затѣмъ дальнѣйшее направленіе дѣла будетъ зависѣть отъ Меня.“[1])

Тутъ, стало быть, представляется подлинное заявленіе со стороны самаго Монарха въ томъ, что вопросъ о т. н. „общегосударственныхъ“ интересахъ не долженъ составлять предметъ особаго законодательства ....

III.

Высочайшій манифестъ отъ 3|15 февраля 1899 г.

Списокъ.

Божіею Милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ Второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ:

Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію Блаженныя памяти Императора Александра Благословеннаго и Его

[1]) Переводъ со шведскаго.

Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управленія и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны.

Но независимо отъ предметовъ мѣстнаго законодательства Финляндіи, вытекающихъ изъ особенностей общественнаго ея строя, въ порядкѣ государственнаго управленія возникаютъ по сему краю и другіе законодательные вопросы, кои по тѣсной связи ихъ съ общегосударственными потребностями не могутъ подлежать исключительному дѣйствію учрежденій Великаго Княжества. Порядокъ разрѣшенія сего рода вопросовъ не опредѣляется въ дѣйствующемъ законодательствѣ точными правилами и недостатокъ оныхъ подавалъ поводы къ важнымъ неудобствамъ.

Въ устраненіе сихъ неудобствъ, Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и незыблемый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндскаго края относящихся, Мы почли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства.

Въ сихъ видахъ Мы Собственноручно утвердили объявляемыя вмѣстѣ съ симъ Основныя Положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

По примѣру Вѣнценосныхъ Предковъ Нашихъ, Мы видимъ залогъ процвѣтанія Финляндіи въ тѣснѣйшемъ ея единеніи съ Имперіею. Подъ сѣнію Державы Россійской, сильная ея защитою Финляндія, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, неуклонно шла по пути мирнаго преуспѣянія и Намъ отрадно было удостовѣриться изъ недавнихъ заявленій земскихъ чиновъ, что въ сердцахъ финскаго народа живо сознаніе преданности Намъ и Россіи.

Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учрежденій Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вящшему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ Россійскаго Государства.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ „3“ день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, Царствованія же Нашего въ пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай.“

Съ подлиннымъ вѣрно:

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта МИХАИЛЪ.

Повѣрялъ:

Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта *П. Харитоновъ.*

Списокъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ,
„3“ Февраля 1899 г.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта
МИХАИЛЪ.

Основныя Положенія

о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

1) Первообразное начертаніе законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, пріемлетъ начало съ Высочайшаго каждый разъ соизволенія въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему теченію дѣлъ управленія представится необходимымъ составить новое постановленіе или измѣнить либо дополнить дѣйствующій законъ.

2) Порядокъ сей соблюдается въ отношеніи какъ законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, такъ равно и законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи.

3) Высочайшее соизволеніе относительно изданія указанныхъ выше законовъ (ст. 1 и 2) испрашивается подлежащимъ Министромъ Имперіи и Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго, по предварительномъ ихъ между собою сношеніи. Финляндскій Генералъ-Губернаторъ, когда по ходу управленія Великаго Княжества признаетъ необходимымъ восполнить дѣйствующіе въ краѣ законы въ порядкѣ, настоящими Положеніями установленномъ, сообщаетъ свои по сему предмету предположенія, для дальнѣйшаго ихъ направленія, подлежащему Министру Имперіи и Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества.

4) По воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія относительно изданія закона для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, Министръ Имперіи, о доставленіи заключеній по существу проекта означеннаго закона, сносится съ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ.

5) По тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, требуется заключеніе Сейма и въ порядкѣ изданія законовъ, упомянутыхъ въ статьѣ 2 сихъ Положеній. Заключеніе Сейма имѣетъ состояться на ближайшемъ его очередномъ собраніи, если не послѣдуетъ Высочайшаго повелѣнія о созывѣ съ этою цѣлью чрезвычайнаго Сейма.

6) По полученіи заключеній Финляндскаго Генералъ-Губернатора, Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго и Императорскаго Финляндскаго Сената, а въ подлежащихъ случаяхъ (ст. 5) и Финляндскаго Сейма, Министръ Имперіи вноситъ законопроектъ

въ Государственный Совѣтъ установленнымъ въ его Учрежденіи порядкомъ. Къ представленію по сему предмету прилагаются въ спискахъ заключенія Сената и Сейма.

7) Законопроектъ сей разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ на общемъ основаніи, при участіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ Сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены.

8) Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по упомянутому законопроекту обнародывается установленнымъ порядкомъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта

(подписалъ) „*Михаилъ*“.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Статсъ-Секретаръ Государственнаго Совѣта
П. Харитоновъ.

* * *

Манифестъ 3/15 февраля былъ выработанъ *внѣ предѣловъ Финляндіи*, тайною конференціею[1]) въ Петербургѣ, — наперекоръ законамъ края, по которымъ правительственные законопроекты для Великаго Княжества должны составляться финляндскими властями. Въ основу работъ конференціи было положено, между прочимъ, личное заключеніе Государя отъ 11-го февраля 1895 го объ „общегосударственномъ законодательствѣ“[2]). Единственнымъ представителемъ Финляндіи былъ на конференціи и д. министра статсъ-секретаря, генералъ

[1]) О составѣ конференціи см. гл. IV-ю.

[2]) См. гл. II-ю, а также самый протоколъ конференціи.

Прокопе, причемъ численное отношеніе между русскими и финскими членами равнялось 8:1. Генералъ Прокопе, со своей стороны, предъявилъ противъ рѣшенія конференціи письменный *протестъ.* Работы конференціи до того строго соблюдались въ *секретѣ* всѣми членами ея, что манифестъ засимъ послѣдовалъ *совершенно неожиданно,* какъ ударъ грома, не только для всей Финляндіи, но и для самаго финляндскаго сената.

Финляндскій генералъ-губернаторъ также состоялъ членомъ конференціи. Захвативъ съ собою *копію съ еще не подписаннаго манифеста,* онъ возвратился въ Гельсингфорсъ въ среду 15-го февраля утромъ, т. е. въ самый день подписанія манифеста Государемъ и Великимъ Княземъ. Нѣсколько часовъ послѣ прибытія въ Гельсингфорсъ онъ черезъ начальника канцеляріи, полковника фонъ Минквица, позвалъ къ себѣ прокурора *В. Седергельмъ* и вице-предсѣдателя хозяйственнаго департамента сената, гофмейстера *К. Тудеръ,* и прочелъ имъ манифестъ съ основными положеніями. Прокуроръ Седергельмъ, глубоко взволнованный нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи, которое заключалось въ манифестѣ, спросилъ генерала Бобрикова, ясно ли онъ понимаетъ все значеніе этого мѣропріятія, вполнѣ ли онъ сознаетъ, что это равносильно ниспроверженію разомъ правъ, огражденныхъ монаршими клятвенными обѣщаніями. Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ, что ничего подобнаго не было, что манифестъ, наоборотъ, составляетъ доказательство особой милости Его Величества по отношенію къ финскому народу и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ настаивалъ на немедленномъ обнародованіи маиифеста съ основными положеніями въ оффиціальныхъ газетахъ. Это однако было отклонено сенаторомъ Тудеръ, такъ какъ

эти важные документы имѣлись на лицо лишь въ видѣ копіи. Генералъ Бобриковъ продолжалъ настаивать и предложилъ свои услуги по доставленію телеграфическаго извѣстія о подписаніи манифеста Его Величествомъ. Однако онъ вскорѣ вынужденъ былъ отказаться отъ этого несообразнаго и незаконнаго предложенія.

Итакъ манифестъ былъ препровожденъ въ этой преждевременной *копіи* въ Императорскій финляндскій сенатъ, а за симъ полученъ былъ и другой *списокъ за подписью* предсѣдателя тайнаго С.-Петербургскаго комитета Великаго Князя Михаила Николаевича.[1]) При обсужденіи вопроса въ финляндскомъ Сенатѣ о промульгаціи манифеста съ „основными положеніями", мнѣнія сенаторовъ совершенно разошлись. Послѣ долгихъ и тревожныхъ преній въ результатѣ голоса *раздѣлились поровну*: подъ сильнымъ внѣшнимъ давленіемъ[2]) десять сенаторовъ высказались за опубликованіе, а десять противъ. Голосъ *предсѣдательствующаго*, сенатора Тудера, далъ перевѣсъ мнѣнію опортунистовъ. 18-го февраля копія съ „актовъ" была опубликована въ обѣихъ оффиціальныхъ (шведской и финской) газетахъ края[3]) и во-

[1]) Въ разрѣзъ съ § 9 инструкціи для Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго отъ 17 марта 1826 года, гласящимъ: Всѣ постановленія для всеобщаго свѣдѣнія и руководства должны издаваться манифестами, подписанными Нами и *скрѣпленными подписомъ статсъ-секретаря* при прилагаемомъ шведскомъ переводѣ, согласно образчика за No. 4.

[2]) Такъ, напр., русскимъ войскамъ, расположеннымъ въ Финляндіи — по словамъ русскихъ же офицеровъ — розданы были боевые натроны, люди держались въ казармахъ въ теченіе 24хъ часовъ въ полной готовности къ выступленію по первому приказанію, лошади стояли подъ сѣдлами и т. д.

[3]) Главный редакторъ этихъ газетъ уже утромъ подалъ въ отставку, дабы не быть причастнымъ въ опубликованіи манифеста, въ случаѣ если таковое рѣшеніе сената, вопреки ожиданію, состоится.

гила затѣмъ въ „Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“, но *безъ подписи* финляндскихъ сенаторовъ. Сверхъ того, прокуроръ *Седергельмъ*, какъ высшее юридическое лицо Великаго Княжества, заявилъ *протестъ*, внесенный въ протоколъ, противъ рѣшенія сената, а самъ сенатъ еще въ засѣданіи своемъ 17го февраля *единогласно* постановилъ войти съ особымъ всеподданнѣйшимъ *представленіемъ* къ Монарху о незаконности манифеста.

IV.

Первые отклики финляндской печати.

Финляндская печать, работая подъ сильнымъ гнетомъ цензуры, разумѣется, не имѣла никакой возможности высказаться съ надлежащею ясностью и опредѣленностью о манифестѣ, провозгласившемъ „coup d'état“ въ Финляндіи. Несмотря на это, газетѣ „Nya Pressen“ въ субботу 18-го февраля, еще до промульгаціи манифеста, удалось напечатать написанную наскоро, но тѣмъ не менѣе прекрасную, статью, составляющую часть цѣлой серіи статьей подъ общимъ заглавіемъ „Правовыя точки зрѣнія вопросовъ дня“; въ ней авторъ, главный редакторъ газеты, съ логическою послѣдовательностью и ясностью показалъ, насколько власть Монарха ограничена основными законами Финляндіи. Эта статья подѣйствовала нѣкоторымъ образомъ успокоительно на крайне взволнованные умы, укрѣпляя въ нихъ надежду, что сенатъ исполнитъ свой долгъ. Но вскорѣ распространилась весьма неожиданная вѣсть о промульгаціи.

На другой день послѣ сего во всѣхъ гельсингфорскихъ газетахъ появились одинаковыя передовыя статьи; при этомъ дѣло не обошлось безъ цензурныхъ затрудненій. Хотя и упомянутыя статьи написаны примѣнительно къ цензурнымъ условіямъ, онѣ, тѣмъ не менѣе, имѣютъ своего рода историческій интересъ, а потому мы помѣстимъ ихъ здѣсь цѣликомъ.

Передовыя статьи гельсингфорскихъ газетъ отъ 19-го февраля 1899 года.

„Акты, напечатанные во вчерашнемъ номерѣ финляндской оффиціальной газеты и опубликовываемые сегодня на страницахъ нашей газеты, явились полнѣйшей неожиданностью для финскаго народа. Послѣ окончательнаго закрытія въ февралѣ 1895 года учрежденнаго въ 1892 году при кодификаціонномъ отдѣленіи государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника *Бунге*, комитета, работавшаго, между прочимъ, надъ проектомъ правилъ для изданія такого рода законовъ, которые будутъ признаны затрагивающими общіе интересы Россіи и Финляндіи, или т. н. общегосударственныхъ законовъ, вопросъ этотъ не возбуждался до настоящаго времени. Между тѣмъ въ концѣ января этого года, подъ предсѣдательствованіемъ Великаго Князя *Михаила Николаевича* состоялась тайная конференція, въ составъ которой вошли члены государственнаго совѣта — *Сольскій*, *Побѣдоносцевъ*, *Островскій*, *Фришъ*, *генералъ-губернаторъ Бобриковъ*, государственный секретарь *Плеве*, министръ юстиціи *Муравьевъ* и и. д. министра статсъ-секретаря *Прокопе*. Засѣданія конференціи происходили 30 января, 10 и 13 февраля; послѣ этого составленный ею проектъ порядка начертанія и изданія общегосударственныхъ законовъ, противъ чего и. д. министрастатсъ-секретаря подалъ протестъ, былъ тотчасъ же утвержденъ Его Величествомъ. Манифестъ и „основныя положенія“ были напечатаны въ русскомъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 17-го сего мѣсяца. Постановленіями этихъ актовъ въ нашей странѣ промуль-

гирована форма законодательства, совершенно чуждая нашимъ основнымъ законамъ. Утверждая въ 1809 году финляндскіе основные законы, Александръ I сохранилъ и на будущее время въ полной силѣ и полномъ дѣйствіи на финляндской территоріи шведскую конституцію того времени. Отсюда слѣдуетъ, что самодержавіе не распространялось на Финляндію, и что каждое измѣненіе ея конституціи должно совершаться въ согласіи съ тѣми формами, которыя этою конституціею предписываются, т. е. при содѣйствіи земскихъ чиновъ. Теперь же, безъ участія сейма и не спросивъ предварительно заключенія Императорскаго финляндскаго сената, имѣется въ виду ввести въ конституцію измѣненіе въ томъ смыслѣ, что всѣ дѣла, подходящія подъ растяжимое понятіе общегосударственныхъ законовъ, будутъ представляться на непосредственное усмотрѣніе верховной власти; но громадное большинство этихъ дѣлъ, принадлежитъ, понятно, къ категоріи вопросовъ, которые по основнымъ законамъ не могутъ быть рѣшены безъ участія земскихъ чиновъ.

Относящіяся сюда основныя законоположенія имѣютъ слѣдующій подлинный текстъ: § 40. Формы Правленія гласитъ: „*Король не можетъ издать новыхъ законовъ ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія Государственныхъ Чиновъ.*“ Въ § 71 Сеймоваго Устава устанавливается: „*Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій.*“

Окончательное утвержденіе Сеймоваго Устава заключается въ слѣдующемъ:

„Сохраняя за Собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21-го августа 1772 г. и въ Актѣ Соединенія и Безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ, какъ ненарушимый основный законъ. Для вящшаго же удостовѣренія подписали мы сіе Собственноручно. Въ С.-Петербургѣ, 3/15 Апрѣля 1869 года.

Александръ“

Сіи основные законы настоящій Монархъ Финляндіи утвердилъ слѣдующимъ удостовѣреніемъ:

„Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи.

Ливадія, 25 октября (6 ноября) 1894 г.

Николай.“

* * *

Что касается впечатлѣнія, произведеннаго промульгаціею манифеста, то общественная совѣсть выразилась въ эти достопримѣчательные февральскіе дни, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ одной въ сокращенномъ видѣ переданной нами статьи, смыслъ которой мы отчасти освободили отъ цензурныхъ искаженій.

Съ самаго 1809 года Финляндія не переживала дня подобнаго дню 18-му февраля 1809 года — когда былъ промульгированъ манифестъ отъ 15 февраля объ общегосударственномъ законодательствѣ.

Сильная буря была вызвана еще генералъ-губернаторомъ Закревскимъ въ сенатѣ въ 1825 году, когда онъ вздумалъ было обойти законныя формы и огражданную монаршими удостовѣреніями власть высшаго административнаго учрежденія края; ....но это было лишь буря на поверхности внутреннихъ озеръ — спорадическая и быстро проходящая. Она была выдержана легко и кончилась благополучно.

Но передъ ураганомъ, идущимъ сосредоточенною силою изъ самаго дальняго уголка финскаго залива, въ виду этой грозной непогоды государственный корабль остановился и съ трепетомъ замеръ на побѣлѣвшихъ отъ пѣны волнахъ. Собрали совѣтъ. Капитанъ и штур-

манъ [1]), вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, были, повидимому, застигнуты въ расплохъ. Поднятъ былъ вопросъ: срубить ли гротъ-мачту и опустить ли флагъ. Судохозяева, находившіеся тутъ же, не хотѣли сдаваться и брали на себя всю отвѣтственность. Всѣ пассажиры просили и умоляли, и только штурманъ съ половиною экипажа выказали достаточно мужества для такого рѣшенія. Другая же половина — въ томъ числѣ и капитанъ со своимъ рѣшающимъ голосомъ — пожертвовали мачтою. И вотъ, лежитъ себѣ прекрасное судно, все искалѣченное, и бьется о волны среди кратковременнаго затишья. Черезъ минуту налетятъ новые неистовые порывы вѣтра . . . .

Когда со временемъ будетъ подведенъ итогъ всему пережитому въ эти дни и когда весь матеріалъ будетъ собранъ и, такъ сказать, процѣженъ историческимъ изслѣдованіемъ — тогда все, конечно, получитъ свое надлежащее освѣщеніе. Настоящее судитъ въ первой инстанціи и оно уже произнесло свои приговоръ; будущее — во второй, а грядущія времена, исторія, — въ послѣдной. Относительно того, каковъ будетъ *этотъ* приговоръ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣній.

Коллизіи съ чувствомъ долга, какъ маленькія, такъ и большія, въ жизни безчисленны; но во всякомъ случаѣ истина знаетъ одинъ только путь. Чтобы ни говорили о томъ, что каждый поступалъ по своему крайнему разумѣнію; но, вѣдь одна часть всеже свернула съ пути долга. Не признавать этого — значитъ уничтожать всякую грань между правдой и неправдой, и общество въ такомъ случаѣ неминуемо разпадется.

А если кто спроситъ: „какой же путь былъ въ данномъ случаѣ истиннымъ?“ — „Читай Прапорщика Столь и Библію!“ и отвѣтъ будетъ очевиденъ.

---

[1]) Т. е. вице-предсѣдатель сената и прокуроръ.

V.

Телеграмма „россійскаго телеграфнаго агентства".

Какъ только копія съ февральскаго манифеста была передана въ финляндскій сенатъ, „россійское телеграфное агентство" поспѣшило 18 го февраля разослать свою довольно извѣстную спеціальную телеграмму изъ *Гельсингфорса*. Въ этой телеграммѣ заявлялось:

„*Люди благоразумные убѣждены,*[1]) что новая Монаршая мѣра, оставляющая въ силѣ существующій порядокъ для изданія узаконеній мѣстныхъ, несомнѣнно, послужитъ къ вящему обезпеченію дѣйствительныхъ пользъ и выгодъ государства Россійскаго."[2])

Когда наконецъ финляндское общество, возмущенное *цѣлымъ рядомъ* подобныхъ ложныхъ телеграммъ,[3]) на многолюдномъ собраніи 15 го іюня 1899 года предъявило протестъ противъ агентства и прерывало съ нимъ всѣ сношенія, агентство, въ свое оправданіе, заявило 24 го ію-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Въ томъ же духѣ и *Новое Время* 6/18 февраля, со свойственнымъ этой газетѣ лицемѣріемъ и лживостью, старалось убѣдить своихъ читателей будто: „при всей своей многообъемливости новый законъ *ни одной чертой* не коснулся автономіи края и *ни на одну іоту* не уменьшилъ такъ называемую финляндскую конституцію."

[3]) Напр., совершенно превратно переданная телеграмма о рѣчи ландмаршала при закрытіи чрезвычайнаго сейма; далѣе телеграмма о массовомъ и Кюрельскомъ адресахъ, причемъ о первомъ говорилось, что „*нѣсколько обывателей*" Выборгской губерніи подписали оный, тогда какъ подписавшихся на самомъ дѣлѣ было 74,587 человѣкъ (См. гл. XIII.), и т. д. и т. д.

ня, что „всѣ извѣстія, получаемыя и разсылаемыя имъ про финляндскія дѣла, проистекаютъ изъ *оффиціальныхъ* источниковъ."

VI.

Всеподданнѣйшее представленіе Императорскаго финляндскаго сената.

21го февраля финляндскій прокуроръ *Седергельмъ*, въ качествѣ высшаго юридическаго авторитета Финляндіи, а 22го и вице-предсѣдатель сената *Тудеръ* выѣхали изъ Гельсингфорса въ Петербургъ для испрошенія соизволенія на Высочайшую аудіенцію и передачи при этомъ протеста сената по поводу манифеста. Имъ однако отказано было въ аудіенціи, и 25го числа Государь объявилъ статсъ-секретарю, что представленіе сената не будетъ принято во вниманіе. 2го марта эта Высочайшая резолюція была оффиціально прочитана въ сенатѣ.

Всеподданнѣйшее представленіе сената имѣло слѣдующее содержаніе:

„Согласно Высочайшему манифесту отъ 3/15 февраля сего года, Ваше Императорское Величество соизволили утвердить нѣкоторыя основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.

„Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія Сенатъ обнародовалъ, сего числа, сообщенные Сенату списки съ вышеупомянутыхъ Высочайшаго манифеста и основныхъ положеній; вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ, коему ввѣрено общее управленіе края, считаетъ священнымъ для себя долгомъ, предписываемымъ какъ принесенною Сенатомъ присягою на вѣрность службы, такъ и вышеозначеннымъ его положе-

ніемъ, всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству о сомнѣніяхъ, которыя Высочайшій манифестъ и основныя положенія вызвали въ Сенатѣ.

„Внутреннее устройство Финляндіи и соотношенія ея къ Имперіи были установлены Блаженныя памяти Императоромъ Александромъ Первымъ Вычочайшею Грамотою отъ 15/27 марта 1809 года. Этимъ торжественнымъ актомъ, изданнымъ — по Собственнымъ Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшимъ словамъ — въ присутствіи Сословій и объявленнымъ въ Святилищѣ Всевышняго, Императоръ подтвердилъ и удостовѣрилъ религію, коренные законы, права и преимущества, коимм каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались. Очевидно, что Императоръ Александръ I при этомъ имѣлъ въ виду конституціонныя права, предоставленныя подданнымъ прежде дѣйствовавшимъ въ Финляндіи государственнымъ строемъ, т. е. выражаясь точнѣе, издревле принадлежащее имъ право на самообложеніе и участіе въ законодательствѣ. Но, кромѣ того, Императоръ находилъ нужнымъ и впослѣдствіи неоднократно высказывать свои намѣренія въ семъ отношеніи. Такъ Онъ открылъ сеймъ слѣдующими словами: „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales.“ Въ манифестѣ отъ 15 (27) Марта 1810 года Императоръ выразилъ свое намѣреніе управлять Финляндіею „comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit.“ Въ Высочайшемъ же манифестѣ отъ 9 (21) февраля 1816 года Императоръ высказалъ слѣдующее: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройтсву, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили Конституцію и Законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися Земскими края сего Чинами, и учре-

дили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ, который доселѣ Именемъ Нашимъ управлялъ гражданскою частію края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ Финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, и надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ."

„На основахъ, положенныхъ Императоромъ Александромъ I торжественнымъ актомъ, управленіе Финляндіи направлялось и развивалось почти въ теченіе цѣлаго столѣтія, въ особенности послѣ того, какъ Земскимъ Чинамъ края, мудрыми мѣропріятіями Блаженныя Памяти Императора Александра Втораго, была дана возможность чаще собираться на очередные сеймы.

„Такъ какъ Имперія обладаетъ державною властью, а Финляндія соединена съ нею и подчинена ей, то изъ этого естественно вытекаетъ, что многіе вопросы, главнымъ образомъ касающіеся порядка престолонаслѣдія, Императорской Фамиліи и международныхъ отношеній, совершенно изъяты изъ дѣйствія Финляндскихъ учрежденій.

„Но вопросы, которые по установленіямъ края, каковыми они были утверждены и примѣнялись Императоромъ Александромъ Первымъ и Августѣйшими Его Преемниками, подлежатъ дѣйствію финляндскихъ учрежденій, не могутъ быть изъяты изъ законномѣрнаго вѣдѣнія сихъ учрежденій на томъ основаніи, что они вмѣстѣ съ тѣмъ касаются всего Россійскаго Государства или общегосударственныхъ потребностей или же вообще находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи. По силѣ означенныхъ установленій, имѣвшихъ, согласно высказаннымъ неоднократно словамъ Императора Александра Перваго, цѣлью предоставленіе Финскому народу національнаго и политическаго существованія, Финляндія

составляетъ самостоятельную законодательную и административную область, законы которой издаются Монархомъ при содѣйствіи мѣстныхъ учрежденій края. Въ случаяхъ, когда по установленіямъ края требуется участіе Земскихъ Чиновъ въ законодательномъ мѣропріятіи, рѣшеніе ихъ или утверждается Монархомъ безъ измѣненій или же дѣло считается на сей разъ оставленнымъ безъ послѣдствій. Въ прочихъ же случаяхъ отъ единоличной власти Монарха зависитъ постановлять рѣшенія, кои онъ признаетъ для края полезными.

„Между тѣмъ въ п. 5 основныхъ положеній установлено, что по тѣмъ законодательнымъ предположеніямъ, кои въ порядкѣ внутренняго управленія Великаго Княжества Финляндскаго поступаютъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, требуется *заключеніе* сейма и въ порядкѣ изданія такъ называемыхъ общегосударственныхъ законовъ. Но законопроекты, которые, согласно основнымъ законамъ Финляндіи, должны быть передаваемы Сейму, поступаютъ не на *заключеніе*, а на *рѣшеніе* Земскихъ Чиновъ, каковое рѣшеніе, какъ выше было сказано, или утверждается безъ измѣненія или же отклоняется Монархомъ. Такъ какъ изложеніе основныхъ положеній допускаетъ возможность изданія закона вопреки заключенію Земскихъ Чиновъ, то эти положенія, слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ ограниченіе права, принадлежащаго по основнымъ законамъ края Земскимъ Чинамъ. Такое ограниченіе возбуждаетъ тѣмъ большія опасенія, что кругъ законовъ, которые могутъ быть признаны касающимися потребностей Государства, ничѣмъ не ограничивается, а можетъ быть распространяемъ на какую угодно законодательную область.

„Въ виду того, что разсматриваемыя окновныя положенія, слѣдовательно, заключаютъ отступленіе отъ основныхъ законовъ Финляндіи, эта законодательная мѣра по закону не должна была бы состояться безъ участія Земскихъ Чиновъ, такъ какъ, по силѣ § 71 сеймоваго устава, „изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основнаго закона можетъ послѣдовать не иначе какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій.“

„Въ виду изложеннаго Сенатъ считаетъ долгомъ

всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что разсматриваемый законодательный актъ не состоялся въ порядкѣ, установленномъ основными законами Финляндіи. Сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ не колеблется всеподданнѣйше представить, что Финскій народъ, отъ мала до велика, поэтому не можетъ не усмотрѣть въ означенномъ актѣ нарушеніе конституціонныхъ правъ его, утрата которыхъ, по мнѣнію народа, не была вызвана никакими дѣйствіями съ его стороны.

„Всемилостивѣйшій Государь! Жители Финляндіи никогда не перестанутъ благословлять память Великодушнаго Монарха, который при измѣненіи судебъ Финляндіи, вслѣдствіе присоединенія ея къ Имперіи съумѣлъ привязать къ Себѣ этотъ народъ неразрывными узами вѣрности и любви. Финскій народъ также глубоко чувствуетъ благодарность всѣмъ послѣдовавшимъ милостивымъ Императорамъ за покровительство народу и за оказанныя ему благодѣянія. Онъ такъ высоко чтитъ Священную Особу Монарха и ненарушимость царскаго слова, что онъ всегда видѣлъ въ нихъ непоколебимую опору сохраненія законнаго положенія края. Поэтому у Императорскаго Вашего Величества Сената даже не можетъ возникнуть мысли о томъ, чтобы въ Высочайшія намѣренія Вашего Императорскаго Величества могло входить отступленіе отъ торжественнаго удостовѣренія, даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ Финскому народу, при восшествіи Вашемъ на престолъ, относительно храненія установленій края въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи. Вслѣдствіе сего Сенатъ долженъ полагать, что въ данномъ случаѣ произошло безнамѣренное отступленіе отъ конституціоннаго права Финляндіи, каковое отступленіе, оставаясь неустраненнымъ, вызоветъ глубокую скорбь и уныніе въ средѣ Финскаго народа и ослабитъ ревность его въ дѣлѣ развитія образованія и благосостоянія въ этихъ сѣверныхъ и природою скудно одаренныхъ мѣстностяхъ.

„Твердо убѣжденный въ томъ, что настоящее, также какъ и прочія правительственныя мѣропріятія Вашего Императорскаго Величества направлены къ благу Финскаго народа, и такъ какъ должное соблюденіе установ-

леннаго законами права Земскихъ Чиновъ не представляется несовмѣстимымъ съ опредѣленнымъ основными положеніями порядкомъ направленія дѣлъ, Сенатъ осмѣливается всеподданнѣйше представить:

„Не признаете ли Ваше Императорское Величество за благо Всемилостивѣйше объявить, что означенною законодательною мѣрою не имѣлось въ виду ограничить права, предоставленныя основными законами Финскому народу.

„Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, могутъ встрѣтиться законодательные вопросы, которые, касаясь общегосударственныхъ потребностей, подлежали бы разсмотрѣнію въ иномъ порядкѣ противъ по сіе время существовавшаго, то Сенатъ, будучи увѣренъ въ томъ, что Финскій народъ не станетъ уклоняться отъ уступокъ и жертвъ, вызванныхъ дѣйствительными потребностями государства, пріемлетъ смѣлость всеподданнѣйше ходатайствовать,

„не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству Высочайше повелѣть выработать свѣдущими лицами, со стороны какъ Имперіи такъ и Финляндіи, проектъ закона о направленіи въ законодательномъ порядкѣ вопросовъ, касающихся общегосударственныхъ потребностей, съ тѣмъ, чтобы этотъ законопроектъ, по тщательномъ предварительномъ обсужденіи, былъ переданъ на разсмотрѣніе Земскихъ Чиновъ Финляндіи въ установленномъ основными законами порядкѣ.“

VII.

Протестъ прокурора.

Протестъ, заявленный и внесенный въ протоколъ прокуроромъ Седергельмомъ во время сенатскаго plenum ’a 18 го февраля, былъ слѣдующаго содержанія:

„Въ виду того, что Высочайшій манифестъ, переданный нынѣ Императорскому Сенату для обнародованія,

не былъ изданъ въ томъ порядкѣ, какой для изданія основныхъ законовъ края установленъ въ § 40: Формы Правленія 21го августа 1772 года и § 71 Сеймоваго Устава 1869 года, а также принимая во вниманіе, что въ составленіи проекта этого Высочайшаго манифеста не участвовалъ ни одинъ свѣдущій и опытнй — въ законодательныхъ вопросахъ — финляндецъ и не было спрошено по сему мнѣніе Императорскаго Финляндскаго Сената, прокуроръ долженъ прійти къ заключенію, что Его Величество не былъ освѣдомленъ о томъ, какой существенный ущербъ наносятъ вводимыя манифестомъ установленія освященной Монаршею клятвою финляндской конституціи, а, слѣдовательно, и всему праву финскаго народа. Прокуроръ не сомнѣвается, что Его Величество, получивъ всеподданнѣйшій обстоятельный докладъ по сему дѣлу, Всемилостивѣйше соизволитъ отмѣнить манифестъ, или, по крайней мѣрѣ, издать удостовѣреніе о томъ, что манифестомъ не имѣется въ виду лишить Земскихъ Чиновъ принадлежащаго имъ, по основнымъ законамъ страны, права участвовать въ изданіи законовъ даже въ той законодательной области, о которой говорится въ упомянутомъ Высочайшемъ манифестѣ; а потому онъ, прокуроръ, считаетъ необходимымъ, чтобы Императорскій Сенатъ, прежде обнародованія манифеста, обратился къ Его Величеству съ всеподданнѣйшимъ представленіемъ по сему предмету. При этомъ прокуроръ не сомнѣвается, что такого рода докладъ будетъ благосклонно принятъ Его Величествомъ и что въ немъ никоимъ образомъ не будетъ усмотрѣно что-либо иное кромѣ добросовѣстнаго исполненія всеподданнѣйшаго долга финляндскихъ совѣтниковъ Его Величества.“

VIII.

Отзывъ коммиссіи законовъ финляндскаго сейма.

Влѣдствіе внутренней неразрывной связи манифеста съ задачами засѣдавшаго въ то время въ Гельсингфорсѣ

чрезвычайнаго сейма, отвѣтственность по отстаиванію драгоцѣннѣйшихъ правъ финскаго народа, въ силу обстоятельствъ, перешла отъ сената къ сейму. При всѣхъ вопросахъ, касающихся основныхъ законовъ, въ основу сеймовыхъ работъ, по Сеймовому Уставу, лежатъ подготовительныя заключенія соотвѣтствующихъ коммиссій. А потому коммиссія законовъ 21 го февраля подала въ полномъ засѣданіи сейма нижеслѣдующее заключеніе по поводу манифеста:

„На основаніи §§ 2 и 56 Сеймоваго Устава, коммиссія законовъ рѣшила почтительно предложить Высокохвальнымъ Земскимъ Чинамъ Финляндіи предварительное представленіе по нижеслѣдующему дѣлу. Въ Высочайшихъ предложеніяхъ, препровожденныхъ въ коммиссію для разработки, и въ приложенныхъ нъ нимъ дѣлахъ встрѣчаются выраженія, указывающія на намѣреніе истребовать отзывы Имперскихъ властей по поводу отвѣта Сейма на помянутыя предложенія до окончательнаго рѣшенія Его Величествомъ вопроса о новомъ законѣ о воинской повинности въ Финляндіи, каковой законъ признанъ дѣломъ, затрагивающимъ интересы всего государства. Это обстоятельство, равно какъ и то, что въ Высочайшихъ предложеніяхъ требуется отъ Земскихъ Чиновъ лишь отзывъ, не могло не привлечь особое вниманіе коммиссіи. Но коммиссія, несмотря на это, признала возможнымъ приступить къ выполненію настоящаго законодательнаго положенія входящаго, очевидно, въ областъ тѣхъ дѣлъ, которыя рѣшаются не иначе какъ съ согласія Сейма, въ порядкѣ, установленномъ основными законами. Это предположеніе, между тѣмъ, весьма сильно поколеблено Императорскимъ манифестомъ отъ 3/15 текущаго февраля и слѣдующими при немъ „Основными положеніями о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.“ Такъ, ст. 2 означенныхъ положеній допускаетъ возможность пересмотра законодательства по военному дѣлу въ порядкѣ указанномъ въ помянутыхъ положеніяхъ

для общегосударственныхъ законовъ. Стало быть, манифестъ находится въ той нераздѣльной связи съ задачами, порученными этому чрезвычайному Сейму, которая предусматривается § 2 Сеймоваго Устава, а потому и требуетъ особаго вниманія со стороны Земскихъ Чиновъ, ужъ съ точки зрѣнія выполненія возложенной на нихъ задачи.

„Порядокъ изданія законовъ, предписанный положеніями, объявленными при Высочайшемъ манифестѣ, существенно отклоняется отъ дѣйствующаго по Формѣ Правленія отъ 21го августа 1772 года и по Сеймовому Уставу отъ 15го апрѣля 1869 года порядка изданія законовъ, безъ соблюденія котораго ни одинъ законъ не можетъ получить надлежащей силы на территоріи Великаго Княжества. По „основнымъ положеніямъ“ Земскимъ Чинамъ пришлось бы участвовать въ изданіи государственныхъ или общихъ для Имперіи и Великаго Княжества законовъ лишь отзывами, каковые, по разсмотрѣніи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, могутъ быть измѣнены при окончательномъ рѣшеніи дѣла Его Императорскимъ Величествомъ.

„Манифестомъ такимъ образомъ имѣется въ виду измѣненіе дѣйствующаго основнаго закона, а подобное измѣненіе можетъ быть совершено лишь „по предложенію Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій Сейма;“ *а потому очевидно, что манифестъ, какъ изданный безъ содѣйствія Сейма, не можетъ имѣть въ Финляндіи силы закона.*[1]) Въ виду приведеннаго, а также принявъ во вниманіе, что сіе обстоятельство можетъ поколебать святость, придаваемую издревле нашимъ народомъ законамъ края и слову Монарха, а, съ другой стороны, что сущность дѣла — какъ надо полагать — не была полностью изложена Его Императорскому Величеству, то сословія считаютъ своимъ безусловнымъ долгомъ, не только по отношенію къ странѣ, но и къ Монарху, немедленно довести это до свѣдѣнія Его Величества, и ходатайствовать объ урегулированіи упомянутаго въ манифестѣ законодательства путемъ, установленнымъ основными законами.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

„На основаніи сего коммиссія законовъ почтительнѣйше предлагаетъ: чтобы сословія просили ландмаршала и тальмановъ всеподданнѣйше доложить Его Императорскому Величеству вышеприведенныя соображенія.“

IX.

Отчетъ ландмаршала и тальмановъ объ ихъ миссіи въ Петербургѣ.

На вечернемъ засѣданіи сословій сейма 28го февраля, послѣ повѣрки протокола отъ 21го числа того же мѣсяца, ландмаршалъ и тальманы сдѣлали собощеніе о результатѣ ихъ поѣздки въ Петербургъ. Ландмаршалъ заявилъ при этомъ нижеслѣдующее:

Узнавъ объ единогласномъ рѣшеніи всѣхъ сословій по поводу внесеннаго въ протоколъ отзыва Коммиссіи Законовъ о Высочайшемъ манифестѣ, ландмаршалъ и тальманы сочли себя обязанными служебною присягой выполнить возложенное на нихъ Сеймомъ порученіе.

Увѣдомивъ предварительно какъ генералъ-губернатора, такъ и и. д министра статсъ-секретаря о предстоящей поѣздкѣ и обратившись притомъ къ послѣднему съ просьбою объ исходатайствованіи имъ аудіенціи у Его Императорскаго Величества, ландмаршалъ и тальманы отправились въ Петербургъ 22го февраля вечеромъ.

И. д. министра статсъ-секретаря 23го числа того же мѣсяца увѣдомилъ депутацію, что, имѣвъ счастье прочесть въ названный день Его Величеству Государю и Великому Князю всеподданнѣйшее представленіе Императорскаго Финляндскаго Сената по поводу Высочайшаго манифеста отъ 3/15 февраля 1899 года, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, доложилъ о прибытіи депутаціи отъ Земскихъ Чиновъ Финляндіи, въ составѣ ландмаршала и тальмановъ, которая желаетъ испросить аудіенцію по тому же предмету. Его Императорское Величество,

глубоко взволнованный тѣмъ, что могли допустить въ Немъ намѣреніе нарушить данное Имъ слово, тѣмъ не менѣе отказался принять депутацію, поручивъ и. д. министра статсъ-секретаря посовѣтовать членамъ депутаціи вернуться къ своимъ дѣламъ; сверхъ сего, Его Величество велѣлъ сообщить, что, по мнѣнію Его Величества, Онъ далъ наилучшую гарантію сохраненія въ неприкосновенности внутренняго законодательства Финляндіи, взявшись самъ лично рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должно ли данное дѣло, по своему существу, быть отнесено къ области общегосударственнаго законодательства, и, въ качествѣ таковаго, подлежать разсмотрѣнію высшаго законодательнаго учрежденія въ Имперіи.

При такихъ обстоятельствахъ ландмаршалу и тальманамъ оставалось лишь вернуться въ Гельсингфорсъ, вручивъ предварительно и. д. министра статсъ-секретарю подписанное ими письменное представленіе по дѣлу, которое они намѣрѣвались всеподданнѣйше передать Его Величеству, — въ надеждѣ, что Его Императорское Величество пожелаетъ, можетъ быть, когда-либо впредь ознакомиться съ содержаніемъ этого документа.

Какое впечатлѣніе произвело во всей Финляндіи извѣстіе объ отказѣ въ пріемѣ представителямъ палатъ сейма, видно изъ нижеслѣдующей выдержки изъ одной провинціальной газеты:

Во вторникъ вечеромъ отправились, какъ извѣстно, въ Петербургъ ландмаршалъ и тальманы сословій, чтобы излить передъ тономъ охватившее страну чувство тревоги и печали. Но первѣйшимъ представителямъ сейма было отказано въ аудіенціи у Государя и Великаго Князя.

Извѣстіе о томъ, что этимъ назначеннымъ Государемъ же довѣреннымъ лицамъ земскихъ чиновъ было отказано въ возможности открыто высказать свой вѣрноподданническій образъ мыслей передъ главою государства, конечно, еще болѣе увеличило удрученное настроеніе умовъ. А такая аудіенція была бы именно теперь болѣе необходима, чѣмъ когда-либо; благодаря ей

не оборвалось-бы внезапно то непосредственное общеніе и обоюдное довѣріе, которое до сихъ поръ постоянно господствовало между высокими Монархами Финляндіи и ихъ вѣрнымъ финскимъ народомъ.

Финскій народъ не знаетъ за собою никакого проступка, который могъ бы пошатнуть это довѣріе. Съ благодарностью хранилъ онъ постоянно въ своей памяти милостивыя обѣщанія и удостовѣренія своихъ Монарховъ — оставить во всей неприкосновенности законы и учрежденія страны. И въ ненарушимости этихъ своихъ законовъ онъ видѣлъ всегда единственный вѣрный залогъ спокойнаго преуспѣванія страны на пути процвѣтанія и благоденствія . . . . . .

X.

Массовый адресъ финскаго народа.

Итакъ насталъ торжественный моментъ, когда народъ самъ вынужденъ былъ высказатвся передъ Монархомъ. Эта мысль возникла внезапно, изъ глубины общественнаго сознанія, подъ гнетомъ послѣднихъ тяжкихъ ударовъ. Кто впервые возбудилъ эту мысль остается неизвѣстнымъ. Она, навѣрное, возникла одновременно въ различныхъ мѣстностяхъ страны во время безпристанныхъ толковъ и обсужденій о томъ, что слѣдовало дѣлать послѣ того, какъ сенатъ промульгаціею манифеста измѣнилъ своему прямому законному долгу. Несомнѣнно, что при крайне взволнованномъ настроеніи, господствовавшемъ въ субботу 18 го и въ воскресенье 19 го февраля, мысли всѣхъ и каждаго вращались около возможности осуществленія другихъ, болѣе обширныхъ и болѣе громкихъ протестовъ. Мысль собрать весь народъ къ такому общему и непосредственному протесту вскорѣ созрѣла въ готовое рѣшеніе; еще въ понедѣль-

нибъ утромъ средство для осуществленія этой мысли было найдено: поднесеніе Государю и Великому Князю массоваго адреса, выражающаго истинное мнѣніе всего финскаго народа, должно было состояться. Выброшенное такимъ образомъ зерно пало въ плодотворную почву. Зажигательной искрой это избавительное слово пронеслось по всей странѣ, отъ цвѣтущихъ равнинъ до лѣсной глуши, отъ густо населеннаго прибрежья вплоть до одинокихъ пустынныхъ пространствъ за полярнымъ кругомъ. Великій и единственный во многихъ отношеніяхъ шагъ явился дѣломъ всего финскаго народа. Безъ горячаго восторженнаго сочувствія, обнаруженнаго всюду, до самой убогой хижины включительно, подобный результатъ былъ бы немыслимъ. И на самомъ дѣлѣ: финскій народъ еще никогда не проявлялъ такого единодушія, такого живаго и пламеннаго убѣжденія въ общемъ дѣлѣ. Еще никогда всѣ безъ различія, и высоко и низко поставленные, и старые и молодые, и крестьяне-землевладѣльцы и безземельные, и хозяева и слуги, такъ глубоко и задушевно не ощущали себя сынами одной матери, одного отечества!

* * *

Граждане изъ различныхъ частей Финляндіи, наполнившіе до тѣсноты большую залу Атенеума, въ понедѣльникъ 20 го февраля вечеромъ рѣшили единогласно составить массовый адресъ отъ имени всего народа и обратиться съ нимъ непосредственно къ Его Величеству Государю; поднесеніе адреса рѣшено было поручить особой депутаціи изъ представителей всѣхъ приходовъ Финляндіи, по одному изъ каждаго. Вся организація дѣла возложена была на комитетъ изъ 12 человѣкъ,

выбранныхъ особыми для этого назначенными избирателями. Члены комитета непосредственно приступили къ дѣлу, въ твердой увѣренности, что выполненіе задачи не представитъ затрудненій и что, благодаря настроенію въ странѣ, зедуманный способъ выраженія всеобщаго мнѣнія приметъ грандіозные размѣры. Результатъ вполнѣ оправдалъ эти надежды.

Затрудненія въ отношеніи возможно быстрой и правильной передачи необходимыхъ извѣстій во всѣ концы страны разрѣшились весьма просто, благодаря всестороннему содѣйствію, оказанному комитету. Лица всѣхъ классовъ населенія и различныхъ возрастовъ предлагали свои услуги. И повсемѣстно встрѣчали ихъ съ энтузіазмомъ, не меньшимъ того, который они сами проявляли.

Въ воскресенье 5го марта во всѣхъ городскихъ и сельскихъ общинахъ Финляндіи отъ Хангеудда до Рованіеми и Киттилясостоялись сходы. На нихъ объясняли цѣль адреса и собирали подписи. Всѣ эти сходы были многолюднѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Въ нѣкоторыхъ приходахъ, гдѣ не было подходящихъ помѣщеній, церквамъ, въ виду огромнаго стеченія народа, пришлось отворить свои врери. Одни лишь грамотные допускались къ подписи, и строгость, которая соблюдалась при этомъ, часто вызывала трогательныя сцены.

Въ понедѣльникъ 13го марта прибыли въ Гельсингфорсъ послѣдніе уполномоченные общинъ. И уже во вторникъ утромъ адресъ оказался покрытымъ 522,931 именами финскихъ гражданъ и гражданокъ всѣхъ слоевъ общества. Съ послѣдующими листами число возросло почти до 524,000.

Больше полумилліона подписей, собранныхъ менѣе

чѣмъ въ какихъ-нибудь 10 дней въ самый разгарь зимы, да къ тому еще въ странѣ съ громадными разстояніями и страдающей недостаткомъ въ путяхъ сообщенія, — это фактъ, не имѣющій себѣ подобнаго, по крайней мѣрѣ, въ исторіи Финляндіи. Пятая часть всего населенія, сплотившаяся около *одного* предпріятія, *одной* идеи, *одного* замысла, — это блистательное доказательство политической чуткости и зрѣлости финскихъ мужей и женъ; это подлинное выраженіе образа мыслей всего финскаго народа, разбивающее во прахъ всѣ лживые разсказы, которые пущены въ ходъ или впредь еще будутъ распространяться о мысляхъ и чувствахъ этого народа.

Съѣхавшись въ Гельсингфорсъ въ одну депутацію, человѣкъ въ 500, делегаты общинъ рѣшили отправиться въ Петербургъ, и уже тамъ предварительно посовѣтоваться съ министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи о способѣ поднесенія адреса Его Величеству Государю и Великому Князю.

* * *

Теперь приведемъ текстъ самаго адреса:

„Манифестъ 3/15 февраля Вашего Императорскаго Величества возбудилъ смущеніе и скорбь по всей Финляндіи. Древнее право финскаго народа на участіе черезъ своихъ сеймовыхъ представителей въ законодательствѣ было подтверждено блаженной памяти Императоромъ Александромъ I и расширено и урегулировано при почившихъ въ Бозѣ Императорахъ Александрѣ II и Александрѣ III. Однако же теперь, согласно основнымъ положеніямъ, изданнымъ вмѣстѣ съ манифестомъ, Земскіе Чины въ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ признаны касающимися интересовъ также всей Имперіи, не будутъ допущены къ участію въ законодательствѣ съ рѣшающимъ правомъ голоса, обезпеченнымъ за ними основными законами Финляндіи. Такимъ образомъ этотъ манифестъ колеблетъ фундаментъ нашего общественнаго строя.

„Мы, нижеподписавшіеся финляндскіе граждане всѣхъ классовъ, всеподданнѣйше просимъ, да будетъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно выслушать повергаемое къ трону выраженіе глубокаго опасенія нашего за судьбу, которая постигнетъ нашу родину, если значеніе ея основныхъ законовъ будетъ подорвано.

„Всемилостивѣйшій Императоръ!

„Подъ скипетромъ великодушныхъ Монарховъ и подъ защитой своихъ законовъ Финляндія постоянно преуспѣвала въ благосостояніи и духовномъ развитіи. Народъ финскій добросовѣстно и съ вѣрностью старался выполнять свои обязанности по отношенію къ своимъ Монархамъ и къ Россійской державѣ. Намъ извѣстно, что у нашей родины за послѣднее время въ Россіи были враги, которые старались клеветою возбуждать недовѣріе къ преданности и честности финскаго народа. Но намъ также извѣстно, что эта клевета — лишь порожденіе неправды. Нѣтъ страны, гдѣ уваженіе къ законной власти и къ закону имѣло бы болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ Финляндіи. Въ теченіе девяносталѣтняго соединенія ея съ могущественною Россіею порядокъ въ финляндскомъ обществѣ никогда не колебался. Разрушительныя ученія не находили у насъ почвы. Чувство спокойствія и довольство своей судьбой все сильнѣе укрѣпляли узы, связывающія Финляндію съ Россійской державою въ одно неразрывное цѣлое и не мѣшающія при томъ ея народу сохранять и развивать свою національную обособленность, которая дана ему Богомъ и не можетъ быть измѣняема насильственнымъ образомъ.

„Мы не можемъ повѣрить, чтобы въ благія намѣренія Вашего Императорскаго Величества входило создать этимъ манифестомъ угрозу законному порядку и внутреннему спокойствію Финляндіи. Мы скорѣе готовы вѣрить, что Вашему Величеству благоугодно будетъ принять къ сердцу впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, и повелѣть привести его положенія въ согласіе съ основными законами Финляндіи. Въ нашихъ сердцахъ не можетъ быть мѣста сомнѣнію въ ненарушимости Императорскаго слова. Намъ всѣмъ извѣстны слова, провозглашенныя Всемилостивымъ нашимъ Монархомъ передъ лицомъ всего человѣчества, что сила должна

уступать праву. И право маленькаго народа такъ же священно, какъ право и величайшей націи; его патріотизмъ есть добродѣтель передъ лицомъ Всемогущаго Бога, отъ которой онъ да не отречется. Съ глубочайшею почтительностью и вѣрностью остаемся, Державнѣйшій, Всемилостивѣйшій Императоръ и Великій Князь!

„Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданнѣйшіе и т. д.

XI.

Какъ жители Педерсэрскаго прихода обратились къ Монарху[1] зимою 1899 г.

Чтобъ дополнить, хоть отчасти, изложенныя въ предыдущей главѣ внѣшнія контуры картины живого и непосредственнаго отношенія самаго народа къ массовому адресу, приведемъ письмо очевидца, напечатанное въ это время въ одной изъ провинціальныхъ газетъ. Вотъ что говоритъ это письмо о томъ, какъ подписывался адресъ въ Педерсэрскомъ[2] приходѣ:

Высшія административныя власти, повидимому, сильно заинтересованы вопросомъ о сборѣ подписей, придавшихъ адресу ту прочную основу, значеніе которой никогда, никоимъ образомъ не удастся умалить. Такъ какъ мнѣ довелось лично присутствовать въ пяти Педерсэрскихъ деревняхъ при подписаніи почти тысячи именъ, то я съ истиннымъ удовольствіемъ пойду на встрѣчу всякой любознательности въ этомъ отношеніи.

---

[1]) Старинная историческая традиція, обоснованная на дѣйствующемъ правѣ и сохранившаяся средн народа подъ своимъ прежнимъ шведскимъ названіемъ „Till Kungs“, т. е. „къ Королю“ или къ Монарху.

[2]) Вазаской губерніи.

Манифестъ, поѣздка тальмановъ, образъ дѣйствій сената и прокурора, первое чествованіе цвѣтами памятника Александра II-го, все это усердно обсуждалось у насъ по дорогамъ, на дворахъ, въ домашнемъ кругу, въ лѣсу, за работой и во время отдыха. Удрученное настроеніе духа, охватывавшее за эти дни Финляндію, столкнулось здѣсь съ обратнымъ теченіемъ; многочисленныя скорбныя вѣсти производили здѣсь то же дѣйствіе, какое производятъ удары тяжелаго молота о раскаленное желѣзо: отъ нихъ сыпались съ трескомъ искры, а горючаго матеріала прибавлялось съ утра до вечера. Ничего, вѣдь, нельзя было подѣлать, но оставался всетаки одинъ исходъ, и вотъ, изъ дома въ домъ, изъ избы въ избу, пронесся надменный, презрительный кличъ: „Въ Америку! Въ свободную Америку!“

Итакъ въ одинъ вечеръ ко мнѣ вошелъ молодой человѣкъ и положилъ на столъ писанный экземпляръ адреса. Мы обмѣнялись лишь нѣсколькими словами, ему было не до разговора, и онъ двинулся далѣе въ путь.

Я погрузился въ раздумье. Неужели идея все еще живетъ или я до того отупѣлъ, что великое вселяетъ во мнѣ удивленіе? . . . . .

Было восемь часовъ. Въ это время въ крестьянскихъ избахъ уже отправляются на покой; но имѣлъ ли я право продержать у себя цѣлую ночь эту бумагу — для себя одного? — Нѣтъ!

На улицѣ было морозно; звѣзды такъ и сверкали; я добрался между высокими сугробами до перваго крестьянскаго двора и вошелъ въ избу.

„Till Kungs.“ [1])

Рослый хозяинъ сидѣлъ у верхняго конца стола — „till Kungs!“ повторилъ онъ, смотря на меня.

„Да, читайте!“

Быть можетъ, я ошибся, но мнѣ показалось, что его губы слегка задрожали, когда онъ черезъ нѣсколько минутъ сказалъ домочадцамъ: „Подите, созовите сюда всѣхъ изъ деревни!“

Деревни стараго типа состоятъ въ нашихъ краяхъ,

---

[1]) Къ Королю! Къ Монарху!

какъ извѣстно, изъ массы сбивчивыхъ узкихъ переулковъ между маленькими красными избами и дворами. Такая густо населенная деревушка умѣщается иногда на пространствѣ, едва ли въ протяженіи больше, чѣмъ разстояніе, пролетаемое обыкновенною ружейною пулею. Поэтому весьма понятно, что изба черезъ четверть часа уже наполнилась народомъ. Рѣчь шла о великомъ вопросѣ дня; — такъ надо же было подняться, хотя бы и среди ночи.

Адресъ прочли во всеуслышаніе нѣсколько разъ. Говоря самъ за себя, онъ согрѣвалъ, воспламенялъ. Никакихъ лишнихъ словъ не требовалось для этихъ свободолюбивыхъ людей. Одинъ молодой крестьянинъ, недавно вернувшійся изъ Америки, разсказалъ о своемъ участіи, однажды, при подачѣ такой же бумаги тамошнему президенту. Исконныя, сильныя слова прозвучали рѣзко, какъ туго натянутыя стальныя струны. Крестьянскій языкъ не мягокъ. Разумѣется, нужно было пойти съ посланіемъ къ Монарху; — вѣдь это съ поконъ вѣковъ составляетъ право народа; этого права никакое произвольное толкованіе закона отнять не можетъ, а поэтому подписываніе именъ спокойно и увѣренно продолжалось на верхнемъ концѣ стола — на почетномъ мѣстѣ для почетной работы.

Я посидѣлъ тамъ нѣкоторое время. Когда я уходилъ, подъ адресомъ было подписано уже 99 именъ.

„Да сохранитъ Васъ Богъ,“ сказалъ я.

„Да сохранитъ Господь нашу родину!“ отвѣчали мнѣ слѣдомъ, а подписываніе продолжалось безъ перерыва.

Было уже за полночь. Вѣтеръ такъ и завывалъ, но у меня на душѣ было такъ гармонически спокойно.

Удивительно это старинное выраженіе „Till Kungs“. Это слово, пускаемое въ прежнія времена нерѣдко въ ходъ, часто раздавалось на равнинахъ Эстерботніи. Въ немъ заключалась неистощимая сила. Оно съ изумительной быстротой въ невѣроятно краткій промежутокъ времени проносилось отъ двора ко двору, изо края въ край, и куда только оно ни долетало, всюду собирало вокругъ себя народъ и будило вѣру въ торжество справедливости.

Оно возродилось и теперь, въ этотъ февральскій

вечеръ, въ крестьянской избѣ; оно быстро росло, расширилось, обратилось за ночь въ крѣпкаго юношу, и при восходѣ солнца, подъ звуки колокольчиковъ и громкіе клики, уже катилось изъ деревни въ деревню. Къ вечеру это былъ уже серьезный мужчина, который бесѣдовалъ съ другими столь же серьезными гражданами о печаляхъ и бѣдствіяхъ страны.

Самая большая деревня прихода Педерсэре лежитъ въ восточной его части. Тамъ на слѣдующій день собралось до 400 крестьянъ. Какая „тайная сила“[1]) свела ихъ всѣхъ вмѣстѣ? Я задаю этотъ вопросъ той бѣдной человѣческой душѣ, коей свѣтъ извѣстенъ лишь по салонной жизни или которая смотритъ на народъ, какъ на выдрессированныхъ солдатъ. Въ нашихъ мѣстахъ много разныхъ сектъ, и отношенія между различно вѣрующими, къ сожалѣнію, не изъ лучшихъ. Какая же таинственная сила соединила ихъ всѣхъ, когда они распѣвали старинный излюбленный псаломъ: „Богъ намъ могучая твердыня“? Давно уже они не исполняли своего молитвеннаго служенія вмѣстѣ. Какая же сила заставила ихъ всѣхъ теперь сложить руки, какъ бы въ безмолвной молитвѣ, при пѣніи гимна „Нашъ край“? Казалось, что отъ могучаго пѣнія стѣны готовы были разломиться. —

Благодаря огромному стеченію народа, имена подъ адресомъ подписывали за тремя отдѣльными столами.

Вѣсть „Till Kungs“ помчалась дальше, по льдамъ и по лѣсамъ, и всѣ поголовно, оставляя дома, спѣшили на общій молебенъ, для подписи адреса. Вѣсть эта разносилась точно на крыльяхъ, и восторгъ увеличивался и разростался постепенно. Передали по слуху, будто кто-то сказалъ: „Господа недовольны, а народъ ликуетъ.“ — „Вотъ ложь“, раздалось рѣзко въ отвѣтъ; „теперь мы, крестьяне, скажемъ свое слово“ — и дѣло съ подписями шло еще живѣе.

Я стоялъ въ эти часы лицомъ къ лицу съ сотнями крестьянъ и могу увѣрить всякаго сомнѣвающагося, что я не слыхалъ ни одного слова, которое бы могло быть принято за нерѣшительность. Всѣ искренно радовались принятому рѣшенію, и никто этому не удивлялся.

[1]) См. въ главѣ XIII о „тайной силѣ“.

По пріѣздѣ домой, я спросилъ своего возницу, сколько ему слѣдуетъ за поѣздку; онъ назвалъ такую ничтожную сумму, что я, запротестовавъ, хотѣлъ было прибавить, но онъ гордо перебилъ: „Я тоже желаю участвовать въ прекрасной работѣ сегодняшняго дня.“ — А работа была дѣйствительно изрядная: болѣе 1000 именъ, добровольно подписанныхъ, да при томъ еще народомъ, который знаетъ, чего хочетъ и что дѣлаетъ, который, не склоняясь передъ угрозой, не поддается несамостоятельно тайнымъ агитаторамъ, прячущимся отъ дневнаго свѣта. —

Да, это былъ самый прекрасный и самый чистый день во всей моей жизни. Въ эту ночь мнѣ снилось многое — — —

Такъ вотъ какъ обстояло дѣло съ подписями именъ въ Педерсэре. — Если кому-либо вздумается узнать, какъ это происходило, то пускай отправится туда, и спроситъ перваго встрѣчного: добровольно ли и безъ всякаго принужденія, онъ или она, подписали свое имя, примыкая такимъ образомъ къ всенародному дѣлу.

XII.

Народная депутація въ Петербургѣ. — Отвѣтъ Монарха.

Вечеромъ 15-го марта народная депутація отправилась съ экстреннымъ и двумя очередными поѣздами въ Петербургъ. Прибывшая еще наканунѣ передовая партія въ составѣ 14 членовъ сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія для ея пріема. Во избѣжаніе массоваго скопища, могущаго имѣть „характеръ демонстраціи“, депутація, по приказанію градоначальника, выказавшаго, впрочемъ, сравнительную предупредительность и любезную вѣжливость, слѣдовала къ своимъ городскимъ квартирамъ группами не больше какъ по 20 человѣкъ. Въ

тѣхъ же видахъ градоначальникъ воспретилъ депутаціи представиться in corpore министру статсъ-секретарю Финляндіи, содѣйствіе котораго, прежде всего, необходимо было для исходатайствованія аудіенціи. Однако, разрѣшено было депутаціи выполнить свое порученіе къ министру черезъ посредство многочисленной делегаціи.

Для увѣдомленія генерала Бобрикова о предстоящемъ шагѣ, пять оставшихся въ Гельсингфорсѣ членовъ депутаціи посѣтили его 17-го числа, прося его содѣйствія по вопросу объ аудіенціи. Бобриковъ указалъ при этомъ на какое-то старинное, отжившее[1]), Николаевское распоряженіе отъ 30-го іюня 1826 года относительно мѣстныхъ депутацій единичныхъ общинъ; по этому постановленію таковыя депутаціи къ Государю и Великому Князю должны обращаться предварительно къ губернаторамъ, которые представляютъ за симъ дѣло на разсмотрѣніе генералъ-губернатора. А такъ какъ эти формальности не соблюдены — прибавилъ Бобриковъ — то онъ не можетъ оказать просимаго содѣйствія, а предлагаетъ депутаціи вернуться домой. Сверхъ сего, Бобриковъ, на телеграфическій запросъ генерала Прокопе отъ 16-го числа, отвѣтилъ въ отрицательномъ смыслѣ насчетъ аудіенціи, ссылаясь, опять таки, на постановленіе отъ 1826 года.

Не лишне намъ тутъ познакомиться съ дѣйствительнымъ смысломъ этого распоряженія, приводимаго Бобриковымъ съ такимъ явнымъ упорствомъ. Постановленіе отъ 30-го іюня 1826 года издано было въ свое время съ цѣлью предупрежденія злоупотребленій, заключаю-

[1]) Такъ, напр., подана была въ мартѣ 1862 года всеподданнѣйшая петиція, покрытая 2,058 именами, Государю и Великому Князю относительно упорядоченія монетнаго дѣла въ Финляндіи.

щихся въ томъ, что „обыватели нѣкоторыхъ приходовъ Финляндіи черезъ повѣренныхъ или депутатовъ приносили Его Величеству всеподданнѣйшія прошенія о разныхъ нуждахъ сихъ приходовъ“. Постановленіемъ указывается путь, на которомъ таковыя частныя прошенія могутъ быть доставлены на Высочайшее разсмотрѣніе. Это тѣмъ болѣе естественно, что Монархъ въ противномъ случаѣ былъ бы легко заваленъ частными жалобами въ дѣлахъ нерѣдко совершенно второстепеннаго или ничтожнаго значенія. Но постановленіе это не относится до вопросовъ, которые затрагиваютъ жизненные интересы всего края и которые весь народъ желаетъ представить на разсмотрѣніе Монарха. Наиважнѣйшій, по своему содержанію, адресъ, подписанный болѣе чѣмъ половиною всего милліоннаго грамотнаго и взрослаго населенія Финляндіи и поднесенный представителями отъ всѣхъ 500 приходовъ страны, разумѣется, не подлежитъ дѣйствію означеннаго постановленія. Наконецъ, распоряженіе это ни въ какомъ случаѣ не можетъ связывать Государя, такъ какъ отъ собственнаго Его благоусмотрѣнія должно зависѣть опредѣленіе порядка, въ которомъ Ему благоугодно принять депутаціи, испрашивающія аудіенцію.

Послѣ этого отступленія перейдемъ къ изложенію событій въ Петербургѣ. Въ пятницу, 17-го числа, генералъ Прокопе доложилъ письменно Государю о прибытіи народной депутаціи съ адресомъ, о числѣ депутатовъ и подписей, прибавляя лично отъ себя, что адресъ того же направленія какъ и прежнее представленіе сената. Въ ночь на 18-ое воспослѣдовалъ отвѣтъ Его Величества. Около трехъ часовъ дня отвѣтъ этотъ прочтенъ былъ передъ делегаціею депутаціи изъ 24 членовъ въ залѣ

статсъ-секретаріатскаго зданія. Содержаніе его было таково:

„Увѣдомьте депутацію, что Я, конечно, не приму ея, хотя и не сержусь. Пускай она вернется домой и передастъ петицію своимъ губернаторамъ, которые, въ свою очередь, перешлютъ ее генералъ-губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ переслалъ ее Вамъ для представленія Мнѣ, буде она вообще окажется достойной вниманія. Объясните депутаціи смыслъ распоряженія 3-го февраля, послѣ чего пускай она разъѣдется по домамъ.“

Консулъ *Э. Вольфъ*, глава депутаціи, произнесъ послѣ этого министру рѣчь; въ ней онъ въ возвышенныхъ и ясныхъ словахъ выразилъ чувства депутаціи подъ впечатлѣніемъ только что происшедшаго и тѣхъ испытаній, которыя депутаціи приходилось вынести за бытность ея въ Петербургѣ. Содержаніе рѣчи слѣдующее:

„Такъ вотъ все то утѣшеніе, съ которымъ мы должны вернуться къ нашимъ соотечественникамъ, томящимся тамъ на родинѣ въ глубочайшемъ удрученіи! Такъ вотъ отвѣтъ, какой шлетъ намъ Всемилостивѣйшій нашъ Монархъ на мольбу допустить насъ предъ лицо Его Величества, чтобы высказать нашу скорбь и наше несчастіе, — отвѣтъ Того, котораго мы, послѣ Бога, считаемъ вѣрнѣйшею защитою и крѣпчайшею своею опорою! Мы вернемся съ миромъ домой, слѣдуя повелѣнію Государя, но мы возвратимся другими, чѣмъ пріѣхали. Мы прибыли сюда исполненные надеждъ, а обманутыми въ надеждахъ возвращаемся! Ваше Превосходительство, прежде чѣмъ оставить эту комнату, мы считаемъ своимъ долгомъ и дѣломъ совѣсти высказать, что, по нашему мнѣнію, распоряженіе 1826 года не примѣнимо къ чрезвычайному шагу, къ которому прибѣгли наши избиратели, посылая насъ съ полнымъ довѣріемъ добиться справедливости лично у Его Императорскаго Величества.

„Собою мы представляемъ лишь горсть тѣхъ 500 человѣкъ, которые прибыли сюда отъ имени сотней тысячъ, пославшихъ насъ ото всѣхъ частей нашей родины. В. Пр.! Твердо полагаясь на то, что Вы безъ колебанія представите нашъ всеподданнѣйшій адресъ,

мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, просимъ передать нижеслѣдующее, что мы сочли бы драгоцѣннымъ долгомъ сами открыто и свободно высказать, если бы Его Величеству благоугодно было выслушать насъ, — сильные сознаніемъ, что, представь передъ Государемъ, мы предстали бы также передъ Богомъ Всемогущимъ, къ которому въ настоящую минуту на нашей родинѣ повсемѣстно милліоны возносятъ горячія молитвы за успѣхъ въ нашемъ дѣлѣ и который, навѣрное, осудилъ бы насъ, если бы мы не оправдали оказаннаго намъ довѣрія. Въ виду дорогого завѣренія самого Его Величества относительно того, насколько вѣрно финскій народъ всегда служилъ своимъ монархамъ и оправдывалъ ихъ довѣріе, услаждая тѣмъ ихъ царствованіе, а также ссылаясь на многократныя увѣренія въ томъ же смыслѣ со стороны августѣйшаго Его родителя и незабвеннаго прародитедя, — мы просимъ представить Его Величеству вопросъ: готовъ ли Онъ передъ судомъ Всемогущаго Бога и исторіи принять на себя отвѣтственность за нравственную гибель цѣлаго народа? Скажите Государю, что мы привыкли къ перенесенію жестокихъ ударовъ судьбы. Несчетное число разъ морозъ опустошалъ наши тощія поля; одна ночь похищала у землевладѣльца плоды тяжелыхъ трудовъ цѣлаго года; но мы со смиреніемъ переносили эти испытанія, поддерживая другъ друга и уповая на будущее, такъ какъ эти опустошенія всегда щадили хоть нѣкоторыхъ изъ насъ. Но такой морозной ночи какъ 15-го февраля финскій народъ еще не переживалъ. Однимъ росчеркомъ пера уничтожено самое драгоцѣнное наше достояніе, которое мы надѣялись передать нашимъ дѣтямъ въ томъ же, если не въ увеличенномъ видѣ. И вотъ всѣ мы затронуты. Знатный и низкій, богачъ и бѣднякъ, — всѣ мы одинаково поражены этимъ страшнымъ ударомъ. Мы не можемъ теперь и обозрѣть всѣхъ послѣдствій гибельнаго дѣйствія его! мысль нѣмѣетъ и въ ужасѣ отступаетъ отъ открывающейся передъ нами перспективой. Что станется съ дѣтьми нашими? Мы надѣялись передать имъ въ наслѣдіе нравственный идеалъ, еще высшій и лучшій, нежели нашъ; а теперь, кто вѣдаетъ, не представятъ ли они собою, при видѣ колебанія самыхъ прочныхъ основъ нашего политическаго существованія, толпу лицемѣровъ

съ сердцами, полными лжи и коварства. Слава о честности и вѣрности финскаго народа станетъ, быть можетъ, тогда лишь сказаніемъ былого. Да будетъ позволено мнѣ, которому поручено открыто высказать волнующія насъ чувства, привести простой, совсѣмъ простой фактъ, одинъ изъ тысячи подобныхъ, — фактъ о честномъ и безшумномъ исполненіи долга; онъ очень вѣрно опредѣляетъ характеръ нашего народа и его воззрѣнія. Дѣло было въ дни крымской войны; въ одномъ маленькомъ городкѣ, въ Эстерботніи, жилъ нѣкій судовщикъ. Въ гавани, подвергшейся блокадѣ одного англійскаго крейсера, стояло 4 нагруженныхъ судна. Адмиралъ посылаетъ этому судовщику сказать, что, если онъ согласится выдать паруса и снасти корабля, на который укажетъ адмиралъ, то остальныя его суда, склады товаровъ, магазины и пр. будутъ пощажены. Отвѣтъ былъ кратокъ: не вхожу въ переговоры съ врагомъ; послѣдствіе отвѣта — полное разрушеніе всего имущества. Этотъ человѣкъ ничего не искалъ; за этотъ поступокъ онъ никакого отличія не получилъ. Сознаніе исполненнаго долга передъ отечествомъ, передъ Государемъ и государствомъ — вотъ что было ему полною наградою. Этотъ человѣкъ одинъ изъ тысячи, которые оставляютъ потомству подобные примѣры любви къ родинѣ. Такихъ тихихъ, безпритязательныхъ героевъ тысячи. Скажите Его Величеству, что у насъ въ Финляндіи болѣе двухъ милліоновъ лояльныхъ подданныхъ, которые понимаютъ свой долгъ передъ Государемъ; но не скрывайте отъ него, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы сознаемъ и свои права. Человѣкъ, мужественный образъ дѣйствія котораго я привелъ, былъ сепаратистъ въ томъ смыслѣ слова, какъ его понимаютъ теперь здѣсь — ибо онъ первый познакомилъ меня съ небольшою книжечкой, на обложкѣ которой стояло: „Основные законы Великаго Княжества Финляндскаго“, и онъ былъ первый, который объяснилъ моему юному уму ихъ значеніе. Помню теперь еще, какъ онъ со слезами на глазахъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ повѣствовалъ о незабвенныхъ дняхъ 1863 года, когда сердца народа такъ гармонично шли на встрѣчу сердцу царственному. Спросите Его Величество, достаточно ли онъ богатъ для того, чтобы пренебречь любовью и преданностью такого

народа. В. Пр. сообщили намъ, что Высочайшимъ манифестомъ Его Величество предоставляетъ себѣ лично право рѣшенія того, какіе вопросы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны быть отнесены къ общегосударственному и какіе ко внутреннему законодательству Финляндіи. На это мы отвѣчаемъ: жизнь Его Императорскаго Величества, какъ и наша, въ рукахъ Божьихъ. Любовь милліоновъ не могла служить защитою драгоцѣнной жизни Александра II противъ горсти негодяевъ, отнявшихъ ее, и противъ тѣхъ, которые выдали эту жизнь.

„Со стороны части русской печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія сыпались на насъ самыя гнусныя клеветы, мы подвергались самымъ грубымъ издѣвательствамъ. Эта печать похитила у насъ все, что отличаетъ честнаго гражданина отъ разбойника. Ни чести, ни вѣрности, ни уваженія, — ничего намъ не оставили. Но къ этимъ обвиненіямъ, несмотря на всю ихъ возмутительность, мы оставались равнодушными, такъ какъ среди благороднаго русскаго народа мы имѣли друзей, сужденіе и мнѣніе которыхъ имѣютъ для насъ болѣе вѣса и цѣны, чѣмъ клеветы грязной печати; а главное — мы были увѣренны въ томъ, что пользуемся довѣріемъ нашихъ высокихъ Монарховъ. Съ глубокою скорбью мы видимъ нынѣ, что клевета возъимѣла дѣйствіе и вселило сомнѣніе въ сердцѣ Государя. Въ документѣ, составленномъ въ одномъ изъ министерствъ Его Величества и по Высочайшему повелѣнію переданномъ нашимъ законнымъ представителямъ, собравшимся нынѣ на чрезвычайный сеймъ въ Гельсингфорсѣ, значится, что наши представители у трона обманывали незабвеннаго прародителя Государева. В. Пр., мы требуемъ, чтобы Вы открыто сказали Его Величеству, что это — глубочайшее оскорбленіе, незаслуженно направленное противъ вѣрнаго народа. Въ Финляндіи не родилось и изъ среди нашей народности не выходило человѣка, который былъ бы способенъ на неслыханное преступленіе, на умышленный обманъ такого Государя, какъ Александра II, котораго мы любили при его жизни, чья ужасная смерть нигдѣ не оплакивалась такъ искренно, какъ у насъ, и чью память мы чтимъ какъ святыню. Финляндцы, стоявшіе близко къ престолу никогда, повторяемъ, никогда, не совершали такого пре-

ступленія! Быть можетъ, изъ любви къ родинѣ, въ случаяхъ, не задѣвавшихъ интересовъ государства, они пріобрѣтали для страны права, относительно которыхъ позднѣйшее время стало требовать измѣненій. Но ошибка не преступленіе. Ошибки могутъ быть и будутъ лояльно исправлены представителями финскаго народа, если Его Величеству благоугодно будетъ передать на ихъ разсмотрѣніе соотвѣтствующія Высочайшія предложенія. Но тѣ, которые нападаютъ на этихъ лицъ, забываютъ, что благородный Монархъ самъ искренно любилъ свой финскій народъ. Мы отвергаемъ это обвиненіе: позорно для того, кто осмѣлился выступить съ нимъ.

„Мы просимъ Васъ увѣрить Его Величество, что мы никогда не станемъ искать выхода въ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Оттого-то такъ и обидно для народа, вѣрному своему долгу, видѣть себя окруженному жандармами со всѣхъ сторонъ. Не жандармы создаютъ спокойствіе въ народѣ, а унаслѣдованное уваженіе къ святости закона. Мы не мятежники, но мы не были бы достойны своихъ свободныхъ учрежденій, если бы мы не протестовали открыто и безъ боязни, скромно но твердо противъ всякаго нарушенія нашихъ основныхъ законовъ — нашей конституціи, которую пять Государей клялись соблюдать и которая дальше развивалась подъ ихъ мудрымъ скипетромъ. Такое нарушеніе законовъ усматриваетъ весь финскій народъ въ манифестѣ отъ 15-го февраля. Это могутъ слышать и жандармы, снующія теперь по городамъ и деревнямъ; своихъ мыслей никто не скрываетъ по этому предмету. Мы просимъ Васъ увѣдомить Государя, что мы рѣшились прибѣгнуть къ Нему именно для того, чтобы просить о всемилостивѣйшей отмѣнѣ манифеста и о снятіи столь унизительнаго для насъ жандармскаго надзора.

„В. Пр. увѣряли насъ, что въ случаѣ появленія нашего въ Петербургѣ, при условіяхъ, указанныхъ Вами, подписанный болѣе чѣмъ 500,000 гражданами адресъ безусловно будетъ прочитанъ Вами также твердо, какъ прочитано было представленіе сената по вопросу, вызвавшему наше теперешнее горе. Правда, что Государь уже выразилъ свою Августѣшую волю, какимъ образомъ должно быть поступлено съ дѣломъ нашимъ; но такъ

какъ Вы, со своей стороны, еще не дѣлали никакой попытки представить во время личной аудіенціи этотъ адресъ, передачу котораго финскій народъ ни за что не поручитъ нынѣшнему генералъ-губернатору, то мы вынуждены, на основаніи упомянутаго Вашего завѣренія, торжественно просить еще разъ, чтобы В. Пр., если не теперь, то при первомъ представившемся случаѣ, докладывали Его Величеству адресъ, полученный Вами.

„Такъ какъ намъ извѣстно, что адресы съ иною цѣлью, нежели нашъ, могутъ быть представлены Его Величеству, то мы просимъ Васъ дать имъ надлежащую оцѣнку. Мы поэтому просимъ передать Его Величеству: нѣкогда Іуда предалъ Спасителя за 30 серебренниковъ. И у насъ, къ сожалѣнію, могли найтись лица, которыя за золото готовы продать свою родину.

„В. Пр.! Мы просимъ доложить Всемилостивѣйшему Государю Нашему объ этихъ нашихъ чувствахъ.

„Да хранитъ Господь Его Величество Государя и Ея Величество Государыню!“

Г-нъ Э. Вольфъ за свою рѣчь былъ, по требованію русскаго правительства, уволенъ отъ должности англійскаго вицеконсула, которую онъ занималъ съ честью въ теченіе 13 лѣтъ въ Выборгѣ. Вслѣдъ за тѣмъ и одиннадцать остальныхъ британскихъ вице-консуловъ финской національности, въ видѣ протеста, подали въ отставку. Какой же былъ дальнѣйшій ходъ массоваго адреса?

Будучи, впослѣдствіи, поддержанъ заключеніями губернскихъ правленій, онъ указаннымъ путемъ, послѣ задержанія его въ Гельсингфорсѣ, былъ доставленъ Монарху не раньше 20-хъ чиселъ іюня. Окончательная Высочайшая резолюція гласитъ: „Я оставляю адресъ безъ вниманія, Я считаю его неумѣстнымъ, такъ какъ манифестъ отъ 3-го февраля касается общегосударственнаго законодательства, а не мѣстнаго.“ Депутація же 19-го марта отправилась назадъ. Прибытіе

ея длиннаго, спеціальнаго поѣзда, задержаннаго на нѣсколько часовъ сильною мятелицею, было сигналомъ небывалыхъ еще овацій со стороны многочисленной массы народа, покрывавшей не только платформу и залы Гельсингфорсскаго вокзала, но и площадь передъ зданіемъ. А къ вечеру Гельсингфорсскіе горожане дали въ честь депутаціи блестящій банкетъ въ большой залѣ Сосіэтетсгауза. Ораторы выразили отъ имени единой и единодушной націи благодарность ея членамъ за то, что они сообщили Монарху законныя желанія и надежду народа. Одинъ изъ нихъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Финляндскіе граждане не допустятъ, чтобы ихъ правовое сознаніе было введено въ заблужденіе или ослабѣло. Ибо это сознаніе и впредь будетъ накладывать свой отпечатокъ на всѣ стремленія нашей общественной жизни. Событія послѣдняго времени сплотили всѣхъ жителей Финляндіи въ одну большую семью. Мы знаемъ теперь другъ друга лучше, чѣмъ прежде. Мы знаемъ, что въ этой странѣ повсюду, въ глуши, какъ и въ столицѣ, у простого земледѣльца, какъ и у представителя науки, — у всѣхъ сыновъ и дочерей Финляндіи въ глубинѣ сердца таится любовь къ родинѣ и уваженіе къ ея законамъ. Сильные этимъ сознаніемъ, мы можемъ надѣяться, что болѣе радужные дни настанутъ опять для нашей родины.

„Пусть это будетъ Вамъ нашимъ прощальнымъ словомъ. Да здравствуетъ наше дорогое отечество!“

XIII.

Дальнѣйшія попытки генерала Бобрикова противодѣйствовать массовому адресу.

Изъ предъидущаго мы видѣли, что генералъ-губернаторъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы депутація, отправившаяся въ Петербургъ съ адресомъ, не была принята Государемъ; его старанія увѣнчались, какъ извѣстно, успѣхомъ. Но онъ этимъ не довольствовался; онъ и впослѣдствіи, когда адресъ былъ вторично поданъ уже не прежнимъ путемъ, а черезъ губернаторовъ, всячески старался задержать и затормозить дѣло. Какія чувства вызвалъ въ немъ массовый адресъ — это ясно видно изъ секретнаго письма, которое онъ отправилъ въ сенатъ 16-го марта, т. е. на другой день послѣ отъѣзда депутаціи; между строкъ этого оффиціальнаго документа проглядываетъ жажда мести. Вотъ что онъ писалъ:

„Изъ донесенія начальника финляндскаго жандармскаго управленія я узналъ, что вчерашняго числа съ экстреннымъ поѣздомъ изъ Гельсингфорса отправилось въ Петербургъ около 300 финновъ для подачи всеподданнѣйшаго прошенія объ отмѣнѣ Высочайшаго манифеста отъ 3 (15) февраля. Такое собраніе депутатовъ несомнѣнно указываетъ на существованіе, въ данномъ случаѣ, подговора и на участіе разныхъ лицъ дѣломъ, совѣтомъ, поощреніемъ, подстрекательствомъ и пособничествомъ.

„Не признаетъ ли сенатъ справедливымъ, въ прямыхъ интересахъ управленія Финляндіей, и руководствуясь главою 16 Уголовнаго Уложенія 1894 г., принять мѣры къ разслѣдованію такого необычайнаго явленія какъ скопъ съ вышеуказанною цѣлью 300 обывателей со всего края и къ привлеченію, затѣмъ, къ законной отвѣтственности какъ непосредственно въ томъ виновныхъ, такъ и

выказавшихъ послабленіе власти въ такомъ явномъ нарушеніи общественной тишины и спокойствія.

„Со своей стороны я не могу считать, чтобы пользамъ Великаго Княжества соотвѣтствовалъ образъ дѣйствій, при которомъ въ качествѣ руководителей народа выступаютъ не законныя его власти и не выбранные законнымъ порядкомъ депутаты, но избранники какой-то невѣдомой тайной силы, существованіе которой въ благоустроенной странѣ, очевидно, не можетъ быть терпимо.

„Изъ какихъ лицъ состоитъ толпа, отправившаяся въ С.-Петербургъ, мнѣ неизвѣстно, и самый отъѣздъ ея для вышеупомянутой цѣли совершился безъ моего разрѣшенія“[1]).

Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ желалъ представить дѣло такъ, какъ будто совершенно было беззаконіе. Но это обвиненіе не имѣло ни малѣйшаго смысла, какъ это и было разъяснено въ свое время, между прочимъ, газетою „Nya Pressen“. Вся нелѣпость подводить подачу адреса подъ ст. 16 Уголовнаго Уложенія явствуетъ изъ слѣдующаго. Въ упомянутой 16-й статьѣ говорится о „людяхъ, собравшихся скопомъ, чтобы сообща и умышленно учинить преступленіе, или какимъ-либо инымъ способомъ нарушать общественную безопасность и порядокъ“. Но развѣ можно считать преступнымъ скопомъ тѣ собранія, которыя на основаніи существовавшей въ странѣ свободы собраній, происходили во всѣхъ приходахъ 5-го марта и на которыхъ обсуждался вопросъ объ адресѣ и собирались подписи. Нигдѣ порядокъ не былъ нарушенъ. Къ этому надо присовокупить, что въ газетахъ появились въ свое время подробные отчеты, описывающіе весь ходъ дѣла во всѣхъ его стадіяхъ, причемъ были напечатаны имена всѣхъ 500 депутатовъ. Комитетъ, руководившій практическою сто-

[1]) Переводъ со шведскаго.

роною дѣла, тоже опубликовалъ за подписью своихъ членовъ отчетъ, въ которомъ излагалась исторія адреса. Сенатъ указалъ и на этотъ отчетъ и, ссылаясь на только что изложенные доводы, отвѣтилъ, что онъ не видитъ ничего незаконнаго въ подачѣ адреса и не находитъ причинъ къ вмѣшательству въ эти дѣла. Изъ этого видно, что депутаты были избраны вовсе не „какой-то невѣдомой тайной силой“, какъ старался представить генералъ-губернаторъ. Эта „тайная сила ничто иное, какъ глубоко вкоренившаяся лояльность народа и проистекавшее отсюда горячее желаніе сохранить неприкосновенность святого въ его глазахъ закона. Издревле каждый финскій гражданинъ считаетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ естественнымъ своимъ правомъ обращаться въ исключительныхъ случаяхъ непосредственно къ Монарху, „till Kungs“. Его могутъ принять или нѣтъ — это другое дѣло, но во всякомъ случаѣ обращеніе къ Монарху не есть преступленіе[1]).

---

[1]) Въ томъ же смыслѣ и губернскія правленія отозвались о массовомъ адресѣ. Такимъ образомъ улеаборгскій губернаторъ на сдѣланный ему запросъ, по словамъ газеты „Кайку“, между прочимъ, отвѣтилъ, что адресъ произошелъ отнюдь не „тайнымъ путемъ“, а съ вѣдома полиціи и что подъ нимъ подписывались добровольно. Дѣти школьнаго возраста не допускались къ подписи; всѣ подписавшіеся подъ адресомъ достигли того возраста, когда по закону лицо считается отвѣтственнымъ за свои дѣйствія. Каждый подписывался собственноручно, при этомъ никому не позволяли подписываться, не разъяснивъ ему предварительно содержаніе адреса. Адресъ прочитывался на собраніяхъ. Губернаторъ, насколько извѣстно, выразилъ при этомъ также мнѣніе, что Высочайшее повелѣніе отъ 26-го іюня 1826 года никоимъ образомъ не воспрещаетъ всеподданнѣйшіе петиціи, такъ какъ въ этомъ повелѣніи совершенно ясно говорится, что Его Величество вовсе не имѣетъ намѣренія запретить обращенія къ нему кому бы то ни было по общественнымъ и личнымъ дѣламъ; повелѣніе опредѣляетъ лишь порядокъ такого рода обращеній. Далѣе

Подъ заглавіемъ „Тайная сила“ другая Гельсингфорсская газета „Aftonposten“, годъ спустя, высказала приблизительно слѣдующее:

Понятіе о „тайной силѣ“ появилось у насъ впервые въ маѣ 1899 года, въ связи съ извѣстной перепиской по поводу происхожденія массоваго адреса. Ни возникновеніе, ни выполненіе этого грандіознаго предпріятія извѣстныя лица не могли объяснить себѣ безъ помощи гипотезы, значащейся въ вышеприведенномъ заглавіи.

Требуемыя объясненія были доставлены, и этимъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, покончились разговоры о мнимомъ „кагалѣ“; но, на смѣну, за эту тему схватился „Свѣтъ“ [1]), который варіировалъ ее на разные лады съ небывалою энергіею въ теченіе цѣлаго года.

губернаторъ удостовѣряетъ, что петиція служитъ выраженіемъ безпокойства, овладѣвшаго всѣми слоями населенія, и что она является результатомъ самыхъ благородныхъ побужденій и вполнѣ достойна вниманія.

[1]) Въ „Свѣтѣ“, въ „Финляндской Газетѣ“ и т. п. лживыхъ листкахъ орудуютъ главнымъ образомъ: генеральнаго штаба полковникъ *Дебешъ* (грязный памфлетистъ и правая рука Бобрикова по части безчестныхъ нападокъ на Финляндію), подполковники *Зейнъ* и *Ниве* (послѣдній — бывшій личный секретарь Бобрикова — пишетъ также въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ подъ псевдонимомъ Н. А. *Талинъ*). Изъ нихъ Зейнъ — человѣкъ весьма недалекій — ужъ награжденъ: явно въ разрѣзъ съ основными законами края, онъ назначенъ на должность директора канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора съ годовымъ содержаніемъ въ 20.000 марокъ изъ финляндскихъ государственныхъ средствъ (въ томъ числѣ 4.000 составляютъ *личный*, выхлопоченный ему экстренный окладъ. Изъ прочихъ орудій временщиковъ назовемъ г. С. *Короленко*, начавшаго свой неудачный походъ противъ Финляндіи по порученію, какъ говорятъ, г-на Плеве и состоящаго нынѣ также сотрудникомъ „Финляндской Газеты“. Упомянемъ далѣе Вл. *Гольмстрема* — сочинителя анонимныхъ брошюръ и племянника г-на Плеве —, репутація котораго какъ публициста и общественнаго дѣятеля запятнена окончательно тѣмъ приговоромъ, который, по поводу его дѣла съ издателемъ честнаго и мужественнаго „Сѣвернаго Курьера“, произнесенъ надъ нимъ 10-го мая 1900 г. судомъ чести союза русскихъ писателей, —

Не стоитъ труда разбираться въ массѣ преднамѣренной лжи, на которую опирается данная газета въ своихъ сужденіяхъ. Мѣстами эта ложь такъ очевидна, что даже передъ русской публикой, плохо оріентированной въ финляндскихъ вопросахъ, она должна показаться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. При такихъ обстоятелствахъ необходимо уяснить, въ чемъ собственно заключается эта сила.

Прежде всего это не тайная, а, наоборотъ, — *открытая, свѣтлая, культурная* сила. Это отзывчивое и просвѣщенное *общественное мнѣніе* страны. „Это ничто иное, какъ естественное единство въ образѣ мыслей у народа, у котораго уваженіе къ дѣйствующему закону не есть нѣчто случайное, нѣчто такое, чему придаютъ значеніе, когда это оказывается удобнымъ, и оставляютъ безъ вниманія, когда подуетъ противный вѣтеръ; нѣтъ, оно вошло въ плоть и кровь всего народа. На это уваженіе къ закону нельзя посягать по приказу, ни сломать его силою. Будучи чисто идеальнымъ, этотъ факторъ имѣетъ такое вліяніе на ходъ вещей, что даже „Свѣтъ“ относитъ его къ числу факторовъ, съ которыми слѣдуетъ считаться. Какъ только его задѣваютъ, онъ тотчасъ же проявляетъ себя. Но — на основахъ закона“ . . .

Вскорѣ послѣ того письма, въ которомъ генералъ-губернаторъ требовалъ выслѣдить „тайную силу“, онъ прислалъ въ сенатъ еще другую бумагу. Теперь онъ предлагалъ сенату разъяснить населенію „для его успокоенія“, что февральскій манифестъ не составляетъ нарушенія законовъ страны. Къ бумагѣ былъ приложенъ проектъ разъясненія. Развѣ это обращеніе не курьезный „document humain“? Какъ мы помнимъ, сенатъ незадолго передъ тѣмъ вошелъ съ представленіемъ къ Монарху, въ которомъ опредѣленно высказалъ, что счи-

---

Къ сказанному присовокупимъ еще Михаила Георгіевича *Бородкина* — этого грубаго фальсификатора и подтасовывателя историческихъ фактовъ — напрасно скрывающагося подъ псевдонимами С. К. *Михайлова* и Георгія *Абова*.

таетъ февральскій манифестъ правонарушеніемъ. Сенатъ на бобриковское предложеніе и отвѣтилъ коротко — что онъ не находитъ основаній для подобнаго разъясненія.

Генералъ-губернаторъ не довольствовался этимъ. Онъ самъ принялъ роль толкователя законовъ, что вовсе не входитъ въ его компетенцію и на что онъ не имѣетъ никакого права. Онъ разослалъ губернаторамъ циркуляръ, требуя, чтобы онъ былъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе. Нѣкоторые обыватели Великаго Княжества, будучи введены въ заблужденіе, — говорится въ этомъ циркулярѣ — неправильно поняли значеніе Высочайшаго манифеста 3 (15) февраля сего года и приложенныя къ нему основныя положенія.... „Для предупрежденія дальнѣйшаго распространенія такихъ несообразныхъ заключеній и превратныхъ толкованій, составляющихъ явное извращеніе истиннаго смысла названныхъ законодательныхъ актовъ“, онъ счелъ необходимымъ обратиться къ губернаторамъ со своимъ циркуляромъ. При этомъ давалось увѣреніе, что, „благодаря манифесту 3 (15) февраля, интересы финскаго народа будутъ оберегаться лучше чѣмъ прежде[1]). . . . Новый законъ, ничѣмъ не измѣняя существующаго въ странѣ внутренняго порядка, вноситъ опредѣленность въ область изданія общегосударственныхъ законовъ, относясь при этомъ съ крайнею

---

[1]) Насколько временщики съумѣли уже воспользоваться настоящимъ ненормальнымъ положеніемъ вещей, для вящшаго попиранія правъ Финляндіи, достаточно видно изъ всѣхъ послѣдующихъ мѣропріятій и событій въ краѣ. Упомянемъ лишь нѣкоторыя закононарушенія Бобрикова, Плеве и компаніи за 1900 г., какъ-то введеніе русскаго языка оффиціальнымъ въ нѣкоторыхъ главныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Финляндіи, ограниченіе свободы собранія, нарушеніе закона о промыслахъ административными распоряженіями о коробейникахъ, введеніе русскихъ почтовыхъ марокъ и пр. и пр.

заботливостью къ нуждамъ населенія Финляндіи. Рѣшеніе же вопроса о томъ, какія дѣла нужно будетъ относить къ общегосударственному законодательству, зависитъ отъ Монарха." Ко всему этому генералъ-губернаторъ прибавлялъ, что „Государь Императоръ, любя Свой финскій народъ, довѣряя его преданности и неусыпно заботясь объ его благѣ, не имѣетъ въ виду вводить въ Великомъ Княжествѣ новыхъ порядковъ, нарушающихъ внутреннее его управленіе и законодательство, что подтверждено Высочайшимъ манифестомъ отъ 25-го октября 1896 г.[1]). Это указаніе генералъ-губернаторъ считалъ нужнымъ сдѣлать „для возможно скорѣйшаго успокоенія умовъ".

Нѣкоторые губернаторы положили этотъ циркуляръ подъ сукно, другіе разослали его безъ всякихъ рекомендательныхъ надписей своимъ подчиненнымъ. Послѣдніе прочли его, удивились и подшили циркуляръ къ дѣлу. Нѣкоторые городскіе магистраты передали циркуляръ городскимъ уполномоченнымъ (гласнымъ). Въ Экенесѣ городскіе уполномоченные сдѣлали по этому поводу слѣдующее постановленіе:

„Будучи увѣренными, что изложенное въ циркулярѣ толкованіе манифеста 15-го февраля никоимъ образомъ не можетъ успокоить волненіе, вызванное манифестомъ, и что только Высочайшій указъ о томъ, что постановленія манифеста будутъ согласованы съ основными законами Финляндіи, можетъ вернуть нашему народу спокойствіе и увѣренность въ будущемъ, городскіе уполномоченные постановили: „оставить циркуляръ безъ вниманія."

Такъ же поступили и уполномоченные другихъ городовъ. Гласные города Гельсингфорса не нашли даже нужнымъ входить въ разсмотрѣніе циркуляра по существу, въ виду того что генералъ-губернаторъ не

[1]) Переводъ со шведскаго.

компетентенъ толковать смыслъ и разъяснять значеніе Высочайшаго манифеста.

Но если генералъ-губернаторъ со своимъ циркуляромъ не имѣлъ успѣха въ Финляндіи, за то ему посчастливилось въ Петербургѣ, куда онъ послалъ копію съ этого документа, прося статсъ-секретаря доложить ее Государю. Черезъ статсъ-секретаря генералъ-губернаторъ былъ извѣщенъ, что Государь „съ удовольствіемъ выслушалъ содержаніе доклада“. Дополнимъ то, что мы говорили, слѣдующими словами одного русскаго автора,[1]) вѣрно освѣщающими истинный характеръ циркуляра:

„Однако петербургское правительство не имѣло довольно мужества, чтобы сознаться, что оно царское слово ставитъ ни во что. Къ насилію присоединилось лицемѣріе. Людей раздавили, но хотѣли ихъ увѣрить, что ихъ вовсе не трогаютъ и что всѣ ихъ жалобы напрасны. Генералъ Бобриковъ разослалъ циркуляръ, въ которомъ онъ разъяснилъ населенію, что никто не думалъ нарушать финляндскую конституцію и т. д., что всѣ мѣстные законы Финляндіи остаются ненарушимыми и только для дѣлъ общихъ Финляндіи и Имперіи установлены новыя правила. Хорошо это *только!* Кого можно было этимъ морочить? Конечно не финляндцевъ, которые очень хорошо знали, что всѣ эти увѣренія состоятъ въ явномъ противорѣчіи съ истиной. Тѣмъ не менѣе этотъ циркуляръ получилъ одобреніе свыше. Государя очевидно увѣрили, что манифестомъ 3-го февраля вовсе не нарушается Финляндская конституція.“

Борьба генерала Бобрикова съ массовымъ адресомъ

---

[1]) „Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія,“ стр. 148.

этимъ еще не кончилась. Кромѣ циркуляра у него въ рукахъ былъ еще другой козырь. Ему удалось вызвать „контръ-адресъ.“ Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Въ приходѣ Мола недалеко отъ русской границы есть село *Кюрёля* (по русски Красное Село), населенное главнымъ образомъ выходцами изъ Россіи, которыхъ туда переселилъ Петръ Великій. Здѣсь въ этомъ пограничномъ уголкѣ генералъ-губернатору удалось найти орудіе для своихъ замысловъ. Жители прихода Мола отнеслись къ народному адресу весьма сочувственно и дали болѣе 2,000 подписей. Но какъ только адресъ былъ подписанъ, сейчасъ началась противъ него агитація со стороны православнаго священника Краснаго Села Земляницына и народнаго учителя Мухина, который не былъ финляндскимъ гражданиномъ. 16-го марта они потребовали отъ предсѣдателя общиннаго собранія Галкина, чтобы онъ собралъ на 19-ое сходъ. Послѣдній отказался, такъ какъ по закону о созваніи схода должно быть объявлено не менѣе какъ за 14 дней. Священникъ Земляницынъ не смутился этимъ, а созвалъ въ назначенный имъ день сходъ и объявилъ, что это „экстренный сходъ.“ Онъ самъ велъ протоколъ а его сотоварищъ Мухинъ предсѣдательствовалъ на этомъ импровизированномъ сходѣ. Сколько народу было на этомъ сходѣ, кромѣ Земляницына и Мухина, — объ этомъ исторія умалчиваетъ. Въ протоколѣ, который былъ напечатанъ въ финскихъ газетахъ, очень наивно сказано, что сходъ созванъ „по приказанію“; это первое и очень недвусмысленное указаніе на то, что тутъ былъ заинтересованъ генералъ-губернаторъ. Въ протоколѣ выражается неодобреніе массовому адресу, высказывается порицаніе предсѣдателю общинной управы Лукьянову за

то, что онъ подписалъ адресъ, Галкину за то, что онъ отказался созвать сходъ. Лукьяновъ рѣшительно протестовалъ противъ такого вмѣшательства въ его дѣйствіе какъ частнаго лица и внесъ свой протестъ въ протоколъ. Этимъ кончилось собраніе. Протоколъ былъ подписанъ учителемъ, священникомъ и еще 5 лицами (причемъ имена шести послѣднихъ подписаны однимъ почеркомъ), и немедленно отправленъ къ генералъ-губернатору. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Генералъ Бобриковъ благодарилъ за инціативу и преподалъ благой совѣтъ исключить протестъ Лукьянова и затѣмъ представить протоколъ къ нему черезъ губернатора. Вѣроятно, генералъ-губернаторъ Бобриковъ не разсчитывалъ, что отвѣтъ его сдѣлается извѣстнымъ публикѣ, но священникъ Земляницынъ переусердствовалъ и прочиталъ отвѣтную бумагу въ церкви; такимъ образомъ она попала въ печать. Совѣты генерала были конечно въ точности исполнены. Протоколъ былъ исправленъ и его отправили по почтѣ губернатору. По финскимъ законамъ прошенія и другія бумаги подаются въ присутственныя мѣста частными лицами лично или черезъ довѣренныхъ; кромѣ того они должны быть оплачены гербовымъ сборомъ. Ни одно изъ этихъ условій не было въ данномъ случаѣ соблюдено, почему протоколъ и былъ оставленъ безъ движенія.

Вскорѣ получился запросъ отъ генералъ-губернатора: почему протоколъ такъ долго не представляется. Послѣ этого губернское правленіе послало протоколъ генералъ-губернатору при бумагѣ слѣдующаго содержанія:

„Согласно телеграммы Вашего Превосходительства на имя ландссекретаря, губернское правленіе имѣетъ честь препроводить при семъ протоколъ собранія пра-

вославныхъ прихожанъ села Кюреля приход Мола, имѣвшаго мѣсто 19-го прошлаго марта. Этотъ протоколъ носитъ совершенно частный характеръ и имѣетъ въ оригиналѣ только одну собственноручную подпись, а именно предсѣдателя собранія В. И. Мухина. Для того чтобы этому документу можно было дать законное дальнѣйшее движеніе необходимо, чтобы онъ былъ поданъ губернатору лицомъ, избраннымъ для этого собраніемъ, или его уполномоченнымъ. Но этого сдѣлано не было; протоколъ былъ присланъ губернатору ири оффиціальной бумагѣ настоятелемъ православной церкви въ Кюреля, священникомъ Земляницынымъ.

„Кромѣ того прилагаемый протоколъ не полонъ, такъ какъ изъ него исключенъ протестъ одного лица, вслѣдствіе чего протоколъ не можетъ считаться точнымъ выраженіемъ того, что происходило на собраніи.

„Губернское правленіе считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе Вашего Превосходительства на эти формальныя обстоятельства, почтительнѣйше докладывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что внесенное священникомъ Земляницынымъ въ протоколѣ заявленіе и выраженіе опасенія, какъ бы общественному порядку не грозила опасность, вслѣдствіе какого-то, якобы, существующаго возбужденія населенія къ неудовольствію, — что это заявленіе лишено всякаго основанія; въ дѣйствительности никто въ губерніи не возбуждаетъ неудовольствія среди населенія, кромѣ тѣхъ странствующихъ агитаторовъ, которые стараются подорвать значеніе дѣйствующихъ въ странѣ законовъ, касающихсяземлевладѣнія“ [1]).

---

[1]) Это намекъ на агитацію, которую, какъ извѣстно, ведутъ русскіе коробейники среди безземельнаго населенія Финляндіи, распространяя слухи о „раздѣлѣ земли“ и пр. и рисуя предъ бѣдняками картины благополучія, которое ихъ ожидаетъ, если будутъ введены, какъ они выражаются, „русскіе законы“. Тогда, дескать, вся земельная собственность и другія имущества будутъ раздѣлены между всѣми поровну. Одновременно съ этимъ банда русскихъ и татарскихъ разносчиковъ пыталась убѣждать не только простонародіе въ Финляндіи, но, по газетнымъ сообщеніямъ, и финскихъ колонистовъ смежныхъ русскихъ губерній, подписываться подъ какой-то мистической бумагой; содержаніе ея они, впрочемъ, не рѣшались

Генералъ-губернаторъ не только не обратилъ на эту бумагу никакого вниманія, но, немедленно по полученіи ея, даже написалъ слѣдующее отношеніе статсъ-секретарю:

„Господину Временно Исправляющему должность Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго.

„Православные обыватели Красносельской общины, Эйряпяскаго уѣзда, Выборгской губерніи, состоящей изъ 1363 душъ обоего пола, возмущенные подпискою **нѣкоторыми жителями**[1]) той же губерніи всеподданнѣйшаго адреса по поводу Высочайшаго манифеста 3 (15) февраля сего года, въ чемъ со стороны этихъ послѣднихъ они усмотрѣли преступное посягательство на священныя права Государя Императора, на сходѣ постановили: повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества одушевляющія ихъ чувства безпредѣльной преданности Самодержцу Всероссійскому. При этомъ ими заявлено, что они не желаютъ идти противъ воли Государя Императора, согласны во всемъ повиноваться Его Величеству и не хотятъ, чтобы ихъ считали соумышленниками лицъ, подписавшихъ всеподданнѣйшій противозаконный адресъ.

читать, предлагая за подпись подъ „неудобочитаемой“ бумагой деньги и не останавливаясь даже передъ тѣмъ, чтобы заставлять дѣтей подписывать подъ оный ихъ собственныя имена, а также имена ихъ родителей. Финляндскія газеты въ свое время наполнены были такого рода разоблаченіями, причемъ газеты приводили опредѣленные, ясно указанные, случаи пропаганды; но потомъ воспослѣдовало цензурное запрещеніе вовсе касаться этого вопроса. Однимъ изъ главныхъ руководителей этой широкой агитаціи, по словамъ финляндскихъ же газетъ, *являлся* покойный П. Г. *Мессароша* во время бытности его въ Гельсингфорсѣ. Кстати, для характеристики этого дѣятеля припомнимъ слѣдующій эпизодъ: при обыскѣ у проворовавшагося цензора Брандта найдена была визитная карточка Мессароша съ рекомендаціею къ Выборгскому жандармскому офицеру. Упомянемъ тутже, что генералъ Бобриковъ выхлопоталъ предоставленіе ему, *безъ отчетности*, ежегодной суммы въ 120.000—160.000 марокъ правительственныхъ финскихъ средствъ для его спеціальныхъ цѣлей.

[1]) Курсивъ нашъ. См. примѣчаніе въ гл. IV-й.

„О вышеизложенномъ высокопохвальномъ проявленіи вѣрноподданническихъ чувствъ Красносельской православной общины благоволите, Ваше Превосходительство, всеподданнѣйше представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе.

Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ.
И. д. Директора Канцеляріи А. фонъ Минквицъ.
Гельсингфорсъ, 20 апрѣля (2 мая) 1899 г.“

Письмо написано такъ, что съ перваго взгляда можно подумать, будто въ Кюреля 1363 человѣка участвовало въ составленіи адреса, но въ самомъ дѣлѣ, при болѣе внимательномъ чтеніи оказывается, что это число *всѣхъ жителей села*, а подписало протоколъ, какъ мы уже видѣли, всего лишь семь человѣкъ. Говоря же о томъ, что въ Выборгской губерніи „нѣкоторые“ жители подписали массовый адресъ, генералъ-губернаторъ имѣлъ въ виду 75.000 человѣкъ грамотныхъ финляндцевъ, старше 16-тилѣтняго возраста, изъ которыхъ на долю прихода Мола приходится, какъ сказано уже выше, 2.000 человѣкъ.

Когда это письмо было доложено Государю, онъ положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: „читалъ съ удовольствіемъ, благодарю Васъ.“ Сравненія съ отвѣтомъ на массовый адресъ и выводы отсюда сами собою напрашиваются. Замѣчательно также, что генералъ-губернаторъ добился того, чтобы такъ называемый Кюреляскій адресъ съ его письмомъ были доложены еще въ началѣ іюня н. ст., т. е. *нѣсколько* недѣль *ранѣе* массоваго адреса; послѣдній, докладъ котораго съ такимъ понятнымъ безпокойствомъ ожидали во всей странѣ, былъ полученъ въ статсъ-секретаріатѣ лишь къ 10-му іюня и окончательно доложенъ въ началѣ двадцатыхъ чиселъ означеннаго мѣсяца. Генералъ Прокопе хотѣлъ было доложить

оба адреса вмѣстѣ, но получилъ, еще до доклада массоваго адреса, *оффиціальное* увѣдомленіе отъ генерала Бобрикова, что Государь желаетъ прочесть его письмо о Кюреляскомъ адресѣ. И. д. статсъ-секретаря оставалось только повиноваться[1]).

---

[1]) Къ вышеизложенному присовокупимъ еще нижеслѣдующія обстоятельства.

Энергичный, всѣми уважаемый и любимый Выборгскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ *Гринбергъ*, былъ впослѣдствіи, по представленію Бобрикова, удаленъ отъ своей должности за то, что онъ отстоялъ законныя права сельскаго учителя *Хухка* въ Кюреля по дѣлу о неосновательномъ смѣщеніи его неподлежащими властями, а также о выселеніи его изъ принадлежащей ему квартиры въ домѣ общинной школы, по „приказанію“ священника Земляницына. При этомъ генералъ Гринбергъ представилъ потребованное отъ него сенатомъ объясненіе, въ которомъ онъ запротестовалъ противъ незаконныхъ дѣйствій Бобрикова по сему дѣлу. Это объясненіе, публикуемое въ свое время во всѣхъ газетахъ и вызвавшее, очевидно, боязнь Бобрикова, и было ближайшею причиною чрезвычайнаго его шага. Кромѣ того Бобриковъ обвинилъ генерала Гринбергера въ сенатѣ въ непередачѣ, будто бы, Высочайшей благодарности по поводу Кюреляскаго адреса жителямъ этого села, — каковое обвиненіе тоже оказалось неправильнымъ.

Упомянутое выше объясненіе Гринбергера имѣло слѣдующее содержаніе:

„Финляндскій Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ въ отношеніи отъ 31 (19) минувшаго октября просилъ распоряженія Хозяйственнаго Департамента Финляндскаго Вашего Императорскаго Величества Сената къ выясненію допущенныхъ якобы неправильныхъ дѣйствій по дѣлу о выселеніи учителя изъ зданія Красносельскаго народнаго училища (съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ) въ приходѣ Мола, и къ привлеченію виновныхъ къ законной отвѣтственности; при этомъ какъ на заслуживающихъ привлеченія къ отвѣтственности, указывается на нижеподписавшагося Губернатора, съ присовокупленіемъ, что къ таковой отвѣтственности, быть можетъ, будутъ привлечены также подчиненные мнѣ чины. Въ виду сего Сенатъ отношеніемъ Гражданской Экспедиціи отъ 7 текущаго ноября предписалъ Губернскому Правленію представить въ Сенатъ истребованныя отъ меня и прочихъ подлежащихъ лицъ всеподданнѣйшія объясненія.

XIV.

Всеподданнѣйшій отвѣтъ земскихъ чиновъ.

Рѣшающее слово все же оставалось за земскими чинами. Тогда какъ выше описанное движеніе происходило въ Финляндіи, сеймъ въ спеціальныхъ коммиссіяхъ работалъ подъ давленіемъ неслыханной до того отвѣт-

---

„Вслѣдствіе сего я, по сообщеніи мнѣ вышеупомянутаго отношенія Генералъ-Губернатора, всеподданнѣйше доношу слѣдующее:

„Отношеніемъ отъ 22 (10) сентября сего года предсѣдатель такъ называемаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ русскихъ училищъ, Генералъ-Лейтенантъ Чепурновъ просилъ моего распоряженія о выселеніи уволеннаго Директоромъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи, учителя вышеназваннаго училища Якова Хухка, изъ отведенной ему въ качествѣ учителя квартиры въ зданіи народнаго училища. Согласно относящимся сюда правиламъ, изложеннымъ въ § 17 гл. 7 Устава о взысканіяхъ, учителю Хухка, по поводу предъявленнаго такимъ образомъ требованія о выселеніи его, предложено было мною представить объясненія съ назначеніемъ для этого срока въ двѣнадцать дней, считая со дня врученія ему резолюціи. Въ виду сего Хухка представилъ въ опредѣленный срокъ, 14-го октября, истребованныя отъ него объясненія.

„Засимъ Генералъ-Губернаторъ предписаніемъ отъ 17(5) октября, полученнымъ мною на слѣдующій день, приказалъ мнѣ донести о времени очистки учителемъ Хухка занимаемой имъ квартиры, причемъ срокъ для очистки квартиры опредѣленъ былъ Генералъ-Губернаторомъ въ пять дней, считая со дня полученія мною предписанія Генералъ-Губернатора. Затѣмъ 23 того же октября я донесъ Генералъ-Губернатору, что Хухка 21 числа того же мѣсяца очистилъ занимаемую имъ въ зданіи вышеназваннаго училища квартиру еще до полученія имъ приказанія о выселеніи, причемъ я основалъ свое донесеніе на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ мнѣ бывшимъ упомянутаго числа, по дѣламъ службы, въ Красномъ Селѣ служащимъ Губернской Конторы. Однако по дошедшимъ до меня нынѣ свѣдѣніямъ, Хухка не могъ окончить начатаго имъ въ тотъ день переселенія въ виду наступившей неблагопріятной погоды. И такъ какъ на слѣдующій день

ственности по отношенію не только къ настоящему времени, но и къ грядущимъ поколѣніямъ, подвергая жгучіе вопросы всестороннему, добросовѣстному и обстоятельному изслѣдованію.

было воскресенье, то квартира въ дѣйствительности очищена была окончательно лишь 23 октября, и въ слѣдующій день занята была другимъ лицомъ, какъ явствуетъ изъ всеподданнѣйше прилагаемаго при семъ свидѣтельства Короннаго Ленсмана Моласкаго и Хейніокискаго округа Августа Тойкандера.

„Такъ какъ мои дѣйствія по настоящему дѣлу ограничиваются всеподданнѣйше изложенными мною выше распоряженіями, то я осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Императорское Величество соблаговолите Всемилостивѣйше признать, что Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Адъютантъ Бобриковъ не имѣлъ никакого повода къ заявленному имъ противъ меня въ первоупомянутомъ отношеніи его и обидному для меня, какъ должностнаго лица, обвиненію въ проявленіи пристрастія къ учителю Хухка, по вопросу о выселеніи его изъ занимаемой имъ квартиры. Я считаю возможнымъ питать эту надежду, тѣмъ болѣе, что предъявленное Генералъ-Лейтенантомъ Чепурновымъ, основанное на приведенныхъ имъ доводахъ требованіе о выселеніи, даже въ то время, когда Хухка добровольно очистилъ означенную квартиру, не могло бы быть уважено на основаніи дѣйствующаго закона, въ виду того, что, какъ изложено въ представленномъ учителемъ Хухка объясненіи, онъ имѣлъ право оставаться въ занимаемой имъ квартирѣ.

„Въ виду сего, по моему всеподданнѣйшему мнѣнію, вполнѣ ясно, что если какое-либо распоряженіе по дѣлу должно быть названо незаконнымъ, то это можетъ быть сдѣлано лишь по отношенію къ попыткѣ Генералъ-Губернаторомъ, въ данномъ имъ мнѣ предписаніи объ очисткѣ квартиры въ опредѣленный срокъ, властнымъ словомъ вступить въ огражденную закономъ область отправленія правосудія.

„Относящіеся къ дѣлу поступившіе сюда документы всеподданнѣйше при семъ представляются.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и преданностью,
Державнѣйшій, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и
Великій Князь
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
А. Гриппенбергъ.“

Отличительною чертою финляндскаго сейма является вообще образцово правильное и спокойное теченіе въ немъ парламентской жизни. Дебаты въ немъ постоянно имѣли серьезный и дѣловитый характерь, безъ оттѣнка личныхъ нападокъ и желанія свести какіе-нибудь частные счеты. Финляндское народное представительство никогда не желало соперничать съ парламентами нѣкоторыхъ другихъ странъ въ искусствѣ смущать политическое положеніе вещей, въ стремленіи направлять нападки на правительство, дѣлать обструкцію и затруднять плодотворную законодательную работу. Такому направленію финляндскій сеймъ былъ всегда чуждъ. Правда, государственные чины Финляндіи подчасъ отклоняли пропозицію и подвергали здравой критикѣ одно или другое мѣропріятіе, но въ сеймѣ никогда не существовала партія, задававшаяся цѣлью затруднять оппозиціею законную дѣятельность правительства. А этотъ обдуманный, умѣренный и строго законный характеръ его дѣятельности вызывалъ, повидимому, досаду и озлобленіе въ реакціонной русской печати и бюрократіи, для которой крайне скромныя права финляндскаго народнаго представительства, равно какъ и всякая внутренняя политическая свобода вообще, очевидно, составляютъ бельмо въ глазу.

Особенно единодушнымъ представляется всеподданнѣйшій отвѣтъ чрезвычайнаго сейма. За этими объясненіями земскихъ чиновъ стоитъ весь народъ солидарно и стойко. Всеподданнѣйшій отвѣтъ сейма не былъ какимъ-нибудь актомъ, который онъ могъ, по произволу, либо совершать, либо нѣтъ. Наоборотъ, — отстаиваніе конституціоннаго порядка страны противъ посягательствъ, исходящихъ изъ печальнаго пренебреженія дѣй-

ствующимъ правомъ, составляетъ священную обязанность народныхъ представителей. Оппозиція такого серьезнаго содержанія, такого убѣдительнаго свойства не можетъ же не вызвать должное уваженіе со стороны государственной мудрости, усматривающей почетную для себя задачу въ исправленіи сдѣланнаго промаха.

27-го мая 1899 года сеймъ окончилъ свои труды и представилъ свой отвѣтъ Государю и Великому Князю.

Въ своемъ отвѣтѣ онъ указываетъ предварительно на тѣ положенія основныхъ законовъ, коими опредѣляются взаимныя права Монарха и земскихъ чиновъ на совмѣстное участіе въ законодательствѣ, а именно:

а) *„Король не можетъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія Государственныхъ Чиновъ.“ (Форма Правленія § 40.)*

б) *„Государственные Чины не могутъ издать новыхъ законовъ, ниже старыхъ уничтожить безъ вѣдома и согласія Короля.“ (Форма Правленія § 41.)*

в) — — —

„Признаніе силы основныхъ законовъ 1772 и 1789 годовъ вовсе не означаетъ, чтобы Финляндія была самостоятельнымъ государствомъ, состоящимъ только „въ союзѣ или личной уніи съ Россіею.“ Земскіе Чины не касались бы этого вопроса, еслибы въ переданныхъ Сейму журналахъ, содержащихъ мотивы къ проектамъ коммиссій, не встрѣчались указанія на существованіе, будто бы, въ Финляндіи подобнаго взгляда на отношеніе этого края къ Россіи.

„Столь крайнія воззрѣнія на право Финляндіи, какъ приведенныя выше, едвали можно найти даже въ печатныхъ произведеніяхъ самаго мимолетнаго характера. Что же касается мнѣній, которыя идутъ, можно бы сказать, въ томъ же направленіи—хотя они и не содержатъ того, что стараются приписать имъ — то Земскіе Чины считаютъ долгомъ замѣтить, что едвали есть какая-нибудь страна, стоящая на современной степени культуры, гдѣ бы вопросы этого рода не подвергались обсужденію и не высказывались различныя мнѣнія по нимъ и гдѣ, слѣдовательно, также не проявлялись бы неправильныя толкованія. Какъ доктрина, такъ и ея терминологія были по данному предмету такъ мало развиты и такъ шатки, что другого исхода даже нельзя было ожидать. Въ частности терминъ реальная унія употреблялся во многихъ различныхъ значеніяхъ. Что же касается существующихъ въ Финляндіи воззрѣній по данному вопросу, то они, конечно, съ наибольшею достовѣрностью могутъ быть усмотрѣны изъ актовъ, состоявшихся по опредѣленію Земскихъ Чи-

русскаго языка въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оффиціальному переводчику не удалось вполнѣ уловить и ясно передать точный смыслъ шведскаго подлинника.

новъ Финляндіи, ибо Земскіе Чины являются законными представителями финскаго народа, съ правомъ голоса за него. Земскіе Чины Финляндіи, также какъ и Коммиссія Законовъ Сейма, не только въ принятыхъ законопроектахъ, но и въ другихъ случаяхъ, неоднократно признавали, что Финляндія, пользуясь государственною автономіею, нераздѣльно соединена съ Россійскою Имперіею и составляетъ часть россійскаго государства.

„Между тѣмъ нѣкоторые, принадлежащіе къ Высочайшимъ предложеніямъ документы, указывая на то, что Финляндія есть часть россійскаго государства и что организація военнаго дѣла въ краѣ поэтому касается государственныхъ интересовъ, приводятъ эти обстоятельства въ оправданіе мнѣнія, будто законъ о военной тягости обывателей Финляндіи, вопреки Формѣ Правленія и Сеймоваго Устава, можетъ быть изданъ помимо согласія Земскихъ Чиновъ. Подобное же воззрѣніе, повидимому, также легло въ основаніе манифеста, даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 3/15 февраля 1899 года, и упомянутыхъ въ немъ основныхъ положеній, согласно которымъ Государственный Совѣтъ Имперіи, съ соблюденіемъ указанныхъ въ нихъ подготовительныхъ дѣйствій и сношеній, могъ бы сдѣлаться органомъ законодательства и для Финляндіи, а законы для сего края, даже по вопросамъ, требующимъ, согласно финляндскимъ основнымъ законамъ, согласія Земскихъ Чиновъ, могли бы быть издаваемы безъ участія послѣднихъ. Означенныя основныя положенія, правда, не исключаютъ такого порядка производства, при которомъ законопроекты могутъ быть утверждаемы не иначе, какъ въ редакціи, одобренной Земскими Чинами касательно

вопросовъ, по которымъ, по основнымъ законамъ Финляндіи, требуется согласіе Земскихъ Чиновъ. Но, съ другой стороны, судя по редакціи основныхъ положеній, можно предположить, что и по означеннымъ вопросамъ, а, слѣдовательно, и въ отношеніи Устава о воинской повинности, принятые Земскими Чинами законопроекты могутъ быть утверждены въ измѣненной редакціи, или же съ отступленіями, въ какомъ-либо другомъ отношеніи. отъ рѣшенія Земскихъ Чиновъ. Такъ какъ Высочайшій манифестъ, сверхъ сего, предусматриваетъ и въ остальномъ совершенно чуждый финдяндскому праву порядокъ производства дѣлъ по законодательнымъ вопросамъ, то Земскіе Чины, которые при докладѣ представленія Коммиссіи Законовъ по сему предмету, уже 21-го февраля сего года единогласно мнѣніемъ положили, что означенный манифестъ не можетъ имѣть силы закона въ Финляндіи, считаютъ долгомъ всеподданнѣйше представить на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благовоззрѣніе слѣдующія соображенія:

„*I. Утвержденные Императоромъ Александромъ I для Финляндіи основные законы образуютъ, какъ Императоръ неоднократно самъ выражался, конституцію, которою установлено, между прочимъ: что край долженъ управляться по собственнымъ законамъ его; что Монархъ управляетъ и властвуетъ при содѣйствіи туземныхъ властей; что законы, какъ основные, такъ и другіе, имѣющіе воспріять силу въ Финляндіи, могутъ быть издаваемы только съ согласія Земскихъ Чиновъ*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, по коимъ Монархъ въ правѣ издавать постановленія безъ участія Земскихъ Чиновъ, но при содѣйствіи туземныхъ властей; *въ частности же по отношенію къ военной тягости, что законы о воинской повин-*

ности не могутъ быть издаваемы безъ вѣдома, доброй воли и согласія Земскихъ Чиновъ.

„Утвержденіе Императоромъ Александромъ I этой конституціи не только было, по собственнымъ словамъ Государя, объявлено въ Святилищѣ Всевышняго — proclamé dans le sanctuaire de l'Etre Suprême — но и тогда же, при принесеніи Земскими Чинами Финляндіи, въ Боргоскомъ соборѣ, присяги на вѣрноподданство, передано Земскимъ Чинамъ и впослѣдствіи вывѣшено во всѣхъ церквахъ края.

„2. Такъ какъ, слѣдовательно, для Финляндіи утверждена особая конституція, то ни установленія Имперіи, ни имперскій законъ о самодержавіи не были введены въ Финляндіи и никогда не дѣйствовали въ ней. Посему Государственный Совѣтъ не можетъ дѣйствовать въ качествѣ законодательнаго органа для Финляндіи.

„3. Манифестомъ 3/15 февраля и относящимися къ нему основными положеніями установляется другой порядокъ изданія законовъ, имѣющихъ воспріять силу и въ Финляндіи, чѣмъ тотъ, который установленъ финляндскими основными законами. Между тѣмъ эти узаконенія не только выработаны чуждыми для края учрежденіями, но и изданы безъ согласія Земскихъ Чиновъ Финляндіи, и, кромѣ того, обнародованы въ краѣ въ порядкѣ, не согласующемся съ законами края, т. е. въ видѣ копій и безъ скрѣпы Министра Статсъ-Секретаря Финляндіи. Въ виду этого ясно, что манифестъ и основныя положенія противорѣчатъ праву на собственное законодательство, предоставленное по конституціи Финляндіи финскому народу.

„4. Такъ какъ финляндскіе основные законы не допускаютъ изданія законовъ для Финляндіи въ порядкѣ, не-

согласнымъ съ означенными основными законами, то общегосударственнаго законодательства въ предусмотрѣнномъ Высочайшимъ манифестомъ смыслѣ до сего времени не могло быть.

„Это не исключаетъ возможности для Монарха предварительно принятія мѣръ, насающихся Финляндіи, совѣщаться также съ властями Имперіи, когда дѣло касается ея интересовъ. А такъ какъ Монарху принадлежитъ право по нѣкоторымъ предметамъ издавать постановленія безъ содѣйствія Сейма, то по симъ предметамъ соотвѣтствующія законоположенія для Имперіи и для Великаго Княжества могутъ быть по закону издаваемы безъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла Земскими Чинами. Законы же о престолонаслѣдіи, совершеннолѣтіи Наслѣдника престола и о другихъ связанныхъ съ ними вопросахъ не суть собственно общегосударственные законы, а законы, изданные для Имперіи; но вслѣдствіе соединенія Финляндіи съ Имперіею, а также въ виду характера этого соединенія, въ Финляндіи должно быть соблюдаемо, что установленныя или впредь установляемыя въ Имперіи узаконенія по симъ предметамъ дѣйствуютъ также непосредственно и въ Финляндіи, т. е. безъ всякаго участія въ таковомъ законодательствѣ Земскихъ Чиновъ Финляндіи или другихъ финляндскихъ учрежденій. Что, наконецъ, касается трактатовъ, заключаемыхъ съ иностранными государствами, то Финляндія по отношенію къ послѣднимъ не можетъ разсматриваться иначе, какъ часть россійскаго государства, дѣлами котораго вѣдаетъ Государь Императоръ, при содѣйствіи имперскихъ органовъ; а потому заключеніе трактатовъ съ иностранными государствами, также какъ и прочія иностранныя дѣла, являются безспорно дѣлами общегосударственными, въ рѣ-

шеніи коихъ Финляндія участія не принимаетъ. Но въ случаяхъ, когда заключеніе трактата вызываетъ необходимость въ принятіи какихъ-либо мѣръ и въ Финляндіи, объ этомъ издается особое постановленіе по Великому Княжеству, или посредствомъ опубликованія трактата установленнымъ порядкомъ, или — въ случаѣ необходимости — изданіемъ особаго закона, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ въ краѣ законоположеній. Порядокъ этотъ въ теченіе девяноста лѣтъ, насколько извѣстно, не вызывалъ никакихъ затрудненій.

„5. *Если, тѣмъ не менѣе, примѣнявшійся понынѣ порядокъ изданія законовъ, долженствующихъ служить къ руководству въ Финляндіи, требуетъ измѣненія, въ видахъ возможности введенія общегосударственныхъ законовъ, то такая модификація конституціи Финляндіи, съ сохраненіемъ святости законовъ, можетъ быть произведена только при установленномъ основными законами участіи Земскихъ Чиновъ.*

„Поэтому, если по предметамъ, по которымъ законы не могутъ быть издаваемы безъ согласія Земскихъ Чиновъ, будутъ издавать имперскій законъ, распространяя его дѣйствіе также на Финляндію, несмотря на то, что законъ этотъ не принятъ Земскими Чинами, то это противорѣчитъ основнымъ законамъ Финляндіи. Что въ частности касается Устава о воинской повинности, то признаніе его общегосударственнымъ закономъ, который можетъ быть изданъ безъ одобренія Земскихъ Чиновъ, противорѣчило бы не только вышеозначеннымъ основнымъ положеніямъ, но и опредѣленію Формы Правленія о невозможности производства какой-либо конскрипціи въ Финляндіи безъ вѣдома, доброй воли и согласія Земскихъ Чиновъ.

„Быть можетъ, возразятъ, что Монархъ, само собою, долженъ имѣть возможность, независимо отъ Земскихъ Чиновъ Финляндіи, принимать мѣры, вызываемыя интересами всего государства. При этомъ, однако, необходимо принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства.

„Когда рѣчь идетъ объ интересахъ государства, они всегда фактически должны считаться тождественными съ интересами Имперіи. По вопросамъ войны и мира и иностранной политики никому въ Финляндіи не придетъ въ голову утверждать, чтобы интересы Россіи не имѣли рѣшающаго значенія. Но еслибы, сверхъ сего, и по вопросамъ, не касающимся отношеній къ иностраннымъ державамъ, требовалось, чтобы удовлетворены были интересы всего государства, то это въ дѣйствительности будетъ равносильно тому, что и внутреннія дѣла Финляндіи, когда извѣстный образъ дѣйствія будетъ найденъ наиболѣе соотвѣтствующимъ выгодамъ Имперіи, должны рѣшаться согласно съ сими послѣдними, т. е. что права и польза Финляндіи должны отступать передъ интересами Имперіи.

„Между тѣмъ такой образъ дѣйствія не представляется необходимымъ и не согласуется съ положеніемъ, обезпеченнымъ за Финляндіею въ 1809 году.

„Монархъ, власть котораго по основнымъ законамъ Финляндіи шире, чѣмъ по новѣйшимъ конституціямъ, уже теперь пользуется по закону столь широкою властью въ Финляндіи, что можетъ принимать въ краѣ мѣры, необходимыя для поддержанія могущественнаго положенія государства по отношенію къ иностраннымъ державамъ. Къ этому нужно прибавить, что финскій народъ сознаетъ свою обязанность содѣйствовать къ поддержанію этого положенія и, навѣрное, также и впредь не

откажется принести для той же цѣли посильныя новыя жертвы, соотвѣтственно требованіямъ справедливости. Вслѣдствіе требованій, предъявленныхъ съ русской стороны, Земскіе Чины Финляндіи неоднократно оказывали содѣйствіе въ законодательныхъ мѣрахъ, трудно оправдываемыхъ съ точки зрѣнія господствующихъ въ краѣ правовыхъ понятій и которыя, несомнѣнно, не были бы одобрены, еслибы Финляндія не хотѣла выказать свое желаніе идти на встрѣчу означеннымъ требованіямъ.

„Если же теперь, въ силу политическаго положенія Финляндіи, требуется, чтобы Монархъ, сверхъ принадлежащей ему уже власти, получилъ возможность, когда бы это ни признавалось необходимымъ въ интересахъ государства, безъ содѣйствія Земскихъ Чиновъ Финляндіи, издавать законы для финскаго народа, т. е. законы, возлагающіе на народъ и финляндскія учрежденія какія бы то ни было обязательства, то это противорѣчитъ политическому положенію, предоставленному Финляндіи въ 1809 году, когда Императоръ Александръ I торжественно передалъ финскому народу свою санкцію на конституцію Финляндіи.

„Конституція, согласно которой законы не могутъ быть издаваемы безъ согласія Земскихъ Чиновъ и которая сама не можетъ быть измѣнена безъ ихъ согласія, не была утверждена для Финляндіи съ оговоркою, что, когда этого требуютъ интересы государства, законы могутъ быть издаваемы безъ участія Земскихъ Чиновъ. Мысленная оговорка въ этомъ смыслѣ равнялась бы фактическому отрицанію именно существеннѣйшаго принципа, сохраненіе котораго было публично и торжественно удостовѣрено; напротивъ того, основные законы были утверждены безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, при-

чемъ дано было положительное обѣщаніе сохранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи. Сообразно съ симъ, Императоръ говорилъ о финскомъ народѣ, „свободномъ внутри“ — libre dans l'intérieur — и „пользующемся правами, обезпеченными за нимъ его конституціею.“ Слова эти не могли бы быть произнесены, еслибы Императоръ предоставилъ себѣ право, когда признаетъ это необходимымъ въ интересахъ государства, издавать законы, не взирая на конституцію. Кромѣ того, въ данномъ самимъ Императоромъ въ 1816 году подлинномъ объясненіи основного документа сказано, что въ послѣднемъ содержится обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи Финляндіи, подъ скипетромъ Монарха и Наслѣдниковъ его. Императоръ Александръ II, со своей стороны, указалъ на принципъ конституціонно-монархическій, какъ на укоренившійся въ нравахъ финскаго народа и запечатлѣвшій его законы и учрежденія; Императоръ Александръ III также, манифестомъ отъ 13/25 іюня 1886 года, утвердилъ для § 51 Сеймоваго Устава редакцію, зиждущуюся на давнемъ основномъ положеніи, по которому общіе законы „зависятъ отъ согласнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя и Земскихъ Чиновъ“, а законопроекты, относительно которыхъ согласія не состоялось, должны быть вовсе оставлены безъ послѣдствія.

„Все это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ слѣдующаго: мнѣніе, выражающееся въ томъ, что законы, долженствующіе служить къ руководству въ Финляндіи, могутъ быть утверждаемы съ устраненіемъ установленнаго основными законами права Земскихъ Чиновъ, противорѣчитъ симъ основнымъ законамъ и положенію, предоставленному краю въ 1809 году. А такъ

какъ основные законы не могутъ быть измѣнены или отмѣнены безъ согласія Земскихъ Чиновъ, то финскій народъ въ послѣдовавшемъ безъ участія Земскихъ Чиновъ повелѣніи объ осуществленіи означеннаго выше мнѣнія не можетъ не усмотрѣть нарушенія основъ конституціи. Поэтому финскій народъ въ настоящее время чувствуетъ себя пораженнымъ до глубины души. Привыкшій всегда уповать на свои основные законы, многократно утверждавшіеся Монаршимъ словомъ, народъ теперь лишился того спокойствія духа, которое дается только сознаніемъ святости закона.

„Между тѣмъ Земскіе Чины въ данномъ случаѣ могутъ сослаться не на одно это чисто юридическое основаніе, содержащееся въ конституціи; имѣются еще и другія обстоятельства, въ виду которыхъ финскій народъ придерживается и долженъ придерживаться святости своихъ законовъ. Основанія къ этому болѣе глубокія и гораздо серьезнѣе, чѣмъ тѣ поверхностныя и несправедливыя побужденія, которыя приписываются Финляндіи въ заявленіяхъ, отражающихся также въ переданныхъ Сейму журналахъ коммиссій.

„Нельзя упускать изъ виду, что финскій народъ отличается отъ русскаго народа въ отношеніи религіи, языка, нравовъ и культуры. Еще въ то время, когда Финляндія составляла часть шведскаго государства, безъ отдѣльной отъ него организаціи, было ясно, что жители Финляндіи образовали собою особую націю. Что финскій народъ такимъ образомъ, вслѣдствіе историческаго развитія въ продолженіе многихъ вѣковъ, сложился въ отдѣльную отъ другихъ націй единицу, не есть результатъ человѣческихъ расчетовъ, человѣческой воли или человѣческой власти, а скорѣе доказываетъ, что

и этому народу преднамѣчена особая задача, которую онъ, какъ народъ, долженъ по возможности исполнять. Подтвержденіемъ этого служитъ тотъ фактъ, что ири важномъ переворотѣ, происшедшемъ въ 1809 году въ жизни финскаго народа, ему суждено было изъ рукъ великодушнаго Монарха, въ видѣ собственнаго общественнаго строя, получить конституцію и законы, съ которыми онъ уже раньше сросся. Что и это не произошло вслѣдствіе человѣческой прихоти, доказывается девяностолѣтнимъ развитіемъ подъ сѣнью сказаннаго общественнаго строя. Этимъ финскому народу были даны особыя задачи, хотя и скромныя по сравненію съ великими націями; а это служитъ для финскаго народа, какъ и для всякаго другого народа, находящагося въ такомъ же положеніи, внутреннимъ, хотя и не всегда ясно сознаваемымъ, основаніемъ къ тому, что народъ, пока онъ не растлѣнъ нравственно, и въ тяжелыя времена старается сохранить свое національное существованіе. Этимъ также объясняется, почему подобныя стремленія — разъ не было прибѣгнуто къ незаконнымъ средствамъ — считались благородными и возвышенными. Поэтому финскій народъ, не стремясь вовсе къ политической равноправности съ русскою націею, не можетъ отречься отъ своего національнаго правового порядка, ибо въ такомъ случаѣ онъ отрекся бы отъ своего назначенія, предуказаннаго ему Провидѣніемъ, и отъ средствъ, данныхъ ему для осуществленія этого назначенія.

„Къ этому еще нужно прибавить значеніе святости закона.

„Не пользуясь защитою закона, всякому народу трудно будетъ успѣвать въ своемъ развитіи и ни одинъ народъ не будетъ чувствовать себя спокойнымъ, когда нужно

опасаться примѣненія къ нему чужого права, „въ тягость населенію“, какъ говорится въ древнемъ законѣ.

„Для финскаго народа, вынужденнаго бороться съ препятствіями, порождаемыми для культуры холоднымъ климатомъ сѣвера и скудною почвою страны, борьба эта будетъ вдвое тяжелѣе, если нельзя будетъ вести ее въ успокоительномъ сознаніи святости закона, унаслѣдованнаго отъ предковъ и соотвѣтствующаго правовымъ воззрѣніямъ народа, ибо народъ не можетъ мѣнять правовыя воззрѣнія, сложившіяся въ теченіе столѣтій. До того естественны опасенія за собственные законы и правовой строй, проявляющіяся у народа, находящагося въ нынѣшнемъ положеніи финскаго народа, что они, казалось бы, не могутъ быть невѣрно истолкованы тѣмъ, кто безъ предубѣжденія и предвзятыхъ подозрѣній пожелаетъ вникнуть въ означенное положеніе и притомъ чтитъ собственныя національныя преданія.

„Но этого мало. Гдѣ святость закона не охраняется, тамъ подрывается осуществленіе этическихъ задачъ закона, ибо отъ этого можетъ затемниться правовое сознаніе и ослабнуть чувство законности; не подлежитъ также сомнѣнію, что разрушительныя для общественнаго строя силы будутъ искать себѣ почвы и въ Финляндіи, когда устои правового сознанія народа будутъ поколеблены. Особенно серьезнымъ представляется то обстоятельство, что если новый законъ о воинской повинности или другія узаконенія будутъ изданы внѣ порядка, установленнаго основными законами края, то подобный законъ, хотя и соблюдался бы вслѣдствіе внѣшняго принужденія, не могъ бы считаться правомѣрнымъ и являлся бы только принудительнымъ велѣніемъ въ глазахъ финскаго народа, у котораго почитаніе закона передавалось отъ одного

поколѣнія другому. Въ этомъ случаѣ также у многихъ, желающихъ лишь поступать по правдѣ, возникнутъ сомнѣнія и коллизіи между принудительными требованіями, съ одной стороны, и велѣніями долга и совѣсти — съ другой. Нетрудно также понять, что эти опасенія, эта тревога и это смятеніе должны будутъ изгнать изъ страны цѣлыя массы трудоспособныхъ членовъ общества и отнять у нея матеріальныя средства для труда и прогресса, обращая такимъ образомъ эту суровую страну, или, по крайней мѣрѣ, обширныя части ея въ малолюдныя пространства и уменьшая средства ея для поддержанія культуры. Ясно также, что капиталы должны уйти изъ страны, въ которой прекратилось прежнее обезпеченное правовое положеніе, такъ какъ никому не можетъ быть извѣстно, какія измѣненія въ правовомъ порядкѣ принесетъ съ собою грядущій день. Какъ въ началѣ столѣтія, такъ и теперь остаются вѣрными слова, которыми Императоръ Александръ I мотивировалъ свой образъ дѣйствія по отношенію къ Финляндіи. Императоръ высказалъ именно убѣжденіе, что „конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы или отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ“.

„Можно предвидѣть, что вышеприведеннымъ обстоятельствамъ многіе не придадутъ рѣшающаго значенія, но Земскіе Чины осмѣливаются надѣяться, что для Вашего Императорскаго Величества, которому ввѣрено попеченіе также о благѣ финскаго народа, они, при правдивомъ изложеніи дѣла, не будутъ лишены значенія.

„Противъ сказаннаго, быть можетъ, будутъ выставлены противоположные интересы русскаго народа.

„Хотя это возраженіе уже опровергнуто на чисто юридическихъ основаніяхъ, но къ этому еще слѣдуетъ присовокупить, что дѣйствительные интересы русскаго народа не могутъ быть иные или противорѣчить задачамъ, которыя онъ, въ силу высшаго міроваго порядка, долженъ признавать своими и осуществлять какъ таковыя. Если нельзя отрицать, что и финскій народъ своимъ національнымъ существованіемъ и особымъ общественнымъ строемъ обязанъ не только человѣческимъ, но и высшимъ законамъ и тому же высшему руководительству которое преднамѣтило также задачи и цѣли великихъ націй, то русской націи не можетъ же быть предназначено задерживать развитіе или подавлять жизнь финскаго народа. Также не можетъ служить къ благу русской націи, если она, пользуясь своимъ могуществомъ, будетъ лишать финскій народъ тѣхъ законовъ и установленій и того положенія, которыми послѣдній пользуется для осуществленія опредѣленнаго имъ Промысломъ назначенія; тогда ничѣмъ также не оправдывается насильственное объединеніе, направленное къ уничтоженію различій, цѣль которыхъ установлена высшимъ міровымъ порядкомъ. Напротивъ того, фактъ обитанія Финляндіи населеніемъ, видящимъ въ соединеніи съ Россіею охрану также для собственныхъ его интересовъ, могло бы способствовать къ обезпеченію силы и могущества россійской державы, хотя и матеріальныя средства Финляндіи представляются ничтожными по сравненію съ Россіею.

„Поэтому Земскіе Чины, охраняя святость своихъ законовъ, не домогаются чего-либо унизительнаго для достоинства великой русской націи или вреднаго для

интересовъ ея. Это мнѣніе является тѣмъ болѣе обоснованнымъ, что Августѣйшій Основатель нынѣшняго правовоцо положенія Финляндіи самъ объявилъ, что въ этомъ не заключается ничего противнаго правамъ Россіи. Лично закрывая Сеймъ въ г. Борго, Монархъ высказался слѣдующими словами: „Inspirez-leur (vos compatriotes) la conviction, la même assurance sur les objets les plus importans à votre existence politique: le maintien de vos loix, la sûreté personelle, le respect inviolable à vos propriétés“ [1]). И Императоръ прибавилъ, что финскій народъ можетъ считать себя „placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses loix“ [2]) и „libre dans l'intérieur“ [3]). Для вящшаго подтвержденія приведеннаго мнѣнія, Земскіе Чины могутъ указать на тотъ фактъ, что финскій народъ въ продолженіе девяносталѣтняго соединенія съ Россіею не подавалъ своимъ Монархамъ или Россіи повода къ безпокойству. Тревожное настроеніе, которое въ настоящее время овладѣло Финляндіею, вызвано безпрерывными нападками на то, что для законопослушнаго финскаго народа является самымъ высшимъ и драгоцѣннымъ достояніемъ.

„Земскіе Чины увѣрены, что вышеприведенныя, глубоко серьезныя обстоятельства не были доложены, по крайней мѣрѣ, въ полномъ объемѣ Вашему Императорскому Величеству, тогда какъ, съ другой стороны, нужно опасаться, что вредныя для Финляндіи заявленія, непра-

---

[1]) „Внушите имъ то же убѣжденіе, ту же увѣренность въ главнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія, въ сохраненіи вашихъ законовъ, личной безопасности, ненарушимомъ уваженіи вашей собственности.“

[2]) „Занимая отнынѣ мѣсто въ средѣ народовъ, подъ властію своихъ законовъ.“

[3]) „Свободнымъ внутри.“

вильность которыхъ со временемъ должна обнаружиться, были доведены до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества и вліятельныхъ сферъ въ Имперіи. Однако, въ финскомъ народѣ издавна укоренилось убѣжденіе, что народъ можетъ и долженъ съ довѣріемъ обращаться къ своему Монарху съ представленіемъ сокровенныхъ мыслей своего сердца. Сознавая важность вышеизложенныхъ соображеній, Земскіе Чины считаютъ долгомъ откровенно представить ихъ на Всемилостивѣйшее благоволеніе Вашего Императорскаго Величества, причемъ Земскіе Чины дерзаютъ полагать, что по прежнему остаются въ силѣ великодушныя слова, однажды провозглашенныя финскому народу съ высоты того самаго престола, который Ваше Императорское Величество нынѣ занимаете, а именно, что выраженія честности, правды и законопослушанія всегда могутъ расчитывать на Высочайшую защиту и милостивую благосклонность Монарха.

„Подводя итогъ предыдущему, Земскіе Чины всеподданнѣйше докладываютъ Вашему Императорскому Величеству:

„что по конституціи Финляндіи законы, долженствующіе служить къ руководству финскому народу, могутъ быть издаваемы только въ установленномъ основными законами края порядкѣ, по которому предполагается не только, что Монархъ при этомъ пользуется содѣйствіемъ финляндскихъ учрежденій, но что законы по предметамъ, не относящимся къ такъ называемымъ административнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ, издаются съ вѣдома и согласія Земскихъ Чиновъ;

„что, между тѣмъ, опредѣленный приложенными къ Высочайшему манифесту основными положеніями порядокъ изданія законовъ, имѣющихъ воспріять дѣйствіе

также и въ Финляндіи, противорѣчитъ финляндскимъ основнымъ законамъ и конституціи, которою на основаніи оныхъ пользуется Финляндія;

„что манифестъ и принадлежащія къ нему основныя положенія, какъ изданныя безъ согласія Земскихъ Чиновъ и вообще внѣ порядка, установленнаго основными законами края, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи;

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

„что въ случаѣ, еслибы Ваше Императорское Величество признали необходимымъ особый порядокъ для изданія законовъ, общихъ для Имперіи и Финляндіи, Земскіе Чины ожидаютъ, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ передать Земскимъ Чинамъ, для установленнаго основными законами разсмотрѣнія, Высочайшее предложеніе съ проектомъ необходимыхъ для указанной цѣли измѣненій основныхъ законовъ Финляндіи;

„и, наконецъ, Земскіе Чины докладываютъ:

„что Земскіе Чины считаютъ своимъ долгомъ, основаннымъ на высшемъ міровомъ порядкѣ, придерживаться законовъ и права, сохраненіе коихъ въ ненарушимости въ 1809 году было торжественно удостовѣрено финскому народу.

„Земскіе Чины Финляндіи пребываютъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и преданностью,

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Гельсингфорсъ, 27 мая 1899 года.“

XV.

Международный „культурный“ адресъ.

Неожиданная вѣсть о манифестѣ 3/15 февраля, о насильственномъ государственномъ переворотѣ въ Финляндіи распространялась — какъ мы уже видѣли — подобно бѣглому огню по землѣ финской. Она внезапно проникла въ каждый домашній очагъ, въ каждую хижину, въ самую глубину сердца каждаго финляндскаго гражданина, вызывая всюду безконечное горе и смущеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рядъ самыхъ вѣскихъ и грандіозныхъ протестовъ въ различныхъ, закономъ дозволенныхъ формахъ. Но вѣсть эта полетѣла далѣе, — далеко за предѣлы страны, по всему образованному міру, возбуждая при этомъ самое серьезное вниманіе и глубокое сочувствіе къ маленькому, но жизнеспособному финскому народу. И вотъ, цѣлая иностранная литература возникла по „финляндскому вопросу“ — служа, какъ бы, вѣковѣчнымъ свидѣтельствомъ совершившагося посягательства и живымъ протестомъ отъ имени справедливости и всего человѣчества. Газеты и журналы во всѣхъ частяхъ Европы и Америки содержали, то и дѣло, послѣ появленія февральскаго манифеста болѣе или менѣе обстоятельныя, подчасъ, крайне рѣзкія статьи, замѣтки и свѣдѣнія о Финляндіи, ставя такимъ образомъ „финляндскій вопросъ“ на очередь дня. Въ Англіи возникъ даже спеціальный журналъ, посвященный этому вопросу, и различныя брошюры и памфлеты, освѣщающіе главнымъ образомъ положеніе страны съ точки зрѣнія государственнаго права, стали появляться въ культурныхъ центрахъ Европы. Сверхъ того, сочувственныя собранія

имѣли мѣсто въ разныхъ мѣстахъ; а во многихъ парламентахъ — какъ, напр., въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Венгріи — были сдѣланы оріентирующія заявленія и интерпеляціи по „финляндскому вопросу“, — послѣднія сопровождаемыя предложеніемъ войти по этому поводу съ представленіемъ къ Государю.

Мнѣніе образованнаго міра, выступая такимъ образомъ съ самаго начала съ рѣдкимъ единодушіемъ, кристаллизировалось подъ конецъ въ форму, не допускающую ни недоразумѣнія, ни искаженія. Когда Европа увидѣла, какъ маленькій финскій народъ, аппеллируя къ великодушію своего Монарха, всѣми законными средствами отстаивалъ свои законы и учрежденія, когда она узнала, что всѣ попытки его быть выслушаннымъ не удались, — тогда возникла одновременно среди цвѣта интеллигенціи разныхъ странъ мысль составить международный адресъ съ цѣлью поддержать финляндцевъ нравственно, путемъ торжественнаго заявленія всеобщаго міроваго сочувствія имъ. Мысль о подачѣ Царю общеевропейскаго адреса зародилась прежде всего въ Англіи и Голландіи[1]). Въ самое короткое время составились адреса въ двѣнадцати разныхъ странахъ. Число подписей дошло до 1.050 съ лишнимъ. И притомъ — какихъ именно подписей!

Вообще говоря, это воззваніе во имя „началъ права и справедливости“, является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и вѣскихъ заявленій общественнаго мнѣнія,

---

[1]) См., между прочимъ, статью д-ра Норманъ-Хансена „*Det finska Statskup og den internationale Adresse*“ (Финляндскій государственный переворотъ и междунар. адресъ) въ сентябрьской книжкѣ датскаго журнала „*Tillskueren*“. Въ этой статьѣ авторъ обстоятельно излагаетъ происхожденіе датскаго адреса.

доселѣ извѣстныхъ. Такой подборъ самыхъ блестящихъ представителей высшей умственной культуры извѣстнаго періода времени никогда еще не былъ сгруппированъ около одного предпріятія. Выдающіеся представители науки, искусства и литературы, главные авторитеты спеціальной области *государственнаго* и *международнаго права*, многіе извѣстные народные представители и великіе люди изъ современныхъ политическихъ сферъ, — всѣ эти личности присоединились къ этому великодушному и рѣшительному, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умѣренному, вкладу въ вопросъ о томъ, что должно почитаться за право Финляндіи.

Само собою разумѣется, что представители юридическихъ факультетовъ первенствующихъ университетовъ Европы не безъ зрѣлаго, строго научнаго взвѣшиванія, засвидѣтельствовали своею подписью правоту финляндскаго дѣла. Точно также и другіе представители высшей умственной культуры, навѣрное, не подписались бы, еслибы они не нашли достаточно вѣскихъ причинъ для такого необычайнаго шага, въ пользу одного изъ младшихъ членовъ семьи европейскихъ народовъ.

Это единственное въ своемъ родѣ заявленіе сочувствія и одобренія должно послужить вящшимъ подтвержденіемъ вѣрности убѣжденій финляндцевъ, доказательствомъ правоты ихъ идеаловъ и ихъ стремленій, направленныхъ на поддержаніе закономѣрнаго строя общества и свободныхъ учрежденій на такой географической широтѣ, гдѣ, безъ этихъ условій, никакая цивилизація, никакой прогрессъ невозможны.

* * *

Текстъ адресовъ, естественно, варіируется для каждой страны, хотя онъ и построенъ на одной и той же основѣ. Вотъ текстъ нѣкоторыхъ болѣе типичныхъ адресовъ въ переводѣ:

Франція.

„Его Императорскому Величеству Царю Самодержцу всея Россіи, Великому Князю Финляндскому и пр. и пр.

„Мы, нижеподписавшіеся, просимъ Ваше Величество позволить намъ почтительнѣйше выразить то чувство скорби и удивленія, которое мы испытали при чтеніи петиціи отъ 21-го февраля 1899 года, въ которой больше полумилліона финляндцевъ просятъ Ваше Величество сохранить въ цѣлости права и привилегіи, гарантированныя ихъ странѣ Императоромъ Александромъ I на сеймѣ въ Борго въ 1809 году, а также Фридрихсгамскимъ договоромъ, и затѣмъ подтвержденныя всѣми Императорами Россіи при вступленіи на престолъ.

„То самое обстоятельство, что мы принадлежимъ къ дружественной и союзной съ Россіей націи, обязываетъ насъ убѣдительно просить Ваше Величество внять мольбамъ финляндскихъ Вашихъ подданныхъ и тѣмъ еще больше возвеличить восторгъ, внушаемый міру высокими гуманными чувствами, которыя Ваше Величество выразили въ рескриптѣ, поведшемъ къ нынѣ засѣдающей въ Гаагѣ конференціи.

„Мы, нижеподписавшіеся, надѣемся, что Ваше Величество поймете и извините сдѣланный нами шагъ, и просимъ Васъ принять увѣреніе въ наиглубочайшемъ нашемъ уваженіи.“

Англія.

„Его Императорскому Величеству Царю всея Россіи, Великому Князю Финляндскому и пр. и пр.

„Всемилостивѣйшій Государь! Мы, нижеподписавшіеся, осмѣливаемся всепочтительнѣйше приблизиться къ Вашему Величеству съ искреннимъ выраженіемъ нашей симпатіи за благородныя и просвѣщенныя чувства, обнаруженныя Вашимъ Величествомъ въ рескриптѣ, вызвав-

шемъ созваніе мирной конференціи, засѣдающей нынѣ въ Гаагѣ.

„Съ живѣйшимъ волненіемъ узнавъ о петиціи 5-го марта (21 февраля) 1899 года, съ которой болѣе полумилліона финляндскихъ мужчинъ и женщинъ обратились къ Вашему Величеству съ просьбой о сохраненіи ихъ правъ и привилегій, удостовѣренныхъ Императоромъ Александромъ I на сеймѣ въ Борго и при мирномъ договорѣ въ Фридрихсгамѣ, а затѣмъ подтвержденныхъ всѣми Его Высочайшими Преемниками, мы осмѣливаемся выразить надежду, что Ваше Императорское Величество соблаговолите обратить надлежащее вниманіе на выраженныя въ упомянутой петиціи пожеланія финляндскихъ подданныхъ Вашего Величества. Мы, какъ и всѣ поклонники возвышенныхъ цѣлей Вашего Величества, будемъ чрезвычайно опечалены, если недавнія событія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ задержатъ дѣло дружественнаго сближенія народовъ цивилизованнаго міра — нашедшее себѣ въ лицѣ Вашего Императорскаго Величества столь высокаго поборника.“

Германія.

„Нижеподписавшіеся чувствуютъ потребность выразить свою горячую симпатію финской націи. Маленькій, но дѣятельный и энергичный народъ, съумѣвшій въ упорной борьбѣ противъ суровой природы въ теченіе нашего столѣтія достичь все возрастающаго уровня благосостоянія, значительныхъ успѣховъ въ области науки и искусствъ, организовавшій прекрасную систему воспитанія и создавшій очагъ богатой и своеобразной культуры, — такой народъ находится нынѣ подъ угрозой серьезной опасности лишиться своей индивидуальности и этимъ и важнѣйшаго двигателя экономической и духовной своей дѣятельности.

„Высказаться противъ этого мы считаемъ своимъ неоспоримымъ долгомъ, независимо отъ различія національностей и политическихъ условій, и вслѣдствіе этого возвысить нашъ голосъ и выразить пожеланія, чтобы гибель такого дорогого члена семьи европейскихъ народовъ была предотвращена.

„Мы не можемъ повѣрить, чтобы Государь, созвавшій международную мирную конференцію, обрекъ на погибель цвѣтущій, трудолюбивый и лояльный финскій народъ.“

Венгрія.

„Царю всѣхъ русскихъ, Великому Князю Финляндскому.

„Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія предстаемъ мы предъ Вашимъ Величествомъ, на котораго въ данную минуту весь цивилизованный міръ смотритъ съ упованіемъ и благодарностью. Эту благодарность Вы, Ваше Величество, стяжали лично; благодаря Вашему человѣколюбивому сердцу и могущественному слову, Вамъ удалось призвать всѣ государства къ совмѣстной работѣ на поприщѣ обезпеченія мира. Мы нижеподписавшіеся, вѣдь, сыны того народа, который, если не считать обывателей Россійской Имперіи, раньше другихъ узналъ, какое горячее сердце бьется въ Вашей груди, такъ какъ мы два года тому назадъ во время празднованія нашего тысячелѣтняго юбилея по милостивому желанію Вашего Величества обрѣли вновь драгоцѣнную для нашей исторіи реликвію. Нашу націю охватило тогда чувство благодарности; тогда мы узнали и знаемъ теперь благородство Вашего сердца, открытое не только для блага человѣческаго, но и для народныхъ чувствъ и традицій.

„Да будетъ намъ дозволено нынѣ съ глубочайшею почтительностью обратиться съ покорнѣйшей просьбою къ Вашему Монаршему сердцу, благородныя качества котораго намъ довелось узнать. Съ живѣйшимъ волненіемъ и братскимъ сочувствіемъ прочли мы адресъ болѣе чѣмъ полумилліона финляндскихъ гражданъ отъ 5-го марта сего года; въ немъ столь же трогательно, сколько убѣдительно говоритъ одновременно и горе народа, взволнованнаго за свое національное существованіе, и непоколебимая вѣрность Вашему Императорскому Величеству и Имперіи Вашей. Одинъ изъ народовъ, находящихся подъ скипетромъ Вашего Величества, проситъ выслушать его: это народъ, который заслужилъ симпатію всего цивилизованнаго міра своею вѣрностью, лояльностью, своею культурою, своимъ трудолюбіемъ. Видя

въ проектируемыхъ реформахъ опасность, угрожающую его правовому сознанію и могущую въ самомъ основаніи подорвать всѣ его жизненные интересы, этотъ народъ проситъ о сохраненіи въ неприкосновенности своихъ древнихъ конституціонныхъ правъ и привилегій, торжественно удостовѣренныхъ Александромъ I въ 1809 году, расширенныхъ и свято соблюдавшихся Александромъ II и Александромъ III и снова подтвержденныхъ и объявленныхъ ненарушимыми и непреложными Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 6-го ноября 1894 года.

„Ваше Величество! Да будетъ дозволено намъ выразить надежду, что признанная всѣмъ цивилизованнымъ міромъ мудрость Вашего Величества и Ваше царственное сердце найдутъ средство совмѣстить интересы русской Имперіи съ неприкосновенностью правъ финскаго народа. Да послужитъ намъ въ глазахъ Вашего Императорскаго Величества извиненіемъ за нашу настойчивую просьбу непритворное убѣжденіе, что мы, высказывая нашъ взглядъ, имѣли въ виду благо человѣчества и цивилизаціи, а также и то обстоятельство, что эти слова исходятъ отъ братскаго народа, который въ глубокой древности чувствовалъ однимъ сердцемъ и выражалъ свои радости и печали однимъ языкомъ съ финнами.

„Съ глубочайшей почтительностью къ Вашему Императорскому Величеству.

„Будапештъ, іюнь 1899 г.“

Эти международные адреса первоначально рѣшено было послать съ депутаціей изъ представителей двѣнадцати европейскихъ государствъ, по одному изъ каждаго; но въ послѣднюю минуту оказалось, что не всѣ они могутъ поѣхать, и делегація составилась изъ шести человѣкъ.

О выполненіи своей миссіи делегаты въ свое время опубликовали подробный отчетъ; пользуясь роскошнымъ международнымъ автографическимъ трудомъ „Pro Finlandia“, мы здѣсь передаемъ этотъ отчетъ цѣликомъ.

„Рапортъ международной делегаціи.

„Стокгольмъ, 5-го іюля 1899 года.

„Тѣмъ 1050 лицамъ, которыя подписались подъ двѣнадцатью адресами, поднесенными изъ разныхъ государствъ Европы Его Величеству Императору Всероссійскому и Великому Князю Финляндскому.

„Милостивые Государи!

„Вы намъ поручили поднести Его Величеству Императору Всероссійскому и Великому Князю Финляндскому адреса, явившіеся результатомъ мнѣнія, возникшаго среди европейскаго ученаго міра по поводу того непоправимаго удара, который угрожалъ бы государственному устройству финскаго народа, въ случаѣ, если бы манифестъ отъ 3 (15) февраля 1899 года со всѣми послѣдствіями изъ него вытекающими сталъ примѣняться.

„Порученіе свое мы выполнили въ томъ же духѣ, которымъ оно было вдохновлено, т. е. ни на одно мгновеніе не забывая чувства глубокопочитанія, подобающаго тому возвышенному Монарху, который, взявъ недавно починъ къ созыву Гаагской конференціи, далъ столь могущественное доказательство своего великодушія. Въ качествѣ вѣстниковъ идеи справедливости и дружелюбія мы всецѣло направили свои усилія къ тому, чтобы имѣющимися подъ рукою средствами довести до Его Императорскаго Величества отголосокъ идей братскаго единенія, связывающихъ среди различныхъ націй всѣхъ, которые только признаютъ, что, каковы бы ни были политическія формы правленія, обезпеченіе мира зиждется на уваженіи къ началамъ права и справедливости.

„Намъ не суждено было достигнуть вполнѣ намѣченной Вами цѣли; но мы питаемъ надежду, что наше предпріятіе не останется безъ благотворныхъ послѣдствій. Чтобы дать Вамъ, въ Вашу очередь, возможность судить о происшедшемъ, мы пересылаемъ Вамъ слѣдующій протоколъ; — въ немъ мы сочли нужнымъ представить Вамъ подробный отчетъ о томъ, какъ мы воспользовались своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ. Изъ должной почтительности, которую Вы безъ сомнѣнія и

одобрите, мы сегодня же изъ Стокгольма по почтѣ перешлемъ Его Величеству Государю Императору первый экземпляръ этого протокола.

„Примите, милостивые государи, увѣренія въ нашей преданности.

Л. Трарье, сенаторъ, бывшій министръ юстиціи (Франція);
А. Е. Норденшельдъ, баронъ, профессоръ въ Стокгольмѣ;
Э. Бруса, деканъ юридическаго факультета въ Туринѣ, бывшій предсѣдатель инстисута международнаго права;
В. С. Брегеръ, профессоръ Христіанійскаго университета, деканъ факультьтета матем. и естеств. наукъ;
В. ванъ деръ Флюгтъ, профессоръ философіи и права Лейденскаго университета;
К. М. Норманъ-Хансенъ, докторъ медицины, директоръ офталмологической поликлиники въ Копенгагенѣ.“

„Протоколъ, составленный делегаціей, получившей порученіе поднести Его Величеству Императору Россійскому адресъ изъ разныхъ странъ Европы, въ пользу протеста финляндцевъ противъ Императорскаго манифеста отъ 3 (15) февраля 1899 года, заключающаго въ себѣ явное нарушеніе правъ ихъ, огражденныхъ основными законами.

„Нижеподписавшіеся, каждый изъ своей родины, отправились прямо въ Петербургъ, гдѣ и собрались въ Европейской гостинницѣ 14 (26) іюня 1899 года. На нихъ возложено было порученіе вручить Императору Всероссійскому и Великому Князю Финляндскому двѣнадцать [1]) адресовъ, покрытыхъ 1050 подписями наиболѣе компетентныхъ представителей литературы, науки, политики и искусства во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи, Испаніи, Швеціи, Норвегіи, Швейцаріи, Даніи, Венгріи, Голландіи и Бельгіи. На слѣдующій день они обрати-

---

[1]) Собственно говоря, тринадцать, такъ какъ бельгійскихъ было два — одинъ французскій, а другой — фламандскій.

лись съ просьбою быть принятыми министромъ двора, е. пр. барономъ Фредериксомъ, съ тѣмъ, чтобы попросить его исходатайствовать имъ аудіенцію у Государя.

„Сдѣлавъ предварительно нѣсколько возраженій относительно своей компетентности, баронъ Фредериксъ любезно, однакоже, изъявилъ готовность исполнить эту просьбу; послѣ нѣкотораго размышленія онъ, тѣмъ не менѣе, черезъ одного изъ своихъ камергеровъ, присланнаго имъ въ Европейскую гостинницу, увѣдомилъ, что онъ не признаетъ возможнымъ сдержать свое обѣщаніе, будучи того мнѣнія, что просьба о посредничествѣ безусловно выходитъ изъ сферы его компетенціи; съ этой просьбою слѣдуетъ скорѣе обратиться къ его коллегѣ, министру внутреннихъ дѣлъ.

„Нижеподписавшіеся тогда обратились къ г. Горемыкину, министру внутреннихъ дѣлъ, и, при пріемѣ 18 (30) числа, изложили ему свою просьбу. Но послѣдній, въ свою очередь, отказался принять какое бы то ни было участіе въ этомъ дѣлѣ, обращая наше вниманіе на то, что оно еще въ меньшей мѣрѣ подвѣдомственно ему, нежели министру двора. Чтобы быть принятымъ Государемъ Императоромъ по этому дѣлу, не подлежащему, очевидно, вѣдѣнію ни одного изъ государственныхъ департаментовъ, надо было, по мнѣнію г. Горемыкина, или написать лично Его Величеству по почтѣ, или же обратиться къ одному изъ дежурныхъ офицеровъ свиты.

„Слѣдуя этому совѣту, нижеподписавшіеся 19 іюня (1 іюля) отправились въ Петергофъ. По странному стеченію обстоятельствъ одновременно съ ними туда прибыли военный министръ, генералъ Куропаткинъ, министръ двора, а также оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, г. Побѣдоносцевъ. Делегаты немедленно же дали знать о своемъ пріѣздѣ дворцовому коменданту, генералу Гессе, но ихъ увѣдомили, что послѣдній находится въ Петербургѣ и что, за отсутствіемъ его, никто ихъ принимать не можетъ.

„Возвратившись вечеромъ въ гостинницу, они здѣсь нашли нѣсколько строкъ, написанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ г-ну Трарье, съ предложеніемъ депутатамъ явиться къ нему на домъ на слѣдующій день, во

второмъ часу, для полученія сообщенія по касающемуся ихъ дѣлу.

„Въ воскресенье 20 іюня (1 іюля) посѣщеніе это состоялось въ назначенное время. При этомъ нижеподписавшимся сообщено было, что его превосходительство министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ указаніе Его Величества Государя Императора, который, узнавъ о ихъ попыткахъ добиться аудіенціи, поручилъ ему передать, что Его Величество не признаетъ возможнымъ исполнить ихъ желаніе.

„Сообщеніе это было облечено въ самую вѣжливую форму и вызвало непродолжительный обмѣнъ мыслей. При этомъ нижеподписавшіеся выразили свое удивленіе и сожалѣніе по поводу того, что имъ отказано въ возможности передать по принадлежности обыкновенное посланіе. Министръ тогда повторилъ высказанную имъ уже раньше мысль относительно возможности передать это посланіе по почтѣ, если ужъ непремѣнно желаютъ, чтобы оно дошло по назначенію. Онъ увѣрялъ, что отказъ Государя принять ихъ былъ вызванъ единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что Онъ не нашелъ возможнымъ дозволить иностраннымъ подданнымъ войти къ Нему съ представленіемъ по вопросу, касающемуся внутренняго управленія, дабы этимъ не показать видъ, что Онъ принципіально признаетъ за ними право на таковое вмѣшательство. Нижеподписавшіеся, однако, позволили себѣ указать на то, что форма, въ которой они пытались выполнить свое порученіе, была самая почтительная; они не думали, что, ходатайствуя объ аудіенціи у Его Величества Государя Императора, они Его обязывали къ чему бы то ни было; ихъ роль ограничивалась лишь тѣмъ, чтобы до Его трона довести отголосокъ общественнаго мнѣнія, ознакомленіе съ которымъ могло бы Ему показаться интереснымъ. Затѣмъ они освѣдомились, не могутъ ли они, въ случаѣ, если имъ не представится возможности самимъ поднести адреса Его Величеству, вручить ихъ кому-нибудь изъ приближенныхъ, который, быть можетъ, любезно согласится довести адреса до свѣдѣнія Государя.

„Эти соображенія поколебали было на одно мгновеніе е. пр. г-на Горемыкина; онъ предложилъ еще разъ

спросить у генерала Гессе по телефону, не согласится ли тотъ принять адреса для передачи ихъ Его Величеству Государю Императору. Предложеніе это было принято съ благодарностью, но телефонный разговоръ съ Петергофомъ подтвердилъ только прежнія объясненія. Генералъ Гессе отвѣтилъ, что полученныя имъ приказанія были ясны и точны и что ему не разрѣшено просить новыхъ. Въ нихъ заключался отказъ принять адреса, а также и безусловное несогласіе на аудіенцію.

„Нижеподписавшіеся откланялись тогда е. пр. министру внутреннихъ дѣлъ, поблагодаривъ его за ту любезность, которую онъ имъ оказалъ, и попросили его, по крайней мѣрѣ, передать своему Государю выраженія ихъ глубокаго почитанія, что имъ и обѣщано было исполнить.

„При таковыхъ обстоятельствахъ нижеподписавшіеся считаютъ свою миссію конченною — находя, что пересылка полученныхъ ими адресовъ по почтѣ не соотвѣтствуетъ ни смыслу, ни буквѣ даннаго имъ порученія. Не безынтересно также узнать, что во время вышеупомянутыхъ переговоровъ копія съ двѣнадцати адресовъ была препровождена сначала г. барону Фредериксу, вернувшему ее однако, а затѣмъ и г. Горемыкину, который, ознакомившись съ ея содержаніемъ, оставилъ ее у себя.

„Петербургъ, 20 іюня (2 іюля) 1899 г.

Л. Трарье, сенаторъ, бывшій министръ юстиціи (Франція);
Баронъ Норденшельдъ, профессоръ въ Стокгольмѣ;
Э. Бруса, деканъ юридическаго факультета въ Туринѣ, бывшій президентъ института международнаго права;
В. С. Брегеръ, профессоръ Христіанійскаго университета, деканъ факультета матем. естеств. наукъ;
В. ванъ деръ Флюгтъ, профессоръ философіи Лейденскаго университета;
К. М. Норманъ-Хансенъ, докторъ медиц., директоръ офталмологической поликлиники въ Копенгагенѣ."

Изъ Петербурга делегаты возвратились домой *черезъ Финляндію.*

Наша миссія была окончена, — пишетъ профессоръ ванъ деръ Флюгтъ въ своей книгѣ „*Pour la Finlande*".

Вечеромъ мы направились на финляндскій вокзалъ, и съ этого момента началась въ нашей жизни отдѣльная глава, всего лишь въ 34 часа, но чрезвычайно богатая самыми захватывающими событіями. Все, положительно все, что мы видѣли и переживали за это время, врѣзывалось намъ въ память на всю нашу жизнь. Благодаря цѣлой сѣти телефоновъ, населеніе всѣхъ мѣстностей, черезъ которыя лежалъ нашъ путь, было заранѣе освѣдомлено о нашемъ проѣздѣ. Такимъ образомъ оно имѣло возможность наскоро приготовить намъ пріемъ, столь сердечный, манифестацію національной скорби, столь поразительную своимъ сдержаннымъ паѳосомъ, доказательства непреодолимой любви къ свободѣ, столь величавыя своимъ единодушіемъ, заявленіе благодарности Европѣ, столь благородное и грандіозное, что мы всѣ шестеро, люди по большей части не молодые, были то и дѣло растроганы до слезъ.

Рядъ чествованій начался въ Выборгѣ, гдѣ поѣздъ остановился около 2 часовъ ночи. При нашемъ прибытіи въ полусумеркахъ лѣтней ночи стояли на платформѣ и на улицахъ многія сотни, быть можетъ, тысячи людей. Здѣсь, какъ и всюду во время нашей поѣздки, не было ни безпорядковъ, ни крику, ни шуму вульгарнаго. Это было масса гражданъ, серьезныхъ и грустныхъ, вполнѣ сознающихъ святость своего дѣла; на нѣсколько мгновеній ихъ лица озарились и они въ дружественномъ порывѣ привѣтствовали тѣхъ, которые выказали имъ сочувствіе въ ихъ скорби.

Вторая остановка сдѣлана часовъ въ семь утра на станціи Рихимяки. . . . На платформѣ находилось человѣкъ пятьдесятъ сельскихъ обывателей, привѣтствовавшихъ насъ радушно, дружески, а у входа станціоннаго зала стоялъ пѣвческій хоръ изъ всѣхъ классовъ общества. При нашемъ приближеніи они махали платками и со слезами на глазахъ пропѣли намъ нѣсколько пѣсенъ. Мы въ первый разъ услышали оба финскіе національные гимна, столь задушевные и меланхоличные. Они сразу проникли намъ къ сердцу. Въ особенности г. Трарье, со своимъ тонкимъ слухомъ и прекраснымъ голосомъ, не могъ забыть этихъ звуковъ, безпрестанно распѣвая ихъ впослѣдствіи.

Въ девять часовъ мы прибыли въ главный городъ Гельсингфорсъ. Желѣзнодорожная площадь была вся покрыта народомъ. — — —

что должны испытывать тѣ, которые находятся подъ страхомъ лишиться этой свободы, а, слѣдовательно, и своей индивидуальности. Но мы знаемъ также, что народъ, который дошелъ до полнаго самосознанія, никогда не погибнетъ; мы знаемъ, что для того, кто вѣритъ въ конечную побѣду истинной гуманности, даже въ самый мрачный моментъ останется надежда, — надежда на времена, когда политическій горизонтъ будетъ сіять также лучезарно и свѣтло, какъ голубое небо, сводъ котораго въ этотъ лѣтній день растилается надъ нами. — Я поднимаю бокалъ за всѣхъ молодыхъ и пожилыхъ, кто только въ эти времена поддерживалъ культурныя традиціи Финляндіи."

Профессоръ ванъ деръ Флютъ отъ имени депутаціи высказалъ сердечную признательность за радушный пріемъ, за „тонкое, тактичное пониманіе", выказанное членамъ этой депутаціи въ теченіе немногихъ часовъ, проведенныхъ ею въ Финляндіи. Далѣе профессоръ присовокупилъ, что многое въ Финляндіи напоминаетъ ему объ его дорогой родинѣ Голландіи. Спокойная работа надъ развитіемъ страны и распространеніемъ просвѣщенія, примѣрное самообладаніе и дѣльная серьезность, вкладываемыя финскимъ народомъ въ его культурныя стремленія, служатъ залогомъ того, что Финляндіи предстоитъ столь же ясная, спокойная и счастливая будущность, какъ и его собственной родинѣ.... „Передъ нами стоятъ" — при этомъ ораторъ окинулъ взглядомъ присутствующихъ — „прародители грядущихъ поколѣній, которыя съ гордостью и благодарностью еще вспомнятъ о настоящихъ дѣяніяхъ, — о дѣяніяхъ, которыя не исчезнутъ безслѣдно изъ лѣтописи современной исторіи."

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ, конечно, нѣтъ возмож-

ности прослѣдить за всѣми перепитіями поѣздки европейской депутаціи черезъ Финляндію. Мы перепечатаемъ здѣсь изъ книги ванъ деръ Флюгта въ видѣ образчика лишь слѣдующее:

Было 2 часа ночи, когда мы прибыли въ Або. Уже на самой станціи насъ привѣтствовала часть городского населенія съ такимъ же настроеніемъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ. А невдалекѣ оттуда, у парохода, насъ поджидала тысячная толпа, несмотря на поздній часъ. Дамы были въ траурѣ. При нашемъ приближеніи толпа разступилась, оставивъ для насъ узкій проходъ. Бургомистръ подошелъ къ г-ну Трарье и молча пожалъ ему руку. Ничего болѣе. Была ли въ этомъ преднамѣренность, какъ бы желаніе показать, что слова въ данномъ случаѣ были бы лишь слабыми звуками, или простая случайность — незнакомство бургомистра съ французскимъ языкомъ? Какъ бы то ни было, этотъ безмолвный жестъ былъ въ тотъ моментъ краснорѣчивѣе самой прекрасной рѣчи. Затѣмъ подошли семь дамъ, одна за другою, всѣ въ черномъ, съ влажными отъ слезъ глазами и поднесли по букету каждому изъ уполномоченныхъ и той особѣ, которой Норденшельдъ далъ титулъ „Madame, le membre d'honneur de la délégation“[1]).

Не говоря ни слова, мы шли вдоль безмолвныхъ рядовъ. Насъ привѣтствовали съ признательностью, и мы отвѣчали смущенными и взволнованными. Весь путь передъ нами былъ усыпанъ цвѣтами. Наконецъ, когда мы взошли на пароходъ, вся эта многотысячная толпа, среди полусумрака ясной, лѣтней ночи на сѣверѣ, разомъ запѣла свой торжественный и грустный національный гимнъ, раздававшійся въ теченіе всего дня намъ на встрѣчу. Ахъ, еслибы мое перо было въ силахъ передать точно этотъ моментъ, описать его зрѣлище, заставить эти звуки снова раздаваться. Немногимъ довелось присутствовать при подобныхъ мгновеніяхъ, хотя бы и только разъ въ жизни.... Тысячилѣтній городъ съ его характернымъ замкомъ, необычайно красивая гавань,

[1]) Т. е. М-ме ванъ деръ Флюгтъ, бывшая спутницею делегатовъ во время ихъ поѣздки.

окруженная скалистыми островками, поросшими мрачными соснами, этотъ народъ, въ одинъ голосъ выражающій своими трогательными пѣснями свои опасенія и надежды, свою вѣру въ самого себя и признательность друзьямъ; а засимъ, словно, само небо захотѣло принять участіе въ этомъ концертѣ: въ тотъ самый моментъ, какъ мы снимались съ якоря, за и надъ всей этой сценой показалось восходящее солнце!

Нашъ пароходъ медленно выходилъ изъ гавани. Флотилія изъ шести пароходовъ, разубранныхъ флагами, провожала насъ нѣкоторое время, идя бокъ о бокъ съ нами. Ликованіе, пѣніе, маханіе шляпами и платками не прекращались до тѣхъ поръ, пока не потеряли другъ друга изъ виду. Прежде всего, разумѣется, толпа на набережной скрылась разстояніемъ отъ нашего взора, затѣмъ потонули вдали одна за другой лодки, провожавшія насъ. Наибольшую выдержку обнаружилъ небольшой буксирный пароходъ съ финляндскими студентами. Когда, наконецъ, и ему надо было направиться къ берегу, студенты, очевидно, обсуждали одно мгновеніе о выборѣ подарка на прощаніе; и вотъ, болѣе дюжины ихъ красивыхъ бѣлыхъ фуражекъ полетѣли къ намъ черезъ бортъ. На пароходикѣ раздалось громкое ликованіе, когда мы надѣли ихъ фуражки, выражая съ задней палубы знаками нашу благодарность студентамъ."

Описавъ въ такомъ же родѣ прибытіе, пріемъ и отъѣздъ изъ Маріегамна, авторъ продолжаетъ:

Г-нъ Трарье былъ совершенно правъ, утверждая, что тщетно ищешь въ исторіи нѣчто, соотвѣтствующее видѣнному нами здѣсь. Чтобы обнаружить такую непреодолимую любовь къ свободѣ, чтобы такимъ образомъ засвидѣтельствовать свою признательность тѣмъ 1050 лицамъ, которыя подняли голосъ въ защиту святого дѣла Финляндіи, чтобы въ такой критическій моментъ дать исходъ своимъ чувствамъ въ рядѣ единодушныхъ манифестацій, полныхъ страсти и силы и, въ то же время, столь достойныхъ и благородныхъ, строго удерживаясь при этомъ въ границахъ должнаго такта, уваженія къ самому себѣ и эстетическаго чувства, — для всего этого надо быть, на самомъ дѣлѣ, народомъ высокаго благо-

родства и весьма возвышеннаго характера. Не лишне припомнить, какъ трудно въ нашей западной „культурной“ Европѣ, почти даже невозможно, заручиться обществомъ для какого-нибудь положительнаго идеала, не направляя его непрестанно противъ его враговъ; какъ трудно возбудить въ немъ, напр., чувство патріотизма, не отравляя его ненавистью къ иностранцамъ; заинтересовать его великой идеей свободы совѣсти, не возстановляя противъ „рясы“; попытаться разогрѣть его въ пользу „соціальнаго права“, не приводя его въ бѣшенство противъ „эксплуататоровъ“. Пусть взвѣсятъ эти ежедневные опыты и примутъ затѣмъ въ соображеніе, что въ теченіе этихъ тридцати часовъ народныхъ манифестацій мы не слышали ни одного недружелюбнаго или неблаговоспитаннаго слова о Россіи, о военномъ министрѣ или генералъ-губернаторѣ. Отъ начала до конца манифестаціи сохраняли положительный характеръ, избѣгая всякихъ личныхъ намековъ. Финляндія объявила свое намѣреніе сохранить и впредь за собой свободу, какъ свое неотъемлемое право; но она не унизилась ни на минуту до оскорбленія своихъ недоброжелателей.

Адреса профессоръ ванъ деръ Флюгтъ взялъ съ собою въ Голландію для сохраненія въ архивѣ королевской Гаагской библіотеки. Въ удостовѣреніе передачи этого историческаго документа онъ отъ библіотеки получилъ нижеслѣдующее письмо:

„Г-ну В. ванъ деръ Флюгтъ, профессору юриспруденціи при Лейденскомъ университетѣ.

Гаага, 10-го іюля 1899 года.

Милостивый Государь!

„Позвольте мнѣ напомнить Вамъ и вкратцѣ воспроизвести содержаніе разговора, происшедшаго между нами сегодня утромъ, когда Вы явились ко мнѣ отъ имени посланной въ Петербургъ европейской депутаціи, съ предложеніемъ принять на храненіе въ королевскую библіотеку подлинникъ того адреса, который имѣлось въ виду поднести Его Величеству Императору Всерос-

сійскому въ пользу правъ Великаго Княжества Финляндскаго. Королевская библіотека, чувствуя себя польщенною и осчастливленною за избраніе именно ея хранительницею этого знаменитаго документа, свидѣтельствующаго о симпатіяхъ просвѣщенной Европы къ праву національностей, обѣщаетъ добросовѣстно хранить его впредь до того неотдаленнаго, будемъ надѣяться, момента, когда онъ будетъ Вамъ возвращенъ, и когда Императоръ пожелаетъ прислушаться къ голосу гуманности. Въ часъ, когда она сдастъ обратно хранившійся у нея документъ, библіотека будетъ болѣе счастлива, нежели она польщена сегодня, въ моментъ пріема его на храненіе.

„Примите выраженія моего глубокаго уваженія.

„Директоръ королевской библіотеки въ Гаагѣ

В. Г. С. Биванкъ."

* * *

Международные адреса, въ пользу финскаго народа, будутъ, быть можетъ, имѣть еще болѣе далекія послѣдствія, чѣмъ первоначально предполагалось. Они не только, какъ уже указано, отъ имени высшаго интеллигентнаго міра подтверждаютъ, такъ сказать, оффиціально за Финляндіею нравственную и логическую побѣду въ ея неровной борьбѣ за свободу, свѣтъ и культуру. Инцидентъ этотъ является также однимъ изъ „болѣе замѣчательныхъ событій на исходѣ нашего своеобразнаго столѣтія, когда пытались подѣйствовать разумомъ на силу"; онъ представляетъ собою „манифестацію чувства справедливости и мирнаго права противъ необузданнаго милитаризма". Для того, кто „въ состояніи разобрать первые слабые звуки новыхъ теченій", онъ не можетъ не показаться „введеніемъ къ новой эрѣ". Въ этомъ фактѣ кроются, можетъ быть, зачатки величайшаго принципіальнаго значенія для всего цивилизованнаго міра.

Мы стоимъ, весьма возможно, передъ однимъ изъ проявленій нарождающагося міроваго общественнаго мнѣнія, которое еще будетъ въ силахъ сорвать тотъ тѣсный панцырь, въ который отсталая, односторонняя дипломатія и матеріалистическая государственная мудрость сковали человѣческія общества[1]). Такимъ путемъ, быть можетъ, удастся со временемъ осуществить „начала права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ“[2]).

VXI.

Письмо доктора Норманъ-Хансена къ Государю.

Въ сентябрѣ 1899 года, когда Государь гостилъ въ Копенгагенѣ, докторъ *Норманъ-Хансенъ* обратился къ нему съ открытымъ письмомъ, въ которомъ излагалъ мотивы, побудившіе европейскую депутацію къ ея чрезвычайному шагу, и повторилъ просьбу, выраженную въ „культурномъ“ адресѣ. Это письмо въ свое время было перепечатано въ иностранныхъ газетахъ. Содержаніе его таково:

„Вашему Величеству извѣстно, что три мѣсяца тому назадъ депутація отъ различныхъ странъ Европы пыталась передать въ руки Вашего Величества адресъ, под-

---

[1]) Кстати упомянемъ о брошюрѣ проф. Л. ф. Баръ: „Der Burenkrieg, die Russificirung Finnlands, die Haager Friedensconferenz und die Einrichtung einer internationalen Academie zur Ausgleichung von Streitigkeiten der Staaten“, и т. д.

[2]) Заключительныя слова Царскаго рескрипта отъ 24 августа, 1898 года, поведшаго къ созванію Гаагской конференціи.

писанный болѣе чѣмъ тысячью ученыхъ и писателей, принадлежащихъ къ двѣнадцати европейскимъ народамъ. Въ этомъ адресѣ выражены чувства печали, возбужденныя во всѣхъ умахъ вслѣдствіе мѣръ, направленныхъ противъ Финляндіи со времени воспослѣдованія Высочайшаго манифеста отъ 15 (3) минувшаго февраля. Эта депутація, въ которой я имѣлъ честь быть представителемъ Даніи, получила черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Россіи отвѣтъ, что Ваше Величество не пожелали принять ни членовъ депутаціи, ни привезеннаго нами адреса. Это обстоятельство лишаетъ меня возможности просить у Вашего Величества личной аудіенціи, но я пользуюсь случаемъ, когда Ваше Величество почтили мою родину Своимъ Высочайшимъ присутствіемъ, чтобы почтительнѣйше изложить, путемъ какихъ размышленій мы побуждены были къ такой необычайной манифестаціи.

„Я лично имѣлъ счастіе два года тому назадъ принимать нѣкоторое участіе въ гуманитарныхъ трудахъ, предпринятыхъ „Маріинскимъ Обществомъ попечительства о слѣпыхъ", въ качествѣ добровольнаго члена летучаго глазного отряда въ Россіи. Съ того времени я сохранялъ глубоко запечатлѣвшееся въ душѣ чувство симпатіи къ русскому народу. Но расположеніе къ русскому народу не исключаетъ столь же глубокой симпатіи къ финскому народу.

„Между всѣми народами, соединенными подъ скипетромъ Вашего Величества, не было ни одного счастливѣе или довольнѣе финляндцевъ, пока они имѣли возможность развиваться въ духѣ своихъ нравовъ, подъ сѣнью собственныхъ законовъ, пользуясь гарантированными конституціей правами, суть которыхъ одинъ изъ высокихъ предшественниковъ Вашего Величества, Императоръ Александръ I, охарактеризовалъ въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ представителямъ Великаго Княжества на сеймѣ въ Борго: „Ce peuple brave et loyal, placé désormais au rang des nations, vivra libre dans l'intérieur, sous l'empire des lois."

„Неоспоримо, Sire, что въ упомянутыхъ мною мѣропріятіяхъ этотъ народъ усматриваетъ опасность для своей свободы и гарантированныхъ ему привилегій. Тальманы финляндскаго сейма пытались было выразить предъ

Вашимъ Величествомъ эти опасенія; сенатъ и прокуроръ указали, въ какихъ отношеніяхъ манифестъ 15 (3) февраля и финляндская конституція несовмѣстимы между собою; послѣ этого и самъ народъ хотѣлъ обратиться къ Вашему Величеству, отправляя по представителю отъ всѣхъ приходовъ страны въ Петербургъ, дабы передать Вашему Величеству петицію, подписанную въ теченіе десяти дней 524.000 вѣрныхъ подданныхъ изъ числа грамотныхъ и умѣющихъ оцѣнить значеніе вѣковыхъ своихъ правъ.

„Когда Европа узнала, что всѣ попытки финляндцевъ быть выслушанными оказались тщетными, то непосредственнымъ результатомъ этого впечатлѣнія было европейское адресное движеніе. Всякое вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи совершенно чуждо нашимъ намѣреніямъ, но мы усматриваемъ въ вопросѣ о существованіи или несуществованіи цѣлой націи дѣло, касающееся всего человѣчества. Мы имѣли въ виду просить Ваше Величество внять опасеніямъ финскихъ подданныхъ Вашего Величества за ихъ національное положеніе, которое они видятъ угрожаемымъ. Шесть мѣсяцевъ, минувшіе послѣ манифеста, показали, что всѣ, отъ мала до велика, крестьяне и горожане Финляндіи, воодушевлены въ этомъ отношеніи одинаковыми чувствами. Одно лишь успокоительное слово Вашего Величества внушило бы имъ упованіе. Умолять объ этомъ словѣ было единственной цѣлью нашего адреса.

„Я считалъ бы себя измѣнившимъ своему долгу, въ качествѣ члена европейской депутаціи, еслибъ не воспользовался этимъ случаемъ выяснить Вашему Величеству мотивы и чувства, руководившіе депутаціей, и лицами, возложившими на нихъ это порученіе.

„Остаюсь, Sire, съ глубочайшимъ уваженіемъ покорнѣйшій слуга Вашего Величества

К. М. Норманъ-Хансенъ,
докторъ медицины,
почетный президентъ офталмологической
секціи международнаго конгресса въ
Москвѣ 1897 г.

„Копенгагенъ, 15-го сентября 1899 года.“

Нѣсколько словъ въ заключеніе.

Мы кончили. Читатель познакомился только съ первыми признаками того страшнаго кризиса, который разразился надъ финскимъ народомъ, благодаря манифесту 3/15 февраля 1899 года. Сенатъ, прокуроръ, сеймъ, финскій народъ, наиболѣе выдающіеся европейскіе представители науки государственнаго и международнаго права, скажемъ болѣе — весь ученый міръ, всѣ единодушно указали путь, которымъ финско-русскій правовой конфликтъ можетъ быть улаженъ въ соотвѣтствіи съ *дѣйствующими основными законами* края. При этомъ надо замѣтить, что финскій народъ вполнѣ обнаружилъ въ эти минуты тяжелаго испытанія качества глубокаго законопослушанія, солидности и политической зрѣлости.

А съ другой стороны, нельзя даже и въ настоящее время не видѣть просвѣта въ этомъ глубоко печальномъ конфликтѣ между законнымъ, клятвенно подтвержденнымъ правомъ, съ одной стороны, и узурпированною властью — съ другой. Руководящія теченія въ правящихъ сферахъ подвергаются, въ силу вещей, значительнымъ измѣненіямъ. То, что сегодня считается предосудительнымъ, свободно высказывается завтра. То, что теперь покрыто мракомъ, можетъ снова озариться свѣтомъ надежды.

Нѣтъ ничего необоснованнаго или ошибочнаго въ утвержденіи, что безусловное отрѣшеніе отъ новой вѣроломной политики не только необходимо для блага Финляндіи, но и для чести и прямыхъ интересовъ Россіи.

Въ подтвержденіе вѣрности сказаннаго достаточно напомнить объ истинѣ, оказавшейся во всѣ времена справедливою и гласящую, что та политика, которая укрѣпляетъ вѣру въ торжество правды, обезпечена самымъ прочнымъ успѣхомъ.

Какъ мы уже видѣли, Земскіе Чины ясно и безповоротно докладывали:

„что манифестъ и принадлежащія къ нему основныя положенія, какъ изданныя безъ согласія Земскихъ Чиновъ и вообще внѣ порядка, установленнаго основными законами, не могутъ имѣть силы закона въ Финляндіи;“

„что Земскіе Чины считаютъ своимъ долгомъ, основанномъ на высшемъ міровомъ порядкѣ, придерживаться законовъ и права, сохраненіе коихъ въ ненарушимости въ 1809 году было торжественно удостовѣренно финскому народу.“

Въ этихъ глубоко обоснованныхъ и правдивыхъ словахъ заключается лозунгъ будущности всего финскаго народа. И на самомъ дѣлѣ, нѣтъ на свѣтѣ такого принудительнаго велѣнія, такого насилія, которымъ можно было бы заглушить или измѣнить нравственное сознаніе цѣлаго рода, святость его положительнаго права! Ибо таково уже свойство человѣческаго духа: матеріальными средствами его нельзя ни сковать, ни побороть. . . .

Приложеніе № 1.

Имена нѣкоторыхъ лицъ, подписавшихъ европейскіе адресы.

Австрія.

Адлеръ, Зигмундъ. Д-ръ, профессоръ нѣмецкаго права и исторіи австрійскаго права при Вѣнскомъ университетѣ.

Менцель, Адольфъ. Д-ръ и профессоръ юриспруденціи при Вѣнскомъ университетѣ.

Миттейсъ, Лудвигъ. Д-ръ, профессоръ римскаго права при Вѣнскомъ университетѣ.

Пфаффъ, Леопольдъ. Д-ръ и профессоръ гражданскаго права при Вѣнскомъ университетѣ.

Шрутка Эдлеръ ф. Рехтенштаммъ, Эмиль. Д-ръ и профессоръ гражданскаго судопроизводства при Вѣнскомъ университетѣ.

Штосъ, Карлъ. Д-ръ и профессоръ уголовнаго права и судопроизводства при Вѣнскомъ университетѣ.

Кіари, Оттокаръ. Д-ръ, профессоръ горловыхъ болѣзней при Вѣнскомъ университетѣ.

Баронъ ф. Крафтъ-Эбингъ, Рихердъ. Д-ръ и профессоръ психіатріи при Вѣнскомъ университетѣ.

Мейеръ-Любке, Вильгельмъ. Д-ръ и профессоръ романской филологіи при Вѣнскомъ университетѣ.

Нейссеръ, Эдмундъ. Д-ръ и профессоръ внутренней медицины при Вѣнскомъ университетѣ.

Озеръ, Леопольдъ. Д-ръ, профессоръ внутренней медицины при Вѣнскомъ университетѣ.

фонъ Филипповичъ, Евгеній. Д-ръ и профессоръ финансоваго права при Вѣнскомъ университетѣ.

ф. Эбнеръ, Викторъ. Д-ръ и профессоръ физіологіи при Вѣнскомъ университетѣ.

Экснеръ, Зигмундъ. Д-ръ и профессоръ физіологіи при Вѣнскомъ университетѣ, дѣйствительный членъ имп. австрійской академіи наукъ.

Всего подписавшихся 39.

Англія.

Сэръ Ансонъ (Anson), Уильямъ. Вицеканцлеръ Оксфордскаго университета.

Биррелль (Birrell), Августинъ. Профессоръ правъ при Лондонскомъ университетѣ.

Голлендъ (Holland), Т. Э. Профессоръ международнаго права при Оксфордскомъ университетѣ.

Гоуди (Goudy), Генри. Профессоръ гражданскаго права при Оксфордскомъ университетѣ.

Сэръ Грантъ (Grant), Л. Джонъ. Профессоръ государственнаго права при Эдинбургскомъ университетѣ.

Дейси (Dicey), А. В. Профессоръ англійскаго права при Оксфордскомъ университетѣ.

Куртней (Courtney), Леонардъ. Членъ парламента.

Сэръ Маркби (Markby), Уильямъ. Профессоръ индійскаго права при Оксфортскомъ университетѣ и бывшій членъ верховнаго суда въ Калькуттѣ.

Макинтошъ (Mackintosh), Джемсъ. Профессоръ англійскаго права при Эдинбургскомъ университетѣ.

Метлендъ (Maitland), Ф. В. Профессоръ англійскаго права при Кембриджскомъ университетѣ.

Сэръ Міоръ (Muir), В. Ректоръ и вице-канцлеръ Эдинбургскаго университета.

Сэръ Поллокъ (Pollock), Ф. Профессоръ юриспруденціи при Оксфордскомъ университетѣ и членъ корреспондентъ „Institut de France".

Уестлекъ (Westlake), Дж. Профессоръ международнаго права при Кембриджскомъ университетѣ.

Фрей (Fry), Эд. Членъ аппелляціоннаго суда.

Бристольскій. Епископъ.

Гарди (Hardy), Томасъ. Писатель.

Гиллъ (Hill), А. Вице-канцлеръ Кембриджскаго университета.

Гэггинсъ (Huggins), Уильямъ. Астрономъ, предсѣдатель „The Royal Society“ послѣ Листера.

Кельти (Keltie), Дж. Скоттъ. Секретарь кор. географическаго общества.

Лордъ Листеръ (Lister). Предсѣдатель „The Royal Society“.

Сэръ Маркгэмъ (Markham), Клементсъ Р. Президентъ королевскаго географическаго общества.

Мередитъ (Meredith), Джорджъ. Писатель.

Рамсей (Ramsay), Уильямъ. Профессоръ химіи при Лондонскомъ университетѣ.

Сэръ Роско (Roscoe), Генри. Вице-канцлеръ Лондонскаго университета.

Сиджуичъ (Sidgwick), Генри. Профессоръ философіи при Кембриджскомъ университетѣ.

Спенсеръ (Spencer), Гербертъ.

Стори (Story), Р. Гербертъ. Ректоръ и вице-канцлеръ Глезговскаго университета.

Фаулеръ (Fowler), Томасъ. Канцлеръ Оксфордскаго университета и президентъ „Corpus Christ College“.

Сэръ Фостеръ (Foster), М. Профессоръ психологіи при Кембриджскомъ университетѣ.

Всего подписавшихся 150.

Бельгія.

Графъ д'Альвіелла, Гобле. Профессоръ международнаго права при Брюссельскомъ университетѣ.

Нисъ. Д-ръ и профессоръ юриспруденціи при Брюссельскомъ университетѣ.

Роленъ, Альберикъ. Профессоръ юриспруденціи при Гентскомъ университетѣ.

Веркулли, И. Профессоръ Гентскаго университета.

ванъ Веттеръ, Пауль. Ректоръ Гентскаго университета.

Вилленъ, Альф. Д-ръ и профессоръ при „l'Université libre“ въ Брюсселѣ.

Бульсъ, Карлъ. Бургомистръ г. Брюсселя.

де Винь, И. О. Адвокатъ, депутатъ, Гентъ.

Гевельмансъ, Флоріенъ. Адвокатъ, депутатъ, Антверпенъ.

Дилленсъ, Юліанъ. Скульпторъ, Брюссель.

Меніе, Константинъ. Скульпторъ, Брюссель.

Пикеръ, Эдмундъ. Писатель, адвокатъ, сенаторъ, редакторъ журнала „Pasicrisie belge".

ванъ Рійсвикъ, Янъ. Бургомистръ г. Антверпена, адвокатъ.

Всего подписавшихся 34.

Венгрія.

Бети (Beöthy, Jsolt), Жолтъ. Профессоръ.

Фракноі (Fraknoi), Вильмошъ. Епископъ; главный инспекторъ музеевъ и библіотекъ.

Баронъ Этьешъ (Eötvos), Лорандъ. Президентъ венгерской академіи наукъ.

Всего подписавшихся 30 лицъ (въ томъ числѣ 23 члена палаты депутатовъ).

Германія.

фонъ Амира, Карлъ. Д-ръ и профессоръ юридическихъ наукъ при Мюнхенскомъ университетѣ, членъ кор. баварской академіи наукъ.

Бернбомъ, Карлъ. Д-ръ, профессоръ государственнаго и церковнаго права при Боннскомъ университетѣ.

Биндингъ, Карлъ. Д-ръ и профессоръ юриспруденціи при Лейпцигскомъ университетѣ.

Еллинекъ, Георгъ. Д-ръ и профессоръ государственнаго права при Гейдельбергскомъ университетѣ.

Зомъ, Рудольфъ. Д-ръ и профессоръ юриспруденціи при Лейпцигскомъ университетѣ, членъ кор. саксонскаго научнаго общества.

Ласпейресъ, Этіенъ. Д-ръ философіи и правъ; профессоръ государственнаго права при Гиссенскомъ университетѣ.

Лёнингъ, Эдгаръ. Д-ръ правъ и юридическихъ наукъ при Галлескомъ университетѣ, почетный членъ Кіевскаго университета.

фонъ Мауреръ, Конрадъ. Д-ръ и профессоръ юридическихъ наукъ при Мюнхенскомъ университетѣ, членъ кор. баварской академіи наукъ.

Мейеръ, Георгъ. Д-ръ, профессоръ государственнаго права и исторіи права при Гейдельбергскомъ университетѣ.

Пилоты, Р. Д-ръ и профессоръ государственнаго права при Вюрцбургскомъ университетъ.

Пирке, Оттонъ. Д-ръ и профессоръ юриспруденціи, и. д. декана юридическаго факультета при Берлинскомъ университетѣ.

Бегасъ, Рейнгольдъ. Профессоръ, скульпторъ, Берлинъ.

фонъ Бецольтъ, Ф. Д-ръ и профессоръ исторіи при Боннскомъ университетѣ.

Валлотъ, Паулъ. Профессоръ высшей технической школы въ Дрезденѣ.

Вальдейеръ, Вильгельмъ. Д-ръ и профессоръ анатоміи при Берлинскомъ университетѣ, директоръ анатомическаго института, членъ и постоянный секретарь академіи наукъ, и. д. ректора университета.

Виркховъ, Рудольфъ. Д-ръ, профессоръ медицины при Берлинскомъ университетѣ, директоръ патологическаго института, членъ академіи наукъ.

Визлиценусъ, Іоаннъ. Д-ръ, профессоръ химіи при Лейпцигскомъ университетѣ, членъ кор. саксонскаго научнаго общества.

Дельбрюкъ, Гансъ. Д-ръ и профессоръ исторіи при Берлинскомъ университетѣ.

Зиммерингъ, Р. Д-ръ, профессоръ, членъ академіи искусствъ, скульпторъ, Берлинъ.

ф. Кёлликеръ, Альбертъ. Д-ръ и профессоръ анатоміи при Вюрцбургскомъ университетѣ.

Клюге, Фр. Д-ръ, профессоръ нѣмецкаго языка и литературы при Фрейбургскомъ университетѣ.

Крепелинъ, Е. Д-ръ и профессоръ психіатріи при Гейдельбергскомъ университетѣ.

фонъ Ленбахъ, Ф. Докторъ.

Лескіенъ. Д-ръ и профессоръ славянскихъ языковъ при Лейпцигскомъ университетѣ, членъ кор. саксонскаго научнаго общества.

Момсенъ, Теодоръ. Д-ръ и профессоръ исторіи при Берлинскомъ университетѣ.

Онкенъ, Вильгельмъ. Д-ръ и профессоръ исторіи при Гиссенскомъ университетѣ.

Паульсенъ, Фридрихъ. Д-ръ и профессоръ философіи при Берлинскомъ университетѣ.

Рейнъ, Вильгельмъ. Д-ръ и заслуженный профессоръ, директоръ педагогической семинаріи при Іенскомъ университетѣ.

Роденбергъ, Юлій. Д-ръ, издатель „Deutsche Rundschau", Берлинъ.

Шаперъ, Фрицъ. Профессоръ, скульпторъ, Берлинъ.

Шмидтъ, Іоганъ. Д-ръ и профессоръ индогерманской филологіи при Берлинскомъ университетѣ, членъ академіи наукъ.

Фишеръ, Куно. Д-ръ и профессоръ философіи при Гейдельбергскомъ университетѣ.

Хеккель, Эрнстъ. Д-ръ и профессоръ зоологіи при Іенскомъ университетѣ.

Эйкенъ, Рудольфъ. Д-ръ и профессоръ философіи при Іенскомъ университетѣ.

Всего подписавшихся 158.

Голландія.

ванъ Бейма (Beuta), П. И. Д-ръ правъ, старшій секретарь министерства юстиціи.

Кальфъ, И. Д-ръ правъ, вице-президентъ кассаціоннаго суда.

Крамеръ, И. А. Д-ръ правъ, старшій секретарь военнаго министерства.

Конинъ-Лифстинъ, Ф. Б. Д-ръ правъ, президентъ кассаціоннаго суда.

де Лоутеръ, И. Д-ръ правъ, профессоръ Утрехтскаго университета.

ванъ Наамень-ванъ-Земнесъ, А. Д-ръ правъ, президентъ первой палаты парламента.

Баронъ д'Онисъ де Бурруй (d'Aulnis de Bourouill). Д-ръ правъ профессоръ Утрехтскаго университета.

де Саворнинъ Ломанъ, А. Ф. Д-ръ правъ, бывшій министръ, членъ второй палаты парламента.

Симонсъ, Д. Д-ръ правъ, профессоръ Утрехтскаго университета.

Такъ ванъ Поортфлитъ (Poortvliet), И. П. Р. Д-ръ правъ, бывшій министръ, членъ второй палаты парламента.

Торбекке (Thorbecke), В. Д-ръ правъ, государственный прокуроръ.

Ванъ деръ Флюгтъ (Van der Vlugt), В. Профессоръ правъ Лейденскаго университета.

Фоккема-Андре (Fockema-Andreae), С. И. Д-ръ правъ, профессоръ Лейденскаго университета.

Бергансіусъ, И. В. Генералъ-лейтенантъ, адъютантъ Е. В. Королевы, бывшій военный министръ.

Буасвенъ (Boissevain), Шарль. Главный редакторъ газеты „Allgemeen Handelsblad".

Дейсеринкъ (Dyserinck), Г. Бывшій морской министръ.

Ванъ деръ Флиръ (Flier), Г. И. Д-ръ богословія, придворный капелланъ.

Этеръ ванъ Виссекерке (Egter van Wissekerke), А. И. Ф. Генералъ-маіоръ артиллеріи.

Всего подписавшихся 39.

Данія.

Байеръ, Фредрикъ. Членъ „Bureau interparlamentaire“ и „Bureau international de la Paix“.

Баудицъ, Софусъ. Директоръ просвѣщенія, профессоръ.

Биссенъ. В. Скульпторъ, профессоръ академіи.

Брандесъ, Георгъ. Д-ръ, литераторъ.

Карстенсенъ, Карлъ. Президентъ союза датской печати.

Нюропъ, Кр. Профессоръ Копенгагенскаго университета.

Понтоппидант, Генрихъ. Писатель.

Синдингъ, Стефанъ. Скульпторъ.

Тегнеръ, Гансъ. Профессоръ, живописецъ.

Томсенъ, Вильгельмъ. Профессоръ Копенгагенскаго университета.

Всего подписавшихся 45.

Италія.

Арколео, Джорджіо. Профессоръ конституціоннаго права при Неаполитанскомъ университетѣ, бывшій помощникъ статсъ-секретаря министерства внутреннихъ дѣлъ, депутатъ.

Бруза, Эмиліо. Профессоръ уголовнаго права, президентъ юридическаго факультета Туринскаго университета, членъ верховнаго совѣта по народному образованію, бывшій предсѣдатель „Institut de droit international“, членъ кор. академіи наукъ въ Туринѣ, почетный членъ общества швейцарскихъ юристовъ.

Буцати, Г. К. Профессоръ конституціоннаго права при Павійскомъ университетѣ, членъ „Institut de droit international“.

Калиссе, Карло. Профессоръ исторіи права, президентъ юридическаго факультета Пизанскаго университета.

Канонико, Танкреди. Почетный профессоръ Туринскаго университета, президентъ кассаціоннаго суда, членъ „Contenzioso diplomatico“, членъ кор. академіи наукъ въ Туринѣ, членъ „Academia dei Lincei“, членъ кор. бельгійской академіи наукъ, сенаторъ.

Кателлани, Энрико. Профессоръ международнаго права при Падуанскомъ университетѣ, членъ „Institut de droit international“.

Корси, Алессандро. Профессоръ международнаго права при Пизанскомъ университетѣ, членъ „Institut de droit international“

Даніели, Галтіеро. Бывшій профессоръ юриспурденціи, вице-предсѣдатель ассоціаціи журналистовъ, депутатъ.

Фани, Чезаре. Бывшій помощникъ статсъ-секретаря министерства юстиціи и духовныхъ дѣлъ, депутатъ.

Габба, К. Ф. Профессоръ гражданскаго права и философіи права при Пизанскомъ университетѣ, членъ „Academia dei Lincei“, членъ „Institut de droit international“ и „Association for International Law“.

ди Джентиле, Ф. Анъетта. Профессоръ международнаго права при Палермскомъ университетѣ.

Грассо, Джіякомо. Профессоръ конституціоннаго права при Генуэзскомъ университетѣ.

Лилла, Винченцо. Профессоръ философіи права, предсѣдатель юридическаго факультета Мессинскаго университета.

Луццати, Луиджи. Профессоръ конституціоннаго права при Римскомъ университетѣ, бывшій министръ финансовъ, депутатъ, иностранный членъ „Institut de France“, членъ „Academia dei Lincei“.

Манцато, Ренато. Адвокатъ, профессоръ международнаго права при высшей кор. коммерческой школѣ въ Венеціи, членъ „Ateneo Veneto“, членъ „Institut de droit international“.

Минуцци, Ливіо. Профессоръ конституціоннаго права при Павійскомъ университетѣ.

Морелли, Альберто. Профессоръ конституціоннаго права при Падуанскомъ университетѣ.

Моска, Гаэтано. Профессоръ конституціоннаго права при Туринскомъ университетѣ.

Олива, Джузеппе. Профессоръ международнаго права при Мессинскомъ университетѣ, президентъ кор. академіи „Пелоритана“.

Патетта, Фредерико. Профессоръ исторіи права, президентъ юридическаго факультета при университетѣ въ Сіена.

Піерантони, Августо. Профессоръ международнаго права при Римскомъ университетѣ, членъ „Institut de droit international“, сенаторъ.

Ронга, Джіованни. Профессоръ римскаго права при Туринскомъ университетѣ.

Россы, Луиджи. Профессоръ конституціоннаго права при Болонскомъ университетѣ.

Сальвіоли, Джузеппе. Профессоръ исторіи права и церковнаго права, президентъ юридическаго факультета Палермскаго университета.

Счіалоя, Витторіо. Профессоръ римскаго права, президентъ юридическаго факультета Римскаго университета, членъ главнаго совѣта по народному образованію.

Ваккелли, Джіованни. Профессоръ конституціоннаго права при Пизанскомъ университетѣ.

де Амичи, Эдмондо. Писатель.
Бонфадини, Ромуальдо. Предсѣдатель ассоціаціи журналистовъ.
Бонфильи, Клодомиро. Бывшій профессоръ, депутатъ.
Кардучи, Джосуэ. Профессоръ итальянской литературы при Болоньскомъ университетѣ, членъ „Academia dei Lincei", президентъ кор. общества по исторіи Романьскаго отечества, сенаторъ.
Ломброзо, Чезаре. Профессоръ психіатріи при Туринскомъ университетѣ, директоръ кабинета судебной медицины.

Всего подписавшихся 289.

Норвегія.

Гетцъ, В. Государственный прокуроръ.
Ламбрехтсъ, М. Предсѣдатель высшаго суда Норвегіи.
Хагерупъ, Ф. Профессоръ государственнаго и международнаго права при христіанійскомъ университетѣ.

Бьернштерна-Бьернсонъ. Литераторъ.
Вереншольдъ, Э. Живописецъ.
Гарборгъ, Арне. Литераторъ.
Григъ, Эдвардъ. Композиторъ.
Ибсенъ, Генрихъ. Литераторъ.
Кіелландъ, Александръ Л. Литераторъ.
Іонасъ, Ли. Литераторъ.
Нансенъ, Фритіофъ. Профессоръ Христіанійскаго университета.
Свендсенъ, И. Композиторъ.
Тауловъ, Фрицъ. Живописецъ.

Всего подписавшихся 31.

Франція.

Бертелеми, Г. Профессоръ административнаго права при Парижскомъ университетѣ.
Бутми, З. Членъ „Institut de France", директоръ „de l'Ecole des sciences politiques de Paris".
Жидъ, Шарлъ. Профессоръ политической экономіи при юридическомъ факультетѣ Парижскаго университета.
Лене, Арманъ. Профессоръ международнаго права при юридическомъ факультетѣ Парижскаго университета.
Ліонъ-Кэнъ, Ш. Членъ „Institut de France", профессоръ юридическаго факультета при Парижскомъ университета.

Салейль, Р. Профессоръ гражданскаго права приПарижскомъ университета.
Трарье, Л. Сенаторъ, бывшій „garde des sceaux“, министръ юстиціи.

де Брольи, герцогъ. Членъ французской академіи.
Ваддингтонъ, Шарль. Членъ „Institut de France“, заслуженный профессоръ факультета словесныхъ наукъ при Парижскомъ университетѣ.
Далу, Ж. Скульпторъ, членъ „Institut de France“.
Данъ (Dampt), Жанъ. Скульпторъ.
Даньянъ Бувре, П. А. Ж. Живописецъ.
Дюкло, Э. Членъ академіи наукъ, директоръ Пастеровскаго института.
Зола, Эмиль. Писатель.
Кларети, Жюль. Членъ французской академіи.
Лависъ, Эрнестъ. Членъ французской академіи.
Леруа-Болье, Анатоль. Членъ „Institut de France“.
Бреаль, Мишель. Членъ „Institut de France“, профессоръ „Collège de France“.
Моно, Габріель. Членъ „Institut de France“, президентъ „Ecole de Hautes Etudes“.
Пари, Гастонъ. Членъ французской академіи.
Ренанъ, Эрн. Живописецъ.
Ру, Э. Членъ академіи наукъ.
Рише, Шарль. Профессоръ медицинскаго факультета.
Сарду, Викторіенъ. Членъ французской академіи.
Прюдомъ, Сюлли. Членъ французской академіи.
Фальгіеръ, А. Скульпторъ, членъ французской академіи.
Фламмаріонъ, Камиллъ. Астрономъ, писатель.
Франсъ, Анатоль. Членъ французской академіи.

Всего подписавшихся 68.

Швейцарія.

Бридель, Луи. Профессоръ юридическаго факультета въ Женевѣ, директоръ „Revue de moral social“.
Готіе, Альфредъ. Профессоръ юридическаго факультета при Женевскомъ университетѣ.
Жанте, Ферд. Профессоръ международнаго права при Женевскомъ университетѣ.
Крамеръ, Луи. Членъ кассаціоннаго суда, Женева.
Кеберли, М. Д-ръ, приватъ-доцентъ международнаго права.

Линдтъ, Ф. Бургомистръ г. Берна.

Мианье, Густавъ. Почетный президентъ „Institut de droit international", предсѣдатель международнаго комитета краснаго креста.

Педрацини, Март. Д-ръ правъ, профессоръ государственнаго права въ Фрейбургѣ.

Трейхлеръ, И. И. Д-ръ, заслуженный профессоръ юридическихъ наукъ при Цюрихскомъ университетѣ.

Броше де ла Флешеръ. Членъ „Institut de droit international", Женева.

Фохтъ, Густавъ. Д-ръ, профессоръ государственнаго права при Цюрихскомъ университетѣ.

Ле Фортъ. Судья трибунала первой инстанціи, Женева.

Хильти, Карлъ. Д-ръ, профессоръ государственнаго права при Бернскомъ университетѣ.

Хитцигъ, Герм. Федр. Д-ръ, профессоръ римскаго права Цюрихскаго университета.

Шнейдеръ, А. Д-ръ, профессоръ римскаго права Цюрихскаго университета.

Берде, Л. Бывшій членъ національнаго совѣта.

Буаго. Членъ національнаго совѣта.

Деларма. Членъ національнаго совѣта.

Рогенъ, Жюль. Бывшій предсѣдатель федеральнаго трибунала, Женева.

Секретанъ, Э. Главный редакторъ „Gasette de Lausanne".

Турреттини, Т. Полковникъ артиллеріи. Женева.

Форреръ, Л. Д-ръ, членъ національнаго совѣта.

Всего подписавшихся 100.

Швеція.

де ла Гарди, графъ Робертъ. Губернаторъ, президентъ второй палаты риксдага.

ф. Гейденстамъ, Вернеръ. Литераторъ.

авъ Гейерстамъ, Густавъ. Литераторъ.

Миттагъ-Леффлеръ, Г. Профессоръ при Стокгольмскомъ университетѣ.

Монтеліусъ, Оскаръ. Профессоръ, начальникъ отдѣленія при національномъ музеѣ.

Нордстремъ, Т. Главный директоръ желѣзныхъ дорогъ.
Баронъ Норденшёльдъ, А. Э. Профессоръ университета.
Оливекрона, К. Членъ академіи наукъ.
Графъ Сноильскій, К. Главный библіотекарь.
Тегнеръ, Эсай. Профессоръ Лундскаго университета.

Всего подписавшихся 79.
(Въ томъ числѣ 38 профессоровъ.)

Приложеніе № 2.

Списокъ иностранныхъ сочиненій и болѣе обстоятельныхъ журнальныхъ статей, выходящихъ за послѣдніе годы по „Финляндскому вопросу".

Къ разъясненію финляндскаго вопроса; нѣсколько статей изъ одной финляндской газеты. Б. Беръ. Берлинъ, 1899.

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи. Лондонъ 1900 г. 78 стр. Цѣна 1 франкъ.

Нюхольмъ, К. В. Положеніе Финляндіи въ Россійской державѣ. Переводъ съ датскаго. Штуръ. Берлинъ 1901. Цѣна 2 Rmk.

Русскій патріотъ. Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія. Берлинъ. Г. Штейницъ. 1900. Стр. 124– 161.

Чертковъ, В. Финляндскій разгромъ. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900 г. 76 стр.

* * *

Arnheim, Fritz. Dr., korr. Mitglied der Königl. schwed. Akademie der schönen Wissenschaften, Geschichte und Altertumskunde etc. etc. Der Ausserordentliche Finnländische Landtag 1899. Die Antwortschreiben der Stände auf die Kais. Vorlagen über die Umgestaltung des Finnländischen Heerwesens. Uebersetzung des Originaltextes nebst einer Vorbemerkung. Leipzig, Duncker & Humblot. 1900 г. XIX + 344 стр.

von Bar, L. Der Burenkrieg, die Russificirung Finnlands, die Haager Friedensconferenz und die Einrichtung einer internationalen Academie zur Ausgleichung von Streitigkeiten der Staaten. Hannover, Helwingsche Verlagsbuchhandlung. 1900 г. VII + 61 стр.

Ein Beitrag zur Beurtheilung der Staatsrechtlichen Stellung des Grossfürstenthums Finnland. Die wichtigsten Ergebnisse der

Schrift von Prof. Dr. R. Hermanson: „Finlands statsrättsliga ställning". Leipzig, Duncker & Humblot. 1900 г. VIII + 76 стр. Цѣна 1.60 Rmk.

Bornhak, Conrad. Russland und Finnland. Ein Beitrag zu der Lehre von den Staatenverbindungen. Leipzig, Duncker & Humblot. 1900 г. 57 стр.

Getz, B. Das staatsrechtliche Verhältniss zwischen Finnland und Russland. Leipzig, Duncker & Humblot. 1900 г. 51 стр. Цѣна 1,20 Rmk.

Minzès, Boris, Dr. Staatsstreich in Finnland und nationalrussische Eroberungspolitik. Ergebnisse einer Studienreise in Finnland, auch ein Beitrag zur Friedensconferenz. Emil Felber. Berlin 1899.

Minzès, Boris, Dr. Die rechtlichen und wirthschaftlichen Beziehungen des Grossfürstenthums Finnland und der Balkanstaaten zu Russland. Ein Vortrag, gehalten 10. Mai 1899. Sonderabdruck aus dem Jahrbuch der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirthschaftslehre zu Berlin. V. Jahrgang. I. Abtheilung. K. Hoffmann. Berlin 1900.

Oppenheim, J. (Leiden), *de Louter, J.* (Utrecht), *Reiger, W. A.* (Groningen), *de Harton, L.* (Amsterdam), Professoren des öffentlichen Rechts. Die finnische Frage. Ein Gutachten. Archiv für öffentliches Recht, herausgegeben von Paul Laband, Otto Meyer, Felix Stoerk. Книжка III-я. 1900 г.

Das Recht Finnlands und seine Wehrpflichtsfrage. Eine kurze aktenmässige Betrachtung von einem finnländischen Juristen. Leipzig, Duncker & Humblot. 1900 г. 60 стр. Цѣна 1.40 Rmk.

Zur Lage Finnlands von Justus. Die Nation. Nr. 5. Berlin, den 3. November 1900.

* * *

Bain, Nisbet. Finland and the Tsar. Fortnightly Review, май 1899 г.

Birrell, Augustine, Professor. Finland and Russia. Contemporary Review, іюль 1900 г.

The Downfall of Finland. An Object-lesson in Russian Aggression. Blackwoods Magazine, іюль 1899 г.

Finland and the Tsar. Contemporary Review, май 1899 г.

Finland, An english journal devoted to the cause of the finnish people. Edited by C. Harold Perrott. London, Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co. 11 номеровъ, отъ іюня 1899 г. до мая 1900 г.

Finnicus. Russian. Officialism and the Finnish Press. National Review, май 1900 г.

Fisher, Joseph R. Finland and the tsars, 1809—1899. London, Edward Arnold, 1899 г. XV + 272. (Въ концѣ 1900 года вышло второе изданіе съ дополнительной главой.)

The *Reply of the Finnish Estates*, adopted at the extra-ordinary diet of 1899, to the Proposals of his Imperial Majesty, Nicholas II, Grand Duke of Finland, for a new military service law in Finland. London. Eyre and Spottiswoode. 1900 г.

Russia and Finland. Nineteenth Century, май 1899 г.

Westlake, J. The Case of Finland. The National Review, мартъ 1900 г. Edward Arnold, 1900 г. Цѣна книжки 2 s. 6 d.

* * *

Berendsen, Ivar, Norman-Hansen, C. M. Det finske Statskup og den internationale Adresse. Въ „Tilskueren", сентябрьская книжка, 1899 г.

Berlin, Knud. Finlands statsretslige Stilling till Rusland. Dansk tidskrift, іюльская книжка 1900 г. (Universitetsboghander G. E. Gad.)

Karakterschets: Harold Perrott. De Hollandsche Revue, іюнь 1899 г. (Обстоятельное описаніе происшествій въ 1899 г.)

van der Vlugt, W. Finland de Rechtsvraag. Amsterdam, P. N. van Rampen & Zoon. 1900 г. 104 стр.

Getz, B. Det statsretlige Forhold mellem Finland og Rusland. Tidskrift for Retsvidenskap. Вышло также въ особомъ изданіи. Христіанія, 1900 г. 41 стр.

Nyholm, C. V. Finlands Stilling i det russiske Kejserrige. Brödrene Salmonsen (J. Salmonsen). 1900 г. 120 стр.

* * *

Bernardini. Le droit des faibles: la Finlande. Revue de Paris. 1-го апрѣля 1899 г.

La Constitution du Grand-duché de Finland. Recueil des lois fondamentales et autres actes officiels qui determinent ou éclaircissent la situation politique du Grand-duché, avec un aperçu du developpement historique du droit public de la Finlande et un commentaire aux lois fondamentales de 1772 et de 1789. Paris. Société nouvelle de librairie et d'édition (Librairie George Bellais) 17, rue Cujas. 1900 г. 199 стр. Цѣна 3 frcs.

Corsi. Russia et Finlandia. Estratto dalla Rivisto internazionale di scienze sociali. Римъ. Августъ 1899 г.

Le coup d'Etat en Finlande. Leipzig, W. Friedrich. 1899 г.

de Coussanges, J. La question finlandaise. La Quinzaine No. 122, ноябрь 1899 г.

Delpech, Joseph. La question finlandaise. Les droits du Grand-duché de Finlande et le manifeste du tsar du 3/15 février 1899. Extrait de la Revue générale de droit international public. Septembre-octobre 1899. Paris, A. Pedone. 1899 г. 27 стр.

Despagnet, Frantz. La question finlandaise au point de vue juridique. Avec l'adhésion de Messieurs: J. Aubry (Rennes), Louis Barde (Montpellier), Eugène Barrême (Marseille), Ludovic Beauchet (Nancy), R. Beaudant (Grenoble), A. Gairal (Lyon), Ch. de Lajudie (Lyon), H. Moulin (Dijon), M. Moye (Montpellier), P. Pic (Lyon), F. Surville (Poitiers), J. Timbal (Toulouse), Léon Duguit (Bordeaux), Professeurs de droit international et de droit constitutionnel. — Paris, Librairie de société du recuil général des lois et des arrêts. 1901 г.. 84 стр.

Diète de Finlande en 1899. Réponses des Etats aux propositions impériales concernant le service militaire personnel. Traduit du texte officiel suédois. Paris, Société nouvelle de librairie et d'édition (Librairie George Ballais). 1900 г. 296 стр. Цѣна 3 frcs. 50 c.

Denis, Léon. Finlande et Russie. L'Humanité nouvelle. 10-го сентября 1899 г.

Leclerq, Julien. La Finlande et le tsar. Mercure de France, іюль 1900 г.. Paris.

Leroy-Beaulieu, Anatole, La Russie, la Finlande et la conférence de Haye. Revue des Revues; маѣ 1899 г.

Michoud, Léon, et de Lapardelle, A., professeurs à la Faculté de droit de l'Université de Grenoble. La question finlandaise. Laval. Imprimerie parisienne L. Barnéoud & Cie. 1901 г. 77 стр.

Moreau, F. La question finlandaise. Revue du droit public et de la Science politique en France et à l'Etranger, sept.-oct. 1900. Paris, Librairie Marescq ainé. 1900.

Pillet, Antoine, et Delpech, Joseph. La question finlandaise. Le manifeste du tsar examiné au point de vue du droit international. Extrait de la „Revue générale de droit international public". Mai—juin 1900. Paris, A. Pedone 1900 г. 24 стр.

Pro Finlandia. Les adresses internationales à S. M. l'Empereur Grand-Duc Nicolas II. Edition facsimile. 1899. Stockholm, W. Tullberg. Berlin, Otto Mertz.

Puaux René. Pour la Finlande. Paris, P. V. Stock. 1899 г.

La situation politique de la Finlande. Extrait de la „Revue de droit international et de lègislation comparée.“ Deuxième année. Tome II. 1900. Bruxelles, Bureau de la revue; Haag, Belinfante frères; Paris, A. Pedone; Berlin, Puttcammer & Mühlbrecht. 1900 r. 79 стр.

Vandervelde. L'état actuel de la Finlande. L'Humanité nouvelle, іюнь 1899 r.

van der Vlugt, W. Le conflit finlandais, envisagé au point de vue juridique. Paris, Edition de l'Humanité nouvelle. 1900 r. 208 стр. Цѣна 3.50 frcs.

van der Vlugt, W. Pour la Finlande. Paris, Edition de l'Humanité nouvelle. 1900 r. 132 стр. Цѣна 2 frcs.

Поступило въ продажу:

СЕМЬ
СУДЕБНЫХЪ РѢЧЕЙ

(на русскомъ языкѣ)

Владиміра Спасовича.

Изящно изданный томъ 280 страницъ.

Цѣна 5 марокъ.

Содержаніе:

I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Владиміръ Спасовичъ считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ защитниковъ въ Россіи. Его многочисленныя судебныя рѣчи, всегда отличавшіяся богатствомъ мыслей, краткимъ и яснымъ способомъ выраженія и діалектическою тонкостью, появились въ Россіи въ 10-томномъ изданіи.

Печатаніе же настоящихъ 7 судебныхъ рѣчей, въ которыхъ затрогиваются очень трудные и серьезные вопросы, вслѣдствіе ихъ уголовно-политическаго содержанія, русской цензурой было — запрещено. Лица, въ защиту коихъ В. Спасовичъ произнесъ эти рѣчи въ судебныхъ засѣданіяхъ при закрытыхъ дверяхъ, принадлежатъ къ образованнѣйшему классу русскаго общества.

Три столѣтія русской исторіи.

Обзоръ

исторіи Россіи со времени восшествія на престолъ Романовыхъ до настоящаго времени (1598—1898).

Д-ра Артура Клейншмидта,

Проф. Гейдельбергскаго университета.

Съ двумя генеалогическими таблицами, одной таблицей портретовъ и картой (ходъ развитія Россіи).

Цѣна 9 марокъ. — Въ изящномъ переплетѣ 10,50.

Содержаніе: Предисловіе. — До Петра Великаго. — Петръ Великій. — Екатерина II. — Петръ II и Анна. — Два регентства въ теченіе одного года. — Послѣдніе Романовы. — Первый Готторпъ. — Екатерина II. — Павелъ. — Александръ I. — Николай I. — Александръ II. — Александръ III. — Николай II.

ОТЗЫВЪ:

Zeitschrift der österr. Gymnasien:

Eines der Meisterwerke der neueren Geschichtsschreibung. Aus tiefster Kenntniss der Quellen und Literatur schöpfende Darstellung in vollendeter Form.

Deutsche Literaturzeitung:

Das Buch ist namentlich durch die Kunst psychologischer Analyse und durch die feinsinnige Zeichnung der geistigen Strömungen der Zeit ausgezeichnet.

Deutsche Revue:

Bisher die einzige Geschichte Russlands von wissenschaftlicher Bedeutung und künstlerischer Vollendung.

Zeitschrift für Bücherfreunde:

Die Ausstattung ist geradezu vortrefflich. Der Druck ist gross und klar. Zwei Karten veranschaulichen das Wachsthum Russlands. Am Anfang finden wir eine Porträttafel sämmtlicher Selbstherrscher. Es wird die Leser interessiren, zu sehen, wie viele stolze, stattliche Männer und schöne Frauen auf dem Thron von Russland gesessen haben. Am Schluss endlich finden sich die Stammtafeln der Romanow und Gottorp.

Braunschweigische Landeszeitung:

Es spricht für die Unbefangenheit des Verfassers, dass das Buch in Russland immer noch nicht von den Zensurbehörden freigegeben ist.

National-Zeitung:

Man muss anerkennen, das Kleinschmidt ein unparteiischer, gerechter Beurtheiler der neueren Geschichte Russlands und ein Meister anziehender, volksthümlicher Darstellung ist. *Eugen Zabel.*

Tägliche Rundschau:

Angesichts der grossen Rolle, die Russland heute in der Gestaltung der ostasiatischen Frage spielt, und angesichts der Bedeutung, die der nordische Koloss im XX. Jahrhundert für die Weltgeschichte haben wird, dürfte zweifellos das Kleinschmidt'sche Buch allen auf moderne Bildung Anspruch machenden Lesern willkommen sein. Kleinschmidt zeigt die ungewöhnlich rasche Entwickelung, die Russland vom Barbarenstaat bis zu einer der leitenden Grossmächte der Welt durchgemacht hat; er giebt eine knappe, anschauliche Darstellung dieses interessanten staatlichen Werdeprocesses.

Die Nation:

Die Entwickelung Russlands vollzog sich im Wesentlichen unter einer Weiberherrschaft. Katharina I., Anna, Elisabeth, Katharina II. — diese Herrscherinnen repräsentiren seit Peter des Grossen Tode im ganzen vorigen Jahrhundert — bis auf wenige

Jahre, in denen halb verrückte Herrscher am Ruder waren — das russische Zarenthum mit seiner unbeschränkten Machtfülle. Diese weiblichen Selbstherrscher waren obendrein durchweg das, was man in einer anderen Lebenssphäre mit dem Namen „liederliche Weiber" bezeichnen würde.

Leipziger Zeitung:

Kleinschmidt schreibt nicht, wie die meisten seiner Fachgenossen. Was ihn vor Vielen auszeichnet, ist sein ausgeprägter Sinn für vornehme Denkart. Alles Niedrige ist ihm in innerster Seele verhasst; und in dem Streben, historisch gewordene Gemeinheiten gebührend blosszustellen, legt er seinem äusserlich zwar nicht zur Schau getragenen, innerlich aber heiss tobenden Temperament die Zügel nur locker an.

Въ книжномъ складѣ **ШТУРА** въ *Берлинѣ*, **61 Унтеръ денъ Линденъ**, продаются:

	Маркъ
Мысли о современномъ положеніи Финляндіи . .	—.80
Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ.	
Вып. 1: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ**	1.—
Докладъ Ванновскаго по поводу студенческихъ безпорядковъ 1899 г.	1.50
Бебель, А., Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени	3.—

Въ этой книгѣ знаменитаго автора обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій значеніе для нормальнаго развитія соціальнаго положенія общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ непродолжительномъ времени выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 25 изданій.

Бильбассовъ, В. А., Исторія Екатерины второй.

Томъ I	10.—
— „ — Томъ II	15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой.

Въ этомъ сочиненіи встрѣчаются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государственныхъ архивовъ, почему и первое изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфиско-

вано и уничтожено. Этотъ трудъ крайне интересенъ для всякаго желающаго основательно ознакомиться съ современной исторіей. Изложеніе труда прямо прекрасно и такъ занимательно, что всякій прочтетъ названную работу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Бильбассова составляетъ „событіе“ въ русской исторической литературѣ.

Флеровскій, Н. Н., Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III 6.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя *Аѳанасьевымъ* 10.—

Толстой, Л. Н., Война и разумъ . . . . . —.60

— „ — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ 5.—

Въ настоящее изданіе вошло **все**, что русской цензурой *не пропущено*.

Кромѣ этихъ книгъ въ книжномъ складѣ ШТУРА имѣются всѣ русскія книги, напечатанныя внѣ Россіи.

Всѣ порученія исполняются скоро и аккуратно.

Книжный магазинъ ШТУРА

въ Берлинѣ

принимаетъ книги отъ издателей на комиссію, печатаетъ всякія сочиненія на русскомъ и другихъ языкахъ, принимая на себя отвѣтственность за правильность изданія, и предлагаетъ свои услуги Г. Г. авторамъ, издателямъ и книгопродавцамъ, которые пожелаютъ издавать свои книги за границею.

Черезъ книжный магазинъ

ШТУРА

въ Берлинѣ

 61 Unter den Linden 61

продается

Положеніе Финляндіи

въ

Россійской Державѣ.

К. В. Нюгольма,

Члена Верховнаго Суда.

Переводъ съ датскаго.

 Цѣна 2 Марки.